

Лариса Шевченко

ДНЕВНИК

ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ

12+

Лариса Шевченко

Дневник замужней женщины

«Автор»

2019

Шевченко Л. Я.

Дневник замужней женщины / Л. Я. Шевченко — «Автор», 2019

Вторая книга серии «Вкус жизни» – «Дневник замужней женщины» – повествует о жизни трех женщин. Первую из них судьба наказала за доверчивость, вторую – за чистосердечность и доброту. А третья всю жизнь искала подходы к любимому человеку – эгоисту и социопату. Все свои поиски, метания и размышления она подробно излагала в дневнике. Эта книга о разном понимании счастья мужчинами и женщинами. Все книги серии можно читать как отдельные, не связанные друг с другом. Но для лучшего понимания идей автора рекомендуется сначала прочесть книгу «Надежда», рассказывающую историю ее детства.

© Шевченко Л. Я., 2019

© Автор, 2019

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.fb2>

В формате epub:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.epub>

В формате txt:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.txt>

В формате doc:

<http://larisashevchenko.ru/files/hope.doc>

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

Предисловие

1

- Засиделись мы. Пора и честь знать, – сказала Лера.
- Пора по голубятням и курятникам, – поддакнула ей Лиля.
- Старые кости комфорта просят, – устало вздохнула Аня.
- По стойлам! – весело скомандовала Инна. – Кира, можно я у вас заночую?
- Не стеснишь. В общежитии по двенадцать человек в одной комнате жили.

Слава проводил до такси гостей, имеющих в городе ночлег, а четверых Кира устроила у себя в зале.

Лена осторожно опустилась на матрас. Вместе с болью по позвоночнику разлилось блаженство. Тело радовалось отдыху. Лене всегда удивляла совокупность этих, казалось бы, несовместимых ощущений. Впервые она прочувствовала это странное сочетание при массаже. После удаления лимфатического узла рука периодически переполнялась жидкостью и сильно болела.

«Прикосновения массажистки усиливали боль и одновременно приносили некоторое облегчение. Я вскрикивала, медсестра замирала. Но я, постанывая, упрашивала ее не прекращать работу. И только когда очень уставала от боли, просила на пару минут прервать сеанс, чтобы прийти в себя и накопить достаточный запас терпения. Трудно заставлять себя самостоятельно массировать поврежденную руку, но если это делает другой человек, то ничего, терпеть можно», – вспомнила она.

Перед глазами Лены промелькнули кадры ее разговора со знакомым охотником: «Волк, попав в капкан, перегрызает свою лапу и уходит. Человек, оказавшийся в подобной ловушке, гибнет. Мой друг-дальнобойщик, сибиряк, здоровяк, менял в дороге колесо своей фуры. Домкрат повело, колесо придавило ему руку. Наутро нашли парня мертвым. Замерз, бедняга».

«Со спиной мне проще: как прихватит, потрусь о косяк двери с полчаса – и порядок. Но это если есть силы, для такой «гимнастики». Приходится преодолевать себя. Иначе беда», – лежа неподвижно и впитывая усталым мозгом и сердцем ощущение расслабленности и покоя

во всем организме, с легкой грустью подумала Лена о своих мелких ежедневных проблемах со здоровьем.

За стеной квартиры что-то гроыхнуло. Лена вздрогнула и открыла глаза. Свет от фонаря на столбе достигал окна комнаты и слабо освещал расположившихся на полу женщин, давая возможность, если не видеть лиц, то хотя бы разглядеть их силуэты и позы. И луна, с трудом протискивающаяся сквозь темные тучи, грозящие снегом, вносила свой вклад в их обнаружение.

Непонятно откуда взявшийся широкий пучок света закружил ослабленное дневными капроновыми шторами изображение переплета окна по стенам. Тени ветвей деревьев скользнули по обоям и, преломившись на потолке, исчезли. Опять стало темно. «Свет от проезжающих мимо машин достигает сюда?» – подумала Лена. Но эта мысль недолго удерживала ее внимание. Она услышала тихое дребезжащее гудение холодильника на кухне. Оно немного раздражало.

«Теперь главное постараться поскорее заснуть, – стала настраивать себя Лена. Спокойные размышления всегда помогали ей в этом. – Есть разные степени усталости. При одной, наработавшись, засыпаешь, лишь коснувшись головой подушки. При другой, что особенно свойственно больным и пожилым людям, мучаешься, но не можешь заснуть до утра. А есть усталость старческая. От бессилия клюет какая-нибудь старушка носом, сидя в кресле. Сама того не ведая, каждые полчаса впадает в кратковременную дрему, но утверждает, что не спит, все слышит и видит. И тут же опять голову склоняет на плечо и даже похрапывает. Общеизвестно, что старые люди добирают недополученное ночью время сна в течение суток».

Лена с улыбкой вспомнила свою любимую бабушку и незаметно впала в зыбкое забытие.

2

Прикосновение к плечу вырвало Лену из плена тяжелой дремы. Инна наклонилась к ее уху. Ей не терпелось спросить о реакции подруги на появление в их компании Андрея. Лена ответила тихо и на удивление спокойно:

– Сердце вздрогнуло, чувства на миг захлестнули, но я лишний раз убедилась, что тогда, сорок лет назад поступила правильно. Я бы не смогла как Эмма. В таких делах лучше сразу отсекай.

– Сознайся, все эти годы не оставляла надежду на встречу?

– А смысл?

«Ответила без запинки, словно отлично выученный, многократно продуманный урок. Не хочет переубеждать себя в том, что промашку сделала, – подумала Инна и неуверенно пробормотала:

– Мне почему-то жаль.

– Мне тоже, – мягко сказала Лена и закрыла глаза.

– Может, зря тогда спугнула свое счастье?

– Так-то ты меня поняла. Не блажи, – урезонила Лена подругу.

«В который раз я это слышу? Уловила момент, когда затеять разговор, – с некоторым раздражением подумала Лена. – Похоже, я начинаю терять терпение. Устала».

Но добавила она спокойно и сдержанно, придав голосу необходимую убедительность:

– Каждый день готовиться к преодолению любых неожиданностей? И к чему бы привела эта затяжная борьба? Вряд ли мы пришли бы к обоюдному согласию, а любовь все равно потеряли бы. Теперь, в нашем возрасте, чтобы понять человека много не надо: отдельные жесты, невзначай брошенные фразы, взгляды – и все ясно. Насквозь всех видишь. А тогда... Наставлять жениха на путь истинный? Его природу не перешибить. И я не могла изменить своим принципам. Не имело смысла тратить свою жизнь на борьбу с фантомами.

Инна опять наклонилась к Лене, желая продолжить разговор.

– Он был бог, а ты – богиня!

– Конечно, чувствовала, что я не эпизод в его жизни, ощущала себя любимой, желанной, но... как оказалось, не единственной. И все же он – моя любовь на всю жизнь. И ничего тут не поделать.

– В его табели о рангах ты была на первом месте. «А счастья не было, и нет. А может быть, его не надо?» Это только в раннем детстве нам казалось, что стоит взобраться на крышу своего дома – и все звезды навсегда твои. Помнишь, влезали, любовались, восторгались, разочаровывались...

– Это ты у нас обладатель всеобъемлющей памяти, так сказать, «гений тотальных воспоминаний». Ты же знаешь, что кроме Андрея в моей душе есть обожаемый человек. Но с ним я только на «вы». Ему хочется видеть меня счастливой. Его уважение питает меня. Помню, при первой нашей встрече он так тепло на меня смотрел, так доброжелательно разговаривал! И я поняла: «Вот он, мой человек!» А Андрей был и останется в моей судьбе навсегда. «Не отрекаются, любя». Он незримо присутствует во всем. Он – часть меня. В моей душе всегда звучат слова любви, произносимые только его голосом. Лишь его имя накрепко соединилось в моем сердце с прилагательными «любимый», «единственный». Ни в кого не влюблялась, ни от кого не теряла голову. В моей жизни больше не было места серьезным отношениям. И вообще, охи-вздохи – не моя тема, – усмехнулась Лена.

– Всех мужчин меряла по Андрею. Аристократ, интеллеktуал! Остальные претенденты на его фоне были мелковаты и сероваты? «Кто раз любил, уж не полюбит вновь». И ты этому несказанно рада? Это же патология. Это все равно, что всю жизнь идти с любимым по разным сторонам одной дороги. Боялась нового предательства?

– Мое чувство к Андрею не стиралось, не сглаживалось повседневностью и бытом. Видно за мной с небес всегда наблюдал мой ангел-хранитель, не позволявший делать глупости, – пошутила Лена, смущенная своей излишней откровенностью.

«Однолюбы существуют? Андрей был для нее тем нервом или той артерией, без питания из которой ее тело омертвело бы для любви? Придумала идеальную любовь и тешит себя. А сама даже не задумывалась, откуда у него такие знания в вопросах секса. Хотя... наверное, считала, что все мужчины в этом плане одинаковые. С ее-то неопытностью... Скрывает от самой себя правду, миф поддерживает? Неколебима и тверда, как гранитные ступени перед бывшим обкомом. Жить без мужчины – вредно для здоровья женщины. К чему ей такая идеалистическая, лебединая верность?» – сочувственно подумала Инна и вспомнила, как Лена «отшивала» обожателей. Она говорила: «Я ценю вас за то, что вы уважаете меня и не предлагаете того, что осмеливаются предлагать неумные и неадекватные мужчины».

Инна остановила поток своих размышлений и заметила небрежно, но с некоторой грустинкой:

– Как же, неподражаемый Андрей!

Лена уловила настроение подруги, но не поняла его причины, и поэтому промолчала.

– Как ты сумела не возненавидеть Андрея? Я бы не смогла.

– У него слишком много достоинств, они не позволяли.

– Вот что я тебе скажу: ангел-хранитель у тебя внутри, в голове. Может, тогда и Федька – Эммино трудное счастье, раз несмотря ни на что она не вымещает на нем свои обиды?... Нет, нет и нет! – возмутилась Инна и вдруг добавила зло и горько:

– Я была слишком жестоко наказана судьбой-злодейкой за единственную, сломавшую всю мою жизнь ошибку юности. Она «благословила» меня ударом в самое сердце. И это решило мою участь. С тех пор все хорошее, попадающееся на моем пути, доставалось другим. Я любила жизнь, а она меня – нет. Я мечтала, но жизнь по-своему прорастала во мне и утверждала свою правду бытия. Другое дело ты...

«Тысячу первый раз это слышу. С чего это сегодня, на ночь глядя, Инна взялась исповедаться? И меня провоцирует. Могла бы на завтра отложить, – удивилась Лена. – Обычно она так говорит о себе, находясь в состоянии депрессии».

– Инна, ты заточила себя в пространство обид и стораешь в его костре. Понимаю, труднее всего хранить тайны и прощать обиды. Но ведь надо.

– Я летела на яркий огонь. Тлеющие не привлекали. Он как-то сразу мне глянулся. Его слова звучали для меня прекрасной музыкой любви. Он открыл мне мир счастья, я была в раю... Остерегала меня мама: «По краю ходишь». А я ей: «Ты слишком старомодна». А она: «Это никому не мешает жить». Мне приходилось выслушивать её истерики, ей – мою незрелую логику. Потом разразился скандал и наступил мой черный день. Беда к беде льнет. Почему судьба уберегла его от заслуженного возмездия? А говорят, она и за печкой найдет. Да шут с ним... С тех пор я стала критичной, категоричной, подверженной мрачным мыслям... И если бы не ты...

Побыть хотя бы один день на том свете, в раю, чтобы узнать, стоит ли он того, чтобы убиваться о своих бедах на земле? Может, лучше радоваться тому, что есть?.. И тебе я там попридержала бы местечко, – Инна покривила в усмешке губы.

– Куда тебя понесло... Ну если только по мановению волшебной палочки. Добавить колоритных деталей?

– И сказал дьявол: «Перебьешься»... Моим миром уже правят галлюцинации. Я терпеливо жду своего часа, – пустым голосом сообщила Инна. – Что, неподходящий момент для исповеди?

Лена вздрогнула и как-то пришибленно пробормотала:

– Ничего подобного.

Страх за подругу перехватил ей дыхание. Тревога и боль угадывались в лице Лены. «Опять болезнь вернулась? Не может быть! Давно не напоминала о себе», – возражало ее доброе слабое сердце. И она, отвлекая и отвлекаясь, сказала:

– Во всех нас уживается несочетаемое. Все мы продвигаемся к истине через свою боль и чужую грязь, а иногда через трансформацию романтизма в цинизм. Человек – самая сложная из природных «стихий», из живых единиц, потому что к нему прикладывается сознание и социальная составляющая.

И чтобы окончательно уйти от больно задевших ее откровений подруги, Лена заговорила о себе:

– Ты любила, и я не обделена любовью. Я была счастлива до такой степени, что думала: «Так не бывает, это слишком прекрасно, чтобы быть правдой». Я знала, что значит любить, жертвовать собой, верить, надеяться... Уступить естеству, с кем угодно искать успокоения в нехитрых удовольствиях плоти? И все ради статуса замужней дамы, чтобы злые языки не трепали мое доброе имя, ради дополнительной брони от «набегов» мужчин? Да никогда! Сама со всем справлялась.

Хотя, что мешает подонкам натравливать друг на друга хороших людей, выпускать жало без причины, если их сжирает пламя зависти, если они переполнены горячей сладострастной любовью к сплетням? Невозможно противостоять этой напасти. Они ни за что от себя не откажутся, хотя бы на том основании, что оболгав кого-то, чувствуют себя выше, значимее. Как много «интересного» у них можно узнать о себе!.. Как нам бывает больно! Как трудно защищаться от этого мира. Какая нужна огромная сила духа... Иногда хочется закричать: «Господа-товарищи, будьте милосердны! Не забывайте, что вы люди!»

– Я аплодирую тебе! Трудно быть красивой и талантливой. Скажешь, убийственная логика? Опустить человека совсем не трудно. Ох, я бы с ними потягалась! Оттянулась бы на славу, расставила бы всех их по ранжиру, – разразилась Инна тихим презрительным смехом.

И затихла, вдруг поняв, что Лена нарочно увела ее мысли в другом направлении, чтобы не продлять трудный разговор о ее болезни.

– У кого в семьях всё хорошо, те помалкивают, – спустя минуту, сказала Инна уже совершенно спокойно.

– Ты о наших девчонках?

– И о них тоже.

– Не грусти. Жизнь продолжается. Еще неизвестно кому в чем больше повезет, кто и что может сократить или удлинить чью-то дистанцию, – утешила подругу Лена.

Она замолчала. Обе думали об одном. Инна знала, что Лена понимает ее, как никто другой на всем белом свете. И от этого ей становилось легче.

Галя

Наверное, Кира уже спала, когда ее чуткий сон нарушил вскрик Инны за стеной. Она разобрала только имя Галя. И полетели воспоминания.

Василина Шлосс, ее давняя подруга, узнав, что Галя после МГУ училась в одной группе с Кирой, по секрету поведала ей печальную историю ее бегства из Москвы.

Василина жила с Галей в одной комнате общежития на Воробьевых (Ленинских) горах. (Как мир тесен!) Собственное трудное детство с отцом-деспотом воспитало в ней человека сочувствующего. В устах Василины рассказ прозвучал искренно и грустно.

Их было пятеро, увлеченных идеей поступить в университет. Василий был из Белгородской области. Ему двадцать один год, он цыганской внешности, зеленоглазый, коренастый штангист, беззаботный весельчак и гитарист. Валера – двадцатидвухлетний украинец из Винницы: темно-русый, худой, скуластый, раздражительный, вот уж четыре года подряд каждое лето живший у бабушки своего друга. Одноклассницы Галина, Лена и Лариса учились в одной школе с Василием. Лариса смешливая, кареглазая, с пушистыми, золотисто-рыжими волосами в длинных косах. Лена – светловолосая, подростково-угловатая и очень серьезная. Она даже свою прелестную улыбку – этот важный для любой девчонки «реквизит» – всегда прятала.

А Галина – высокая, темноволосая и голубоглазая. В своем запоздалом физическом развитии, в шестнадцать лет она выглядела на тринадцать. Крупные кисти рук с широкими мозолистыми ладонями и длинными сильными, словно железными, пальцами, противоестественно контрастировали с худенькими плечами, и узкими бедрами. Галя, очевидно, понимая эту несообразность, по возможности, на людях старалась прятать их за спину.

Не гармонировали руки и с нежным, совсем детским лицом. А оно не подходило к ее глубоким строгим глазам, потому что даже когда Галя улыбалась, и подвижное круглое личико сияло веселыми лучистыми ямочками, глаза оставались грустными. Но в них почему-то хотелось смотреть и смотреть, особенно, если они были приветливы и удивительно ласковы. И тогда оторваться от них, завораживающих чем-то непонятным, немного нездешним... было невозможно. Хотелось пить и пить из них любовь и доброжелательность. Этим глазам хотелось верить. Во взгляде Галины не было страсти и огня, но он притягивал своей неземной, божественной силой и не отпускал. Ловить его на себе, наверное, хотели бы многие мужчины. Редко кому удавалось подглядеть Галю в эти чудные мгновения, но если случалось, то она на всю жизнь запоминалась, оставляя в душе свой неизгладимый задумчиво-заманчивый след. (Теперь рекламщики сказали бы: взгляд на миллион.)

Галя еще не сознавала необыкновенного магнетизма своих глаз, притягательности еще по-детски наивной чистой красоты и доброты своей мягкой нежной души. Все ее мысли были поглощены учебой в школе и дополнительными занятиями, которые она устраивала себе сама, без принуждения и понукания. И вот именно в эти строгие часы у ее подруг создавалось впе-

чатление, что Галя про жизнь знает много больше, чем они, но сама об этом еще не догадывается.

Валера поражал Галю категоричностью, необоснованностью суждений и неожиданными взглядами на жизнь. Как-то он заявил:

– Есть Россия, а есть Украина – и не надо нас в одну кучу сваливать. Мы разные и жить должны врозь.

Галя, воспитанная в духе единения и дружбы народов великой страны, впервые услышав подобное заявление, сначала растерялась, удивленно забегала глазами с Василия на Валеру, а потом весело сказала:

– Ты просто тоскуешь по своей малой родине, по любимому кусочку нашей большой страны. Для меня все народы СССР равны. У нас со всеми не просто дружба, братство! А у тебя вздорный характер, поэтому ты нетерпим в мелочах. Перевоспитывайся!

– Редко кому из взрослых тварей дается агония прорастания крыльев, – угрюмо возразил Валера.

– Душа может проснуться в любом возрасте! Иногда, даже неосознанно. Ей толчок нужен, – не отступила Галя.

Валера посмотрел на нее, как на маленькую глупышку, и все же замолчал. Василий не вторгался в их спор, наверное, для того, чтобы он не имел продолжения.

А как-то Валера грубо заявил при Гале, что есть человек (по-украински мужчина), а есть женщина, и этим все сказано. Такого она не могла стерпеть.

– Ты считаешь себя умнее, эрудированнее и сильнее меня? А может, еще какие-то, неизвестные мне качества в себе отыщешь? Потягаемся? – взбеленилась она. – Я сомневаюсь, что пальма первенства в нашем соревновании будет принадлежать тебе, – добавила она чуть мягче, критически оглядывая невзрачную, худосочную фигуру и красное от угревой сыпи, желчное лицо Валеры.

Тот завелся было, окрысился на Галю, но Василий, сделав примирительный жест, перевел разговор в приятное для всех русло. И все же, несмотря на недопонимание, к Валере Галя относилась, как к старшему опытному товарищу, сама не задевала, щадила его самолюбие.

С Василием у Гали были сложные отношения. Влюбившись в начале восьмого класса «в первого парня на деревне», она боготворила его не долго. Уже к весне разочаровалась в нем и осознала, что никаких серьезных планов на его счет в будущем строить не собирается, что неоднократно подчеркивала в коротких репликах, осуждая ребяческую бесшабашность и безалаберность своего бывшего кавалера. «Душа моя не принимает и отторгает тебя. С раннего детства я ненавижу соприкасаться с пошлостью и грубостью. Я отгораживаюсь от них, потому что не умею достойно, без высокомерия, ставить невоспитанных людей на место. Я мечтаю о взаимопроникновении душ, а у меня с тобой такого не происходит. Мы можем быть только товарищами», – терпеливо объясняла она упрямому обожателю. Василий же, в свою очередь, советовал ей не торопиться выбивать почву у него из-под ног, повременить. Давал понять, что для него не все потеряно, что он дождется своего часа, и тогда жизнь покажет, кто был прав, но соглашался с тем, что на данном этапе серьезная подготовка в вуз – на первом месте, «ну а девушки, а девушки – потом».

Матери Гали не нравилась дружба дочери с Василием. Она осторожно упрасивала ее: «Не водилась бы ты с ним. Он человек недостаточной культуры». А Галя отвечала: «Мамочка, не волнуйся, я давно порвала с ним. У нас деловые отношения. Мы вместе решаем задачи». Не одобряла мать и «пустой» затеи с поступлением в престижный университет, советовала приобрести «хлебную» профессию: поступить в пищевой или технологический вуз, как сделали дети друзей их семьи. «В твоём распоряжении все близлежащие, крупные города, а поступление в Москву – редкий, беспрецедентный случай! Он выпадает деревенским школьникам раз

в десять лет, – сердилась она. – И бабушка наша сдавать стала. Ты могла бы чаще ее навещать. Это ее поддерживало бы. Она так тебя любит!» – использовала мать запрещенный прием.

Галя привыкла верить матери на слово, а тут заупрямилась. И той оставалось лишь бдительно и зорко следить, чтобы дочка не наделала глупостей, часто оставаясь в компании двух взрослых мужчин. Бабушка тоже вздыхала и внимательно приглядывала за внучкой во время ее занятий с молодыми людьми. Несмотря на то, что напластовавшийся за годы проживания в деревне страх послушаться родственников давил своей тяжестью привычки к подчинению, Галя нашла в себе силы прорваться сквозь него и упорно отстаивала свое право на выбор профессии, вуза и отношений с друзьями. Она успокаивала родных, утверждая, что Василий – ее детское прошлое, что ни он, ни она не способны на бездумные поступки, обижалась на недоверие взрослых, не понимала их беспокойства. Мир для нее был прост и ясен, ответы на все вопросы понятны и однозначны. (Ах, это прекрасное время милой глупенькой наивности и чистой веры!)

Галя не воспринимала предостережений матери, потому что видела в Василии обыкновенного товарища, наподобие одноклассника. Она не предполагала, не замечала и не чувствовала в нем мужчину с прочно укоренившимися убеждениями и привычками своего круга друзей, к тому же побывавшего во многих жизненных передерягах. Галя думала только об уроках, не вникала в суть своих отношений с Василием, с ее точки зрения уже давно решенных и определенных. Она не оценивала неприглядную, как считали взрослые, двусмысленность своего положения и не боялась попасть под влияние Василия. Галя еще не знала, что наивных девочек всегда караулят несчастья и беды, потому что матери от всех случайностей оградить не могут. Свою голову надо иметь.

Пролетели выпускные экзамены. Заветная медаль лежала в кармане. Стопка местных районных, областных наград и грамот по результатам олимпиад МГУ, училища имени Баумана и физтеха вселяла надежду, но не давала гарантий. Почему выбрала физику, а не математику, которой в большей степени увлекалась? Потому что физика ближе к реальному миру. Последняя грамота по физике вручалась Гале в РОНО нервной дамой, в глазах которой была зависть и злость. Оборвав девочку на полуслове, она сунула ей в руки скромный листок с приглашением поступать в МГУ и, не дав дочитать его до конца, в буквальном смысле выставила ее за дверь.

«Странно, грамоты обычно вручают торжественно. И почему эта женщина такая злая, будто мне досталась то, на что она рассчитывала сама», – недоуменно пожимая плечами, размышляла Галя, энергично шагая по пыльной проселочной дороге. Но вникать в причину чужих эмоций ей не хотелось. (Только несколькими годами позже в случайной беседе она узнала, что элитная школа (как ее называли за глаза) в последней всесоюзной олимпиаде не заработала ни одной грамоты. А тут, видите ли, какая-то безвестная девчонка-выскочка из сельской школы получила право на льготы при поступлении в главный вуз страны! Можно сказать, что был затронут престиж городской школы. Хотя, какая она городская? Поселковая. Статус ей почему-то такой дали.) Вот уж о чем не думала Галя, так это о престиже чужой школы и о собственной гордости. Ей даже было немного неловко, что ее подруга Валя – как ей казалось, более «сильная» в науках – обойдена наградой. Именно это и пыталась она объяснить заведующей РОНО, когда та грубо выпроваживала ее из кабинета.

Наступил день отъезда. Галя впервые покидала пределы области, да еще не куда-либо отправлялась – в Москву! В душе восторг и надежда. Друзья рядом. В сумке вареная курица, хлеб, помидоры. В чемодане теплая одежда на случай плохой погоды и новенький ситцевый сарафанчик, сшитый ею накануне отъезда.

За окном замелькали города и села...

Москва Галю сразу ошеломила. Суeta на вокзале вызвала смятение и робость перед огромным городом. Некогда ей было все изучать и переваривать. Она чувствовала себя слепым новорожденным котенком. А тут еще жара разморила. И ведь не сбегашь к колодцу, что стоит у самой хаты, чтобы водички попить. Пристроилась в очередь к автомату с газировкой, так ее сразу грубо оттеснили в сторону. Пошла к другому. Там народу была уйма, а очередь не двигалась. Оказалось, что вода закончилась. «А тогда чего стояли, не расходились те, кто впереди? Делать им нечего? Дурой меня выставили», – злилась Галя.

Вернулась к друзьям смущенная, растерянная, с виновато-вымученной улыбкой. Потом надо было идти на трамвайную остановку. А она трамвай от троллейбуса не отличила, потому что никогда их не видела. У прохожих постеснялась спрашивать, чтобы не подумали, что из психушки сбежала. И все же вспомнила, что в учебнике по физике про рельсы говорилось. Еще в автобус без очереди влетела. Пассажиры смотрели на нее молча, осуждающе. И она, сгорая от стыда, забилась в угол задней площадки. Не выходить же «против течения»! И в метро на эскалаторе цеплялась за ребят, как самая последняя «деревня», тормозила движение попутчиков, суетилась на ступеньках, выпрыгивала с них, будто дикая коза из кустов. Сама себе была противна...

Гале казалось, что взоры всех людей обращены на нее, такую глупую и невоспитанную, что она вызывает презрительное, насмешливое сочувствие. В действительности, как она поняла позже, до нее никому дела не было. Может, и скользнула по ней взглядом какая-нибудь беспечная городская школьница или безразличный прыщавый юнец, так и то лишь для того, чтобы тут же забыть, движением ресниц смахнуть запечатленное на сетчатке, но не занесенное в базу данных своего еще недостаточно развитого мозга. «Ах, взмах ресниц, как кисти взмах волшебной...»

А в деревне расторопной считалась. Что поделаешь! Первый раз «в первый класс». Нама-ялась, напозорилась, пока добралась до величественного главного здания университета. Тут впервые увидела телефоны, лифты, огромные холлы, залы. Голова кругом пошла от всего этого великолепия!

Очередь на сдачу документов в приемную комиссию и получение талона на жилье длинной извилистой змеей растянулась на весь внутренний двор. Молодые люди, молча и терпеливо стояли, выстроившись в затылок друг к другу, и только изредка наклонялись, чтобы переставить чемодан или сумку. Было уже темно, когда Галя в толпе таких же, как она, невезучих девчонок и мальчишек, без талона оказалась в одной из рекреаций семнадцатого этажа. Она вдруг ощутила себя в чужом городе и в этом огромном здании-муравейнике одинокой, никому не нужной и глубоко несчастной. Сердце сжало обостренное чувство оторванности от семьи. Слезы хлынули из глаз. Девочки бросились ее утешать:

– Ну что ты, ночь перекантуешься, а завтра и до тебя очередь дойдет. Нельзя пасовать перед трудностями.

– Я первый раз из дому, – сквозь бурный поток всхлипываний произнесла Галя, горбясь на чемодане и прижимая голову к коленям.

Таким было ее первое знакомство с собой в непривычной обстановке.

– Понятно, – сочувственно произнесла одна из девочек и предложила вместе пойти устроиться на ночлег.

– Спасибо, я не одна, мне подружки помогут, – пробормотала Галя, уже стыдясь своей слабости.

«Никогда не была нюней, не предполагала, что окажусь слабачкой», – удивлялась самой себе Галя.

Слезы почему-то не облегчили ее состояния. Измученная многочасовым стоянием в очереди, а главное, чувством собственной неполноценности, многократно испытанным за первый неуспешно закончившийся день, она раскисла. Ей показалось, что все у нее теперь пойдет

неудачно, и что, может быть, она зря, наперекор матери поехала в этот неприветливый город. То ли было в деревне!

Подошел никогда не унывающий Василий. «Наши девчонки на восемнадцатом этаже. Пойдем к ним», – позвал он. Но там никого не оказалось. Василий пошел разыскивать друзей. Вскоре он вернулся один и успокоил Галю, сказав, что ее подруги и Валерка, скорее всего, уже дрыхнут где-нибудь без задних ног, и что он тоже нашел место для ночлега. Галя машинально отправилась за ним. На выбранном этаже, высокие, незнакомые цветы украшали огромный, пустой холл. Но они не вызвали у Гали теплых чувств. Она опустила на чемодан и снова расплакалась.

Что-то незнакомое, настораживающее, хитровато-деловитое и расчетливое почувствовала Галя в странно суетливых движениях Василия, но она списала это впечатление на счет своей раздраженности и усталости. И тут Василий обнаружил балкон. Это неожиданное открытие привело его, как ей показалось, в неопиcуемый восторг. Он-то и умирил проснувшееся в ней недоверчивое беспокойство. Василий схватил Галю за руку и потащил к открытому окну.

– Галка, смотри, какие звезды! – закричал он.

А она глянула вниз. В черноте огромного двора, как в зияющем ущелье, где-то глубоко-глубоко внизу светилось несколько огоньков. Посмотрела перед собой, на город – бесчисленные таинственные цветные вспышки рисовали причудливые, хаотичные картины... И она в этом огромном мире одна – неустроенная, несчастная... Подняла глаза к необъятному низкому тяжелому небу, слегка расцвеченному бледными звездами – и совсем потухла, растворенная в его черноте. Переизбыток впечатлений окончательно обессилил ее. Так захотелось к бабушке! Галя нащупала в темноте какое-то подобие кресла и опустилась в него. Василий пристроился рядом, на подлокотнике.

– Да ты совсем озябла, – произнес он тихим шепотом, осторожно касаясь ее плеча.

Силы покинули Галю. Но не это было главным. Морально была раздавлена. И Валерки с девчонками не было рядом. Бросили ее. С ними приободрилась бы. Наплакавшись, Галя незаметно погрузилась в тяжелую полудрему. На нее напало абсолютное безразличие ко всему, что происходило в этот день. Ей не хотелось суеты, волнений. Спать, спать, спать.

Во сне Гале казалось, что кто-то – может быть, бабушка – осторожно накрывает ее теплым ватным одеялом. Минуты ли прошли после этого момента, часы ли, она не знала. Только разбудило ее что-то непонятное и неприятное: будто свалилось на нее тяжелое, хрипло дышащее животное. Приняв происходящее за дурной сон, она попыталась окончательно проснуться. Секундная резкая боль... затем тупая, ноющая, тянущая, окончательно приведшая ее в чувство...

Галя открыла глаза, шевельнулась, пытаясь понять, где она, что с ней?.. Луна освещала балкон. Было очень тихо. Она лежала на двух придвинутых друг к другу креслах. Василий сидел рядом на полу с настороженно-испуганным лицом. С трудом стал доходить смысл произошедшего, но он бесцветный, безразличный, далекий... как бы из глубины подсознания. Нет... не доходит, неопределенно маячит в затуманенном сном мозгу. И только тупая, ноющая боль напоминает о реальности странного пробуждения.

Почему-то непонятные, неосознанные, тихие, горькие слезы полились сами собой. «Не может быть... Мои женские дела пришли, – ухватила за спасительную соломинку Галя, наивно ожидая чуда. – Так не время, – тут же поняла она свою бесхитростную попытку успокоить себя. – Ничего не было, ничего не произошло, – по-детски упорствовала она в своем нежелании признать случившееся. – Мне только совсем чуть-чуть было больно, а сейчас там, внутри, все саднит как при «гостях».

Но какая тоска на душе! Отчего? Будто из жизни ушло что-то очень важное, будто лишилась чего-то ценного, необходимого. Оно безвозвратно утеряно. Нарушена тонкая, целомуд-

ренная грань двух миров – детского и взрослого, – разделяющая мир чистый, нежный, добрый и незнакомый, жестокий, противоречивый, к которому я, не зная его законов, никогда не стремилась? Откуда во мне эти горькие мысли и слова? Словно кто-то независимо от моего желания нашептывает их мне на ухо... Получается, что сообщение о локальном нарушении и боли в поврежденном участке тела передалось по нервным окончаниям в мозг, а он уже задействовал какие-то особые системы, отделы чувств, после которых во мне возникло душевное смятение и сердечная боль. Ведь если я порежу палец, эти ощущения не возникнут... У человека есть подсознание и сознание, связывающие физическое состояние организма с его моральными ощущениями? Они контролируют, но не спасают... – Галя попыталась проникнуть в неизвестную ей область науки. – Может, я имела эти нравственные знания на генетическом уровне, а сегодня они проявились. Наша «анатомичка» что-то похожее как-то после уроков пыталась нам разъяснять, но говорила, что эти идеи пока под запретом... Она у нас передовых взглядов... Все это только теории.

...Мне было хорошо в милом, трудно-радостном, по-своему счастливом школьном детстве. Зачем мне этот новый взрослый мир? Я не готова к нему. Меня устраивала наполненность жизни учебой, спортом, запойным чтением, мечтами и подготовкой к поступлению в вуз, естественным образом отделявшая приход этого опасного периода взросления. Я не хочу раньше срока разрушать свое детство. У меня никогда не было желания открывать и заглядывать за эту дразнящую некоторых девчат, запретную, будто бы соблазнительную завесу взрослой реальности. Она меня не интересовала. Я не имела ни малейшего понятия, чем заканчиваются ухаживания некоторых юношей. Нет... я слышала, читала, искренне сочувствовала несчастным девушкам, но всерьез не задумывалась о том, как это происходит, не примеряла эти ужасы на себя. Мне еще рано... Некоторые мои одноклассницы не очень хорошо решали задачи по математике, а вот жизнь свою, наверное, устроят лучше меня, по крайней мере, глупых ошибок не совершат или сделают их намного меньше, чем я, непрактичная.

...Была когда-то чуть-чуть влюблена. Да и влюбленностью это нельзя было назвать. Он был настойчив. Девчонки завидовали, мол, какой парень! Заинтересовалась, но быстро разочаровалась. Как говорится, нутром почувствовала: не та душа, не мой уровень. Даже если бы и влюбилась... Влюбленность – начало, но не вершина любви. А дальше что? Будни? Зачем мне торопиться в них окунаться?»

Гале почему-то вспомнились «Темные аллеи» Бунина и другие его произведения, которые она читала с Василием. Он приносил ей эти книги. Там была деревенская девочка, которую герой одного рассказа... во сне, походя, по-барски, не задумываясь о ее дальнейших, неизбежных, пожизненных страданиях... «Кому-то все позволено?..» Мне тогда казалось, что попадись тот подонок на моем пути, я могла бы его убить, отомстить за невинно загубленную... Каждый берет от гения то, что ему ближе и понятней? Кому-то, видно, ближе скотство...

Как я оказалась на двух креслах?.. Бабушка всегда шутила, что меня пушкой не разбудить, пока сама не проснусь. Это и подвело?..

А слезы все лились и лились непроизвольно, будто оплакивали ушедшее детство.

Не заметив слез, дрожащих в глазах Гали, не видя бурной реакции, Василий успокоился, накрыл ее своим пиджаком, устроился в двух соседних креслах и тут же захрапел. Последнее, что мелькнуло в его голове (он сам, позже, куражась, ей доложил): «Не обвинит меня ее мамаша. Мало ли кто в большом городе мог подкараулить глупую девчонку».

Галя лежала, свернувшись калачиком, в огромном неуютном кресле. В сердце был ледник, неприкаянность, одиночество, будто расставшись с гармонией в теле, она потеряла мир в душе. В ней теперь была угрюмая темнота и угнетенность. Опять нахлынула тоска. Чуждое ей состояние. Галя еще не думала о последствиях. Ей было горько и гадко. И вовсе не от боли, она была естественная, обычная, как три дня в месяц. Беспокоила непривычная, тоскливо-ноющая

боль в сердце. Сверлила мысль: «Сама ли я как-то в одночасье изменилась, мир ли вокруг стал другим: неприветливым, глухим, черствым, обидным?»

Она прислушивалась к своим ощущениям и не могла понять себя, своих унылых вялых эмоций в связи с потерей чего-то невосполнимого, трудно поддающегося осознанию, исчезновению на бессознательном уровне чего-то спокойного, дающего уверенность. Ею овладело тягостное недоумение. Хаос тупых, бестолковых, безвольных мыслей, громоздившихся и не уплывающих, еще больше запутывал и затушевывал ее сознание. Она лежала безучастная, заторможенная, словно одурманенная. Странное чувство равнодушия, граничащее с забытием, окутало ее.

...Память зачем-то опять подсунула Гале обрывки воспоминаний вчерашнего дня и ночи. Она вновь мучительно попыталась разобраться в сумятице мыслей, в саднящих, неразрешимых противоречиях... Она чувствовала себя необъяснимо задетой, оскорбленной, униженной. Но ей не удавалось из вороха мыслей выделить главную. Где-то на задворках сознания удерживались какие-то знания, но они не касались ее, оставляя в полном неведении... Нет, это не с ней, а с кем-то другим произошло что-то глупое нелепое и жестокое... События отдавались в мозгу далеким глухим эхом и быстро затухали, не затронув, не овладев... Что-то внутри нее отторгало все взрослое, плохое и страшное. Будто некий добрый ангел-дворник заботливо убирал из ее души грязь, далеко-далеко уносил отголоски боли и оставлял ей только светлое, доброе, родное и прекрасное. «Я люблю этот мир и все хорошее в нем! Плохое есть, но оно в другом месте и не касается меня даже краем. Его нет для меня. Мне надо учиться. Это первостепенное и самое важное».

Галю снова придавила тяжелая дрема. Она уже не понимала, где сон, где явь, где боль... Из глубины сознания явилась странная фраза: «Заспать бы свое горе...»

Открыла глаза. И вдруг терпкая, острая горечь снова проникла в ее душу. Внезапно пришло ясное понимание случившегося ночью. Помимо ее воли из горла вырвались клочковатые хриплые звуки. «Боже! Как все глупо, бессмысленно и дико! А может, ничего не было? У страха глаза велики. Я с перепугу нафантазировала? Книг читалась? Но боль... – судорогой перевивали ей мозги неразрешимые вопросы. – Я никогда не задумывалась о том, что «это» когда-то произойдет и со мной. На первый план всегда выходили мысли о будущей учебе в вузе, о работе. Да о чем угодно, только не про «это». По моим понятиям «к нему» должен вести долгий серьезный путь: настоящая любовь, годы ухаживаний, замужество. И только тогда... как в книгах – «прикосновенья губ и рук становятся необъяснимо несвязанными с головой, с мыслями, а только с чувствами»... А тут... все так бездарно, непонятно, гадко... «Быстро перетерлись в пыль иллюзии юных лет...» Ей на ум пришла строчка из любимой песенки Василия: «И моя юность раскололась как орех».

Галю ошеломила быстрота с ней происшедшего. Секунда, мгновение... Такое невозможно понять, осмыслить, в такое не получалось поверить. «Я могла бы представить себе что-то особенное, заботливо-ласковое, восхитительно-прекрасное, восторженное... допустим, любимого, стоящего на коленях с кольцом и цветами в руках... нежные поцелуи и обещания вечной любви. А все «это» – только после загса.

Я, конечно, читала «Воскресенье» Толстого и многое другое, но все равно не связывалось случившееся в романе со мной в единую цепочку. Будто отдельные ее звенья были разбросаны в сознании... Наверное, отсутствие в мозгу этой логической цепочки между восхитительным ухаживанием и последующим... непредставимым... физическим контактом у юных, наивных девочек и приводит к трагедиям? Неподготовленность заканчивается растерянностью... Ломается жизнь... Это в сказках все заканчивается свадьбой.

Одноклассницы на переменах часто шептались о чем-то секретном, но только те, которые не собирались учиться в вузе, которые замуж торопились. Я в классе была не единственная

книжная, романтическая дурочка. Валя, Лена и Лариса – такие же, далекие от жизни девчонки. Мне не повезло? Да, я глупая. Но я не влюбленная дурочка, из-за парня потерявшая голову! Василий воспользовался мной воровски, подло, а теперь спит, словно ничего не произошло... Нет, вся эта дикая, глупая история не могла произойти со мной доброй, честной, и как раньше казалось, умной девочкой!..

«Не этой ли бессердечной казни моей наивности боялись мама с бабушкой? Так почему же подробно и доступно не объяснили мужскую суть и другие... взрослые вещи? Думали, что я всё знаю от подружек? Но ведь сами же не разрешали дружить с «плохими», слишком взрослыми школьницами. Я, будучи послушным ребенком, не читала «запрещенные» книжки. И подружки не давали их мне, побаиваясь моей строгой мамы, – продолжала Галя в уме диалог с воображаемым внутренним оппонентом. – А своя голова зачем дана? Но я не задумывалась, как... «это» происходит. Мне некогда было, я каждый день решала самые трудные задачи по математике. Мама стеснялась говорить со мной на эти темы? Считала, что я еще мала? Но ведь волновалась, грозила, пугала чем-то эфемерным, до конца мною не осознаваемым, но стандартным, обычным, мол, не принеси в подоле. Отправляя в город, могла бы растолковать. Я ищу виноватых?

Причем тут утрата осторожности! Я не боялась товарищей. В поезде с попутчиками не общалась. Мать говорила, что Василий и Валера – взрослые мужчины, а не мальчики, но я не видела в них угрозы. И почему инстинкт самосохранения ничего мне не подсказал? Он еще не проснулся во мне?

...Ну поцеловалась с парнем. Не понравилось ни целоваться, ни обниматься. Видно, еще не доросла до понимания взрослых ощущений. К тому же разочаровалась в поклоннике как в человеке, вот и всё. Учеба, домашняя и общественная работа заполняли всю мою жизнь, не позволяя внедряться в мозги глупостям. Я презирала девчонок, рано интересовавшихся парнями».

Галя не думала о последствиях странной ночи, потому что не могла разобраться ни в сути, ни в чувствах, ни в ощущениях от того жуткого события. Мысли ее не шли дальше обиды. «Почему это случилось со мной? В чем я виновата? Жизнь виноватит всех без разбора? Нет в моей душе точки опоры... только растерянность и ощущение тупика. Даже в сказках бывают три искушения, три попытки, а тут ни одной... сразу беда».

Какая нескончаемая ночь... Ответы на вопросы не находились. Впервые в жизни мир для Гали стал непонятным, неоднозначным и жестоким. В тяжелом стоне опять выплеснулась скопившаяся в груди обида на Василия и раздражение на себя.

В окна уже вползала серость раннего утра. Усталость бездарной тусклой ночи снова смежила веки несчастной, неожиданно жестоко повзрослевшей девочки.

...Очнувшись, она опять с особой жалостью почувствовала себя маленьким ребенком, абсолютно не сформировавшимся ни внешне, ни внутренне. Заснуть не удавалось. Серьезная по своему значению и глубине, но не совсем осознанная, огромная нравственная боль никак не проходила, остро и мучительно тревожила. Что оставила она в душе? Смуту, стыд, скорбь, упреки себе и подлецу. Они заслонили ей весь мир, стерли все радости жизни.

...Сквозь тяжелую полудрему пробились горькие мысли: «А к Василию какие у меня чувства? Честь мою растоптал, в душу нагадил и свою в дерьмо опустил. Ненавижу! Избить сонного... как он меня... сделать его калекой? Но я же не зверь. И меня посадят за хулиганство. Бабушка говорила, что если соберешься кому-то мстить, копай две могилы. (Галя не знала, что это Василия могли наказать за нее, несовершеннолетнюю.) Но оставить преступление Василия безнаказанным тоже неправильно и несправедливо. А что я смогу доказать? Только опозорюсь. А как же экзамены? Василий могильщик моей мечты? Отсутствие ее вовсе лишит меня моральных и физических сил.

Почему у меня нет вспышек бешеной энергии возмущения, яростного желания отомстить? Нет сил даже на бурные эмоции. Какие уж там действия... Стресс? Я настолько угнетена своей бедой, что не в состоянии поднять руку на этого гада? Странная, тупая подавленность чувств... Неожиданная реакция организма. Не понимаю себя. Я же должна его бить-колотить! Упустила время всплеска эмоций? Нет, их не было. Я сломлена? Я не вижу смысла воевать, потому что ничего уже нельзя изменить?..

«Я даже в этой безнадежной ситуации остаюсь математиком. Не могу без анализа, всюду ищу логические связи, перебираю варианты, – криво усмехнулась Галя. – Как недолго длилось мое счастливое шестнадцатилетие!»

В деревне я и словами, и физическим воздействием смело защищала подруг от приставучих мальчишек. Доставалось им от меня! Только других защищала? Нет, и себя тоже. Помнится, тогда, у сельского клуба я спустила с лестницы шофера... Напади Василий на меня открыто, я бы сумела за себя постоять, я бы защищалась из последних сил, зубами бы его рвала, а он подло, спящую... Убить? «Желание убить еще не преступление», – сказала Агата Кристи устами частного бельгийского сыщика Пуаро. Но ведь надо же как-то наказать... Мысли и дела – не одно и то же... Как же быть? Хожу по кругу... Сколько еще подобных вопросов мне придется разрешить, пока я, наконец-то, повзрослею и поумнею! Смогу ли все их одолеть?»

«Лежит это грубое животное в двух шагах от меня. Ничего его не волнует, не беспокоит. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»? Что хочу, то и ворочу? Хочу пить, курю, хочу... И ведь ничего не предвещало... Развесила уши... Как низко он пал! Гадкий, противный. Сво-лочь! Ненавижу! Подонки! А еще претендовал на наставничество, учил жить. Думает, завоевал, заставил быть его собственностью, наверное, доволен, что хоть и предосудительным, подлым способом, но добился своего? Нет, промахнулся. Не выйдет!

Для него такое поведение привычно? Разве счастливым насильно можно сделать? Человек способен творить страшные вещи без особой на то причины, не отдавая себе отчета в содеянном? Захотел – и всё? Это что-то звериное?.. Вряд ли тут присутствовало состояние аффекта. Это что-то другое, преднамеренное, продуманное. Да человек ли он, если так безоглядно и кощунственно... Мама спросила бы: «Кому он обязан такому бесчувствию? Семье, улице?» Как бы она поступила на моем месте?.. Ни ей, ни бабушке я не смогу рассказать о своем позоре. Мама на прощание пригрозила Василию то ли в шутку, то ли вполне серьезно: «Ты за Галю в ответе. Случись что, отец посадит тебя, а я голову тебе оторву». Напугала! Они верили, что их ученик не позволит... А он уже три года, как вне школы и другую марку держит, другой ветер «студит ему виски».

В адрес насильника с онемевших губ, сведенных судорогой обиды, просились резкие слова, но горло перехватывали горькие спазмы. Гале вспомнилась ее давняя перепалка с Василием:

– Я не люблю тебя.

– Моей любви на двоих хватит, – доказывал он величайшую из глупостей.

– Сомневаюсь в подлинности твоих чувств. Слишком легко говоришь красивые слова. Пустобрех... Уйди. Я план на сегодня по задачам еще не выполнила. И вообще забудь о моей детской влюбленности, как забыл ты о многих своих увлечениях.

А еще вспомнила она то, что послужило поводом к их окончательному разрыву. Василий съездил в отпуск к матери в Грузию и вернулся оттуда другим человеком. Он с восторгом рассказывал, как местные ребята говорили, что русская девушка для них как пластинка: поиграем на одной стороне... «И ты не защитил наших девушек?! – бросилась я на Василия с кулаками. – Я тоже русская! Если бы ты попытался оскорбить их девушку, тебе бы так досталось! Ты на всю жизнь запомнил бы, что такое уважение к грузинской женщине. Как нас могут уважать мужчины других национальностей, если свои, русские, не уважают и не ценят?! Видно, у тебя

без тумачков даже простые вещи в голове не задерживаются... Ты и в Грузии нашел подонков, не способных понять нашей женской добросердечности, тех, которые доверчивость и жертвенность принимают за распущенность. Собственно... свинья везде грязь найдет. А еще умным в школе считался!

Влюбившись в меня, ты многого достиг в понимании физики и математики, но не изменил своей «закваски», своей пошлой сути, заложенной уличей. После школы твоими друзьями стала кучка отпетых непутевых недоумков. С ними ты окончательно превратился в дебила, в примитивного мужлана. Ни математика, ни музыка не сделали тебя человеком. Они – прикрытие, красивый панцирь на твоей гнилой душонке. Я таких как ты к себе на пушечный выстрел не подпускаю».

Мне казалось, что после моих жестоких слов Василий задумается над тем, как и чем живет, изменит круг друзей. И когда он снова стал готовиться к поступлению в университет, я порадовалась за него. А он затаился... и отомстил мне за нелюбовь. На лице беззаботная улыбка, а внутри, оказывается, он злой и мстительный? Что для него жизнь? Интересная игра, в которой он использует и не щадит партнеров? Ему важно несмотря ни на что вести в своей игре?»

Галя встала. Подошла к окну. Первые лучи солнца вяло нашаривали рваные облака, стоящие на уровне восемнадцатого этажа. «Они где-то подо мной. Странная картина. Небо с землей поменялось? Нет, это я в ловушке облаков... И у меня в жизни все перевернулось с ног на голову. Осталось броситься в эти облака, чтобы не наводнять мир обидами... А мечтала взлететь, воспарить... Вчера вошла сюда одним человеком, а выйду другим.

Вот так Василий доказал мне свою любовь? Вот из каких гадких моментов, оказывается, состоит жизнь! Как осознать и пережить случившееся? Боже мой! Чем снять тяжесть с сердца? Как поскорее перевернуть эту жутко гадкую страницу?.. Что ж, эту часть жизни я проиграла. Не сорвать бы поступление. Нет, я сильная! Не сдамся. Я запрячу разочарование и обиды в самый дальний угол души, а дальше вожжи в натяг буду держать. Здесь все будет зависеть только от меня и моих знаний. Нет в жизни ничего такого, чего бы ни перенес человек, оставаясь при этом достойным. Все пройдет. И эта душевная боль тоже».

Решение созрело быстро и закрепилось прочно. «Я буду всеми силами сопротивляться чувству отчаяния. Разве жизнь окончена? Разве впереди не будет ничего хорошего? Будет, если поступлю», – сказала сама себе Галя.

Валера спасовал, решил ехать поступать в Киев. Василий зло потребовал ответа:

– Говори, не ходи вокруг да около. Между друзьями не должно быть недомолвок. Брось тень на плетень наводить. Струсил? Меня решил бросить? Сознавайся.

Истинной причины Галя от Валеры не стала дознаваться, а сам он сказал ей: «Сматываю удочки – и точка». На прощанье он грустно заглянул ей в глаза и вручил свой пропуск на подготовительные курсы. Она, еще не понимая ценности подарка, шутливо его поблагодарила, мол, по гроб жизни буду обязана. За три недели тех занятий Галя поняла в математике и в физике столько, сколько не смогла осознать в деревне за годы учебы. Замечательные педагоги упорядочили ее неплохие знания. И она, с присущей ей тщательностью, старалась разобраться и быстро сориентироваться во всем, что преподносилось на курсах. А вечерами она передавала полученные знания своим подругам, тем самым закрепляя их в своей памяти.

На контрольной Галя сработала безукоризненно. А на устных экзаменах им всем помогло то, что перед тем, как зайти в аудиторию, Галя в коридоре опрашивала каждого, уже сдавшего. Оказалось, члены комиссии требуют мгновенно чертить графики любых функций, а в школе они их только по точкам строили. Так требовал учитель. Мигом освоили. Экзамены прошли

уверенно и успешно. На основных дисциплинах Галя набрала два лишних балла. Ей после третьего экзамена сказали: «Вы поступили».

С немецким языком Галя помогла Василию тем, что все три дня перед экзаменом заставляла вслед за собой повторять текст его биографии. Она считала, что у абитуриента, имеющего три года рабочего стажа другого не спросят. С переводом текста со словарем он сам мог справиться. И вдруг Василий получает пятерку, а она тройку. Галя в шоке. Спросила:

– Везение? Случайность?

Василий ответил самодовольно:

– Понравился экзаменаторше. Я же мужчина!

Галю задело его бахвальство, но она гордо промолчала. А через три дня она стояла у стенда зачисленных с глупым, беспредельно счастливым лицом. Боялась, что сердце от радости разорвется. Спасло то, что очень устала. Не было сил даже на положительные эмоции. А еще ее больно резали по сердцу широкие черные полосы в списках абитуриентов, скрывающие фамилии провалившихся.

Лена и Лариса поступили на теоретическое отделение, а Галя с Василием на прикладное. Поселили девочек в разных комнатах на разных этажах главного здания, а Василия в пятиэтажном мужском корпусе.

Начались занятия. И вот тут-то с Галей стало происходить странное и непредвиденное: тошнота, рвота, головокружение, обмороки. Чувствовала она себя прескверно. Первую неделю предположила отравление, потом испугалась. В ней сумрачно заворовилось беспокойство, и она сторбилась под тяжестью медленно надвигающегося предчувствия. Еще неделю промучилась в неведении. Неопределенность камнем давила на сердце. Мысль о предполагаемой трагедии ни на минуту не покидала ее. Какая там учеба! Все плыло перед глазами. Прекрасные лекции не усваивались, удивительные педагоги не радовали, на праздничные мероприятия не ходила. Догадка уже граничила с уверенностью. Но так хотелось надеяться... Напрасно. Галя пронзительно ощутила свою беспомощность. Она почувствовала себя насекомым, не на смерть раздавленным грубым башмаком, и окончательно сникла. «Насколько я могу судить, в этом смысле я не представляю собой исключение из общего правила: у всех наших родственниц был жуткий токсикоз, и мое состояние здоровья сослужит мне в учебе плохую службу», – тоскливо рассуждала Галя.

И на самом деле всё у нее пошло из рук вон плохо. Затруднения и проблемы обступали со всех сторон. Ее нещадно рвало, она жутко страдала от голода и на глазах худела. Засиживалась над книгами допоздна, но науки не шли в голову. Чтобы заснуть, она бродила по коридорам до полного изнеможения с единственной мыслью: «Зачем мне терпеть такие мучения? Сносить их ради появления на свет желанного ребенка – это было бы естественно, но рожать от нелюбимого человека... А как же учеба?»

Снова и снова она задавалась вопросом: «Почему Василий так поступил? Что подвигло его?... Представился шанс уломать строптивую? А нравственные принципы, которым учили в школе, а жалость? Понимал ли он, что уничтожает мою судьбу или мыслил по старинке – «стерпится – слюбится»? Наверное, верил в свою непотопляемость... Что ему терзания оскорбленной, униженной девчонки? Сам-то живет припеваючи, в собственное удовольствие. Ни моральных, ни физических страданий не испытывает. Его колхозное «авось пронесет» сыграло свою роль? Какое он имел право распоряжаться мной? Может, он многое видит совсем иначе, чем я или просто не хочет ничего замечать?

Раньше я не углублялась в причины его поведения, потому что не собиралась иметь с ним серьезных отношений, а он беспрестанно говорил о нашем совместном будущем. За такого выходить замуж? Он же всю жизнь испоганит. Он дурак? Негодяй? Сердце у него слепое, а не глаза. И цена его слов – полушка в праздничный день... А я вот так, «за здорово живешь»,

теперь калечу свою жизнь. Непредсказуемый человек бывает интересен. Но не в этом случае. От Василия можно ждать только каверз и ловушек. Он относится ко всему легко в силу плохого воспитания или беспечность – его врожденное качество? Говорят, бессилён разум, не способный доказать очевидные вещи человеку, который не желает их понять».

В голове Гали и на занятиях кружились клочки ускользающих, растекающихся, мрачных мыслей. «Эх, думала, что с поступлением в университет что-то красивое, серьезное и очень важное войдет в мою жизнь, а из-за этого гада у меня плоская, жестокая обыденность! Всё против меня. Кругом одни минусы». Она с предельной ясностью ощущала весь ужас и безнадежность своего положения. «Вот он тупик, вот он прыжок в неизвестность... Боже мой! Я еще не знаю, что такое первая любовь! Я ждала ее прихода, как праздник, как великое счастье. Она еще не явилась, а я уже пожинаю плоды невесты чего... и проклиная свою глупость.

«В школе мы, конечно, изучали анатомию и физиологию. Главу деторождения не рассматривали, вопроса о зачатии не поднимали, тактично обошли. Только про тычинки и пестики говорили. И я не задумывалась обо всем этом относительно себя. А теперь придется делать признание, которое Василию наверняка не понравится», – пронеслось в ее голове, затуманенной тошнотворным состоянием организма.

Испытующе глядя в глаза Василию, Галя сообщила о своем положении. Оно не произвело на него никакого впечатления. В нем не зажглась даже искорка сочувствия. Его равнодушное лицо потрясло Галю: «Он не способен представить себе мое душевное состояние?!» Ее мнение о добрых и порядочных деревенских ребятах снова скатилось в глубокую пропасть. Везде есть подонки.

Сначала Василий разыграл недоверчивое удивление, потом почему-то обрадовался. Загав улыбку, объяснил: «Рад, что настоящим мужчиной стал». Но решение предоставил принимать самой. «У меня нет перед тобой никаких обязательств. Не перекидывай свои проблемы с больной головы на здоровую», – сказал спокойно и жестко, как отрезал.

Галя потеряла дар речи. «Странно. Что же он тогда понимает под словами «настоящий мужчина», как их интерпретирует, если не как чувство ответственности за свои поступки? Просто самец? Настоящий мужчина – это не бицепсы, а способность защитить себя, близких людей, чужого ребенка, женщину. Это человек, способный оставаться самим собой в любых жизненных обстоятельствах. Так Василий и остается... подонком, – зло усмехнулась она. – У него нет стержня. Он квашня. За что он способен пойти на бой?»

Ни на утро после роковой ночи, ни теперь, получив известие о беременности, Василий речи о женитьбе не заводил, хотя до этого слова любви и обещания не затихали. «Для него любовь – это обладание многими женщинами, а не способность боготворить и уважать всех женщин в лице одной, своей любимой», – горько думала Галя. Она ненавидела Василия, но считала, что он обязана с ней расписаться и развестись, чтобы быть честным перед ее будущим настоящим мужем. Ей хотелось спросить: «Какую роль теперь ты отводишь мне в своей жизни?» Но гордость не позволила.

Решение Гали идти в больницу Василий принял спокойно, даже безразлично. Ее страхи не встревожили, а удивили его:

– Все вы туда периодически попадаете. Всего делов-то. Мура. Ничего страшного.

«Тебя бы вместо меня на операционный стол! Такой гад всю душу из кого угодно вынет...» – в бессильной злобе подумала Галя, лишний раз удостоверившись, что была права, разочаровавшись в обожателе еще в пятнадцать лет. Она уже тогда поняла, что Василий привык легко жить, просто и развязно обо всем судить. «Наше дело не рожать...». В этой его любимой фразе было заведомое неуважение к женщине, безответственное отношение к семье, к своим будущим детям. «В чем причина его такого отношения к жизни? Моя мама, наверное, сказала бы, что в отсутствии элементарной культуры. Во всем, что касается хрупких ценностей жизни, развитие Василия осталось на уровне восьмилетнего ребенка, не успевшего ни познать,

ни осознать... Не наделен он ни наследственной духовностью и моралью, ни бескорыстием ума, ни тонкостью восприятия, ни добротой. Ни на что не отзывается его пустая душа. Она позже созреет? Если вообще способна созреть... Шуточки ему все! Вот они, корни нашей несовместимости, которые предвидела мать и которые интуитивно почувствовала я, отвергая его ухаживания, – тоскливо размышляла Галя. Она ощущала себя брошенной, оплеванной, униженной. Самолюбие жестоко страдало. – Вот тебе и любовь мужчины! Как Василий ее понимает? Женщинам – мучения, мужчинам – удовольствия?»

...Они шли в столовую. И вдруг Василий недвусмысленно заявил, правда, как бы между прочим и совсем тихо: «Я у тебя не первый. Крови не было». Галя была потрясена. Наконец смогла выдать: «Была. Ты ожидал море крови? Совсем дурак или прикидываешься? Ты же не поросенка резал, идиот!» Василий ничего не ответил. Галя стояла ошарашенная, обескураженная и подавленная. «Как я могу доказать, что он не прав, что оговаривает меня?» – растерянно пробормотала она.

Потом он пренебрежительно, сквозь зубы произнес: «Думала, этот вопрос лежит за пределами моей компетентности? Решила воспользоваться возможностью заставить меня оправдываться? Умышленно провоцируешь?». Окончательно придя в себя от обвинений, Галя поняла: «Совершил подлость, да еще и отмазку придумал, вину с себя снял, окаянный! И слова-то какие сочинил! Видно, долго готовился, прежде чем их произнести. Может, даже с кем-то посоветовался». «Широк» в своих проявлениях... Откуда в нем такое? Постепенное накопление гадости в душе дает ему смелость совершать подлые поступки? Тогда это ужасно. Почему и где он их собирал? И куда это может его завести?

В поликлинике Галя несмело, бочком, неверными шагами вошла в кабинет и со слезами стыда опустилась на кушетку. Врач, обращаясь к медсестре, сочувственно-снисходительно бросила:

– Ну вот, теперь еще одна начнет каждые три месяца бегать за направлениями. Из больницы не будет вылезать. Правда заключается в том, что мужик от дурочки никогда не отвяжется, пока ее не угробит. Чтобы это понять, не надо обладать природным даром предвидения. Поиграет, поиграет да и выкинет за ненадобностью. «Поматросит и забросит». Так обычно о таких хахалях говорят.

Чувство протеста закипело внутри Гали. Она горячо возразила:

– Ни за что! Никогда! Я ненавижу его и никогда с ним не буду, иначе все мои мечты и планы провалятся. Я учиться приехала, – с оттенком еще не остывшего негодования добавила она.

– Кого ты хочешь ввести в заблуждение? Все вы так говорите. Только быстро вылетают из памяти горькие уроки. Биты много, толку мало. Бедняжка, – голосом, отравленным горечью, заключила доктор. А старенькая медсестра сморщилась как от зубной боли.

Галя вся сжалась и закусил губу, пытаясь сдержать рыдания. Ей очень не хотелось попасть в категорию пропащих, но и объяснять доктору свою особую ситуацию не считала нужным. «Какая уж там уверенность... и гордое достоинство королевы», – зло и насмешливо корила она себя за слезы.

Шла Галина из поликлиники морально подавленная, в который раз ругая себя за наивность: «Мечтала о счастье, хотела учиться, оплодотворять свою душу знаниями великих ученых, радоваться, гордиться собой, а потом и своей будущей семьей. И вот тебе на! Ребята в школе говорили, что самая симпатичная девчонка, недотрога. Пальцем мальчишкам не позволяла коснуться даже своего плеча. Нос кверху держала. Достойного ждала. Дождалась! Романтической дурехой на поверку оказалась».

Галя мучительно тяготилась создавшимся положением. Она осунулась, потускнела. Для нее стало обычным явлением на занятиях тупо смотреть в окно. В сознание снова и снова

вторгалась безотчетная жалость к себе. «А вдруг останусь бесплодной? Наступить на горло собственной песне и родить? От ненавистного мужчины, насильника? А учеба, а стыд перед родней, деревней? Позорище! Что делать? Губить живое существо?.. Отчим не позволит маме воспитывать моего ребенка. И бабушка Василия для этого слишком стара».

Ехать в больницу пришлось ранним утром, еще затемно. Долго тряслась в автобусе. Вышла на нужной остановке, а тут, как назло, дождь пошел. Уныло завывал в подворотнях холодный, пронизывающий ветер. Галя зябко запахнула полы длинной кофты. Битый час бродила по незнакомым переулкам в поисках неприятного заведения, а спросить стеснялась. Тяжело обвисала на плечах липнувшая к телу мокрая одежда. Все внутри нее дрожало от холода и страха. Наконец, набрела. Противно скрипнула проржавевшими петлями облупленная, покосившаяся калитка. Но на подходе к крыльцу этого старого, наверное, еще дореволюционного здания, решимость покинула ее. И когда она, замерзшая и измученная, все же появилась на пороге приемного покоя, дежурная старушка-врач испуганно всплеснула руками:

– Сколько лет тебе, деточка? Тринадцать, четырнадцать?

– Скоро семнадцать, – прошептала Галя апатично.

– Натворила дел, бедняга! Ко мне запишите этого несчастного ребенка, – попросила врач регистратора, и еще раз жалостливо оглядев девушку, удалилась.

Поместили Галю в палату, где уже обитали пять женщин среднего возраста. Одна, бойкая, бросив на новенькую любопытствующий взгляд, сочувственно пожалела:

– Эх ты, глупышка, целина непаханая, разве можно мужчинам верить без штампа в паспорте! Он тебе сегодня в любви клянется, а завтра с перепугу плакать станет, мол, прости дурака, ошибся, разлюбил, а отвечать за вашу общую глупость одной тебе предоставит. Они же хуже маленьких детей. Только не отстегаешь их и в угол не поставишь.

Две другие женщины сидели угрюмо. А молодая «разведенка» спокойно объяснила свое присутствие в больнице:

– На юг закатила на три месяца и на весь год досыта «наелась». Знала, на что шла, потому и не скулю. Ты думаешь, лучше от супруга своего никчемного залетать? Мала ты еще нашу женскую долю понимать. Береги себя для достойного, если не мужа, так хотя бы для любовника. Мало их, достойных.

А жгуче-черная, нахальная тетка жадно допытывалась, намекая на вольные отношения с мужчинами:

– Колись, не разыгрывай благородное негодование.

К каждой фразе она привычно, бессознательно и бесстыдно пристегивала похабные выражения. Но Галя сторонилась ее, держалась особняком и только с легкой досадой, взглядом пыталась заставить настырную женщину понять неуместность ее расспросов.

Брюнетка продолжила, теперь уже жалостливо:

– Да, жизнь обошлась с тобой не лучшим образом. Видно твой – кобель не из последних. Девочку стронул, гад. Что, белый свет не мил? Наломала ты, девка, дров в горячке, в любви? Всех слез не выплачешь, еще много их у тебя будет. Побереги силы, они тебе завтра пригодятся. На совесть мужика полагалась, не боялась его? Брось его. Выкинь из головы дурь-любовь, иначе всю душу тебе вымотает. Наверное, не сумела покривить душой, скрыть свои чувства, а он и воспользовался? Надоест валандаться с тобой, начнет искать благовидный предлог, чтобы уйти. Не станет миндальничать. Раскаяние не будет его терзать, поверь. Может, мои слова заставят тебя по-новому осмыслить твоё прошлое глупое поведение.

У Гали от всего этого потока страшной информации опять жалко задрожали обветренные за утро губы.

– Напуганная, наученная горьким опытом, теперь будешь шараться от мужиков? – с усмешкой спросила черноглазая. – Бедная, сгубила в себе еще не пробудившуюся чувственность. Быстро завянет нераспустившийся бутон.

– Замолчи, не терзай ребенка, – прикрикнула на нее бойкая многодетная мамаша.

– Мне рот себе зашить ради этой дурехи? – огрызнулась черноглазая соседка.

Первая ночь в больнице прошла в полузабытьи. Перед глазами все время стояло бледно-синее лицо женщины, которую чуть ли не волоком тащили с операции две санитарки. Соседки по палате рассказали, что ее сыну десять лет, а муж – скотина (даром что ученый), потому что пьющий. Она двадцать пятый раз попадает сюда. Врач вызвала ее мужа в больницу и заставила присутствовать при операции, а потом объяснила, что в случае еще одного такого «визита», она не отвечает за жизнь пациентки. Муж что-то пьяно мямлил насчет своих потребностей. Тогда возмущенная и разгневанная докторша заговорила с больной о необходимости прекращения постоянного пьяного насилия путем развода, хотя бы ради ребенка. Больная обещала. И тут Галя вспомнила свою деревню, соседского, рыжего кота-хулигана, который замучил всех кошек на их улице. Били его хозяйки, гоняли целой стаей обиженные коты – бесполезно. Все равно улучал момент, подлавливал совсем молоденьких или старых сонных кошек и добивался своего, несмотря на их истошные крики и визг.

Утром Галя, дрожащая от стыда и страха, проходила по коридору, (как сквозь строй) по обе стороны которого в два ряда стояли больные мужчины и злыми, хамоватыми шуточками провожали «грешниц» в операционную. «По вашей вине мы все тут!» – злилась Галя. И злость высушивала ей слезы.

Появились три доктора. Старушка-врач, окинув быстрым взглядом группу вошедших женщин, сразу заметила испуганную девочку-подростка, подрагивающую плечами и не приметно вытирающую пальцами сбегавшие по щекам непослушные слезы.

– Ребенка ко мне, – тихо, но властно сказала она медсестре.

Спотыкаясь об углы столов, Галя добралась до места, указанного ей доктором.

– Слушай меня внимательно, деточка. Не шуми, не дергайся, позволяю тебе только тихо скулить. Когда будет на самом деле больно, я скажу, вот тогда можешь и покричать, – наставляла Галю добрая старушка.

Щелкали инструменты, спокойный, ровный голос бормотал:

– Так, потерпи, детка, потерпи, еще не очень больно...

Галя терпела, как могла. Лились слезы, сквозь сцепленные зубы вырывались сдавленные стоны, сбивалось дыхание... Когда боль перехлестывала предельное напряжение, она на некоторое время уплывала в темноту.

– Все, малышка. Можешь идти в палату. Дети у тебя будут, только больше не попадай сюда, пожалуйста. Санитарочка! Держите ее, видите, опять в обморок падает!

Галя оперлась на плечо маленькой пожилой женщины. Пол уходил из-под ног. Перед глазами все колыхалось и мелькало. Иногда совсем чернело, и тогда, как сквозь плотную пелену, она слышала голос санитарки:

– Деточка, милая, не удержу я тебя, не дотащу, ножками хоть чуток помогай себе.

И пол опять зыбился под ногами. Доплелась. Рухнула на койку. Не рассчитала, головой об угол тумбочки ударилась. Больные помогли втащить ее на постель. Послали за дежурным врачом. Та нашатырным спиртом привела ее в чувство. Окно перед глазами то светлело, то темнело. Ветка рябины то стучала в стекло, то затихала. Лечащая врач бормотала:

– Напоролась на эгоиста? Береги себя, девочка. Мама-то есть у тебя?

Запекшиеся губы Гали чуть шевельнулись, длинные густые ресницы вздрогнули над вновь выкатившейся слезой. Она прошептала:

– Мамочка, прости меня! Не оправдала доверия.

Соседка по койке видела беспомощно закинутую голову Гали, слабый пульс на тонкой шее, страдальчески искривленные уголки пухлых бледных губ, мучительную складку между бровями и горестно по-матерински вздыхала.

А сознание девушки странствовало в ином, неосязаемом мире. То был временный, может быть, даже спасительный уход от действительности. Но женщины чутко следили за ее состоянием и вовремя подносили ватку с нашатырем. А она не хотела жить, ей хотелось разом покончить с обидой, позором и болью... Это был бы глупый поступок отчаяния...

Василий не пришел в больницу. Не удостоил своим посещением. И в общежитие через три дня Галя возвращалась одна. И вдруг он появился в самое неподходящее время. Девушки, лежа на койках, повторяли лекции. Размашисто и уверенно войдя к ним в комнату, Василий на ходу продолжал шарить по карманам, выискивая спички, чтобы закурить. Потом беззаботно и как бы между делом сказал:

– Галка, могла бы подсказать, чтобы проводил, проведаль и встретил. Сам-то я не догадался.

Она промолчала. «Лбом таранить стену? Ну пробьюсь в твое сердце, и что в нем найду?» – безразлично, как о постороннем, подумала Галя.

А спустя минуту решительно отрезала:

– Приходят по велению сердца, а не по указке. Ты для меня больше не существуешь ни в каком качестве. До дна вычерпал мою душу своей непорядочностью и жестокостью. Разные стежки-дорожки будут у нас с тобой. Уходи!

Василий ушел, но на следующий день снова появился. Галя потребовала уйти. Но он не понимал своей вины, не просил прощения, а напротив, считал поведение Гали капризом и, уже не стесняясь девушек, пытался навязывать ей свою любовь, намекал на продолжение отношений, надеясь, что после больницы она станет более сговорчивой и податливой. Фальшиво говорил, будто не может оторвать ее от сердца.

Равнодушие Василия к ее здоровью и дальнейшей судьбе так явно проглядывало в его поведении, что Галя ужаснулась: «Мне плохо, а он, здоровый мужчина, проявляет нелепую, неуместную детскую обидчивость! Боже мой, какая душевная неразвитость!» Она едва справилась с подступившими к горлу рыданиями. В мозгу слабо шевельнулось желание чем-то обидеть наглеца, доставить ему боль, чтобы он на себе прочувствовал, как ей плохо. Подмывало наглубить, обругать. Но она тут же поняла, что не сможет задеть его за живое, что боль можно причинить любящему человеку, а Василий любил только себя. «В «гости» не просто набивается, нагло, открыто, напролом идет. И какого рожна я должна его терпеть?» – зло думала Галя, пытаясь найти выход из создавшегося неловкого положения.

Василия не смутил приказ Галины убраться из комнаты и из ее жизни. Похоже, даже подхлестнул. Он сел к столу, расположившись по-хозяйски, и как ни в чем не бывало, затеял разговор с девушками, потешая их образчиками пошлого, низового юмора. Его шутки не возымели действия, на которое он рассчитывал. Девушки отворачивались и молчали, как сговорились. «Не тот контингент, это тебе не сельский клуб, – стыдась поведения Василия, подумала Галя. – Господи, дай мне сил избавиться от него!»

А он, со свойственным ему цинизмом, не испытывал ни малейшего неудобства под неодобрительными и презрительными взглядами девушек, не пытался сгладить неприязненность от встречи с ним, напротив, на него напало беспричинное веселье. «Кто юмора не понимает, того и донимают», – весело заявил он. На протяжении всего разговора Галя стремительно менялась в лице. Она уже готова была взорваться от негодования и запустить в гостя чем-нибудь тяжелым. Но тут одна девушка не выдержала:

– Не тот тон ты взял в «беседе» с нами. Что, верх берут сельские мотивы? Твое поведение переходит все дозволенные границы. Наверное, думаешь, что городским девушкам нос

утер? Поучи еще нас! Гордишься собой? Умным показаться хочешь, а у самого невоспитанность лезет из всех щелей. Скромностью не страдаешь. Кем вообразил себя? Наполеоном? Неотразимым Ален Делоном? Налицо все признаки глупости. Умный не позволит себе плохих манер. Слова подбирай, языку воли не давай. Свобода слова – не свобода оскорблений. Мозги не видны, но отсутствие их всегда заметно. Правда глаза не колет? Жалея Галя, сносили твою грубость и бестактность. Надоело потворствовать. Много чести тебе... Ты не находишь, что тебе пора в свой корпус? Ты нам все планы поломал, мы теорему по математическому анализу собирались разбирать. Ради собственного же блага, веди себя прилично, а если не желаешь соблюдать правила хорошего тона, то сообрази выйти из комнаты!

А вторая брезгливо бросила в пространство:

– У него мозги между ног?

«Выпад грубый, но с Василием иначе нельзя», – подумала Галя и, почувствовав поддержку, резко заявила Василию:

– Тебе с первого раза не дошел смысл моих слов? Так вот, повторяю при свидетелях в последний раз: «Уходи! И никогда больше не приближайся ко мне ближе, чем на два метра!»

– Заранее заготовила тронную речь или экспромт выдала? С такой постановкой вопроса я не согласен, – развязно ответил Василий.

– Твоего согласия на это не требуется. Мы не собираемся вступать с тобой в переговоры. Запомни: «Попытка принудить нас к выполнению твоих условий закончится для тебя плачевно. Привык добиваться результата любой ценой? Это в деревне ты король, а здесь людей ценят за другие качества.

Девушки, метавшие негодующие взгляды, не произвели на Василия ни малейшего впечатления. И он ответил им решительным невозмутимым, хладнокровным отказом:

– И кто это у нас тут третейский судья? Я обязан в каждой из вас видеть приснодеву Марию, Богородицу? Поубавьте свой пыл. Жертвовать своими интересами ради другого – как бы не так! Но я удовлетворю ваше любопытство. Если воображаете, что я засмущаюсь или испугаюсь, то вы глубоко ошибаетесь. Мне не стыдно смотреть вам в глаза, и я не горю желанием подчиняться. Как ходил, так и буду ходить. Мне тоже не до светских раутов, но я хочу сидеть и буду сидеть столько, сколько пожелаю. А если вы во что бы то ни стало пожелаете меня выгнать, я вынужден буду... – тут он сделал долгую паузу и нагло усмехнулся. – Уйду, если Галя выйдет со мной. И ввернул в свою речь несколько нелитературных выражений.

Галя была потрясена. В ее глазах все размылось и поплыло. Ее как заклинило.

– Что он еще собирается выкинуть? С него станется. Думает, нет такой нелепости и несообразности, которая не сошла бы ему с рук? В его воспитании зияющие бреши? Откуда у него берется ощущение, что он всегда прав? – спросила одна девушка другую.

– От глупости, – ойкнула третья. – Пора милицию вызывать.

– Забалован он деревенскими девчонками. Восхваляли его, не замечали недостатков, – объяснила поведение земляка Галя.

Усмешка, тлевшая внутри глаз Василия, теперь выпирала наружу и кривила рот, изменяя его лицо не в лучшую сторону. Таким его Галя еще не знала. Он утратил последние проблески своего прежнего лоска. Значит, он раньше играл перед нею роль... Галя поняла, что Василий исполнит угрозу. Он будет мешать девочкам заниматься до тех пор, пока не сочтет нужным, пока полностью не потрафит своему наглому самолюбию. Сгорая от стыда, боясь еще больше накалить атмосферу, она молча вышла.

А Василий, чтобы еще сильнее подчеркнуть поражение подруг, даже из элементарного приличия не поторопился. Вызывающе долго сидел на стуле, ерзал, бессмысленно крутил головой, глядя в потолок, и только потом, как бы нехотя, приподнялся и вразвалочку направился к двери, довольный тем, что всем испортил настроение. Девочки проводили Василия недоумен-

ной, презрительной, мрачной тишиной. А он восторгался собой. Победил! Он не допускал другого варианта.

«А может, Василий развязностью борется со своей неловкостью и досадой на себя? – как всегда мелькнула у Гали добрая оправдательная мысль. – Ой, сомневаюсь. Это раньше я о нем по наивности слишком хорошо думала. Побить бы его гуртом. Но девушки из интеллигентных семей, у них дальше слов дело не сдвинется. Скорее всего, займут нейтральную позицию. Скандал «в биографии» никому не нужен.

А милиции Василий на самом деле не боится, слышала, что умеет с нею ладить. Знает, как девчонок поставить в глупое положение, чтобы их осмеяли, да еще и пригрозили наказанием за ложный вызов. Был у него неоднократный деревенский опыт, не раз он этим хвалился перед друзьями».

«Он и меня на весь вуз не постесняется опозорить», – испугалась она.

Этого Галя больше всего боялась. Она не умела защититься от беспардонной наглости ненавистного обожателя. Что она могла противопоставить его хамству? Свою беспомощность? Она-то и девушек с трудом смогла уговорить не распространяться на курсе об ее беде.

Василий после занятий постоянно подстерегал Галя. Они то стояли в нише между этажами, то вяло и бесцельно бродили по коридору, как старые дикие звери в клетках зоопарка. И так продолжалось из вечера в вечер. Резкие стычки, нудные ссоры... Василий переливал из пустого в порожнее, и на следующий день Галя не могла с предельной ясностью восстановить в памяти суть их разговоров. Она еще не умела спорить, отбиваться, нападать, а он любую ситуацию поворачивал в свою пользу. Он не отводил глаз, когда Галя смотрела на него в упор испепеляющим взглядом. Она гнала его, а он не обращал внимания на ее праведный гнев. На измор брал. Он раздражался непревзойденными по глупости посланиями, адресуя слова то ли себе, то ли Гале, не замечая гримас горечи, искажавших ее печальное доброе лицо.

Ее душевный комфорт мало заботил Василия. Он мешал ей учиться, и сам не готовился к занятиям, непонятно на что надеясь. От него просто некуда было деться. Везде находил. Когда она рвалась заниматься, он говорил: «Я по возможности сокращу время наших свиданий, но хочу надеяться, что и ты пойдешь мне навстречу... как мужчине». А она зло отвечала: «Умерь свои частнособственнические инстинкты. Не дожدهшься».

Недоумение заставляло доискиваться причин столь странного явления. «Меня тошнит от него, а ему не приедается моя компания? Меня заставляет довольствоваться навязанным обществом, намекает на свои желания, а сам не теряет из виду девушек, которые ему симпатизируют. Их здесь пруд пруди и все высший класс! И тут же отваживает юношей, которые пытаются оказывать мне хоть малейшее внимание. Во всяком случае, в списке его пороков значится отсутствие верности и дружеских привязанностей. Он их понимает как-то иначе? Унизить меня старается? Про запас держит? А говорит, что любит. Но ведь в любви ценят, уважают, боготворят. У него она ненормальная? Не нуждаюсь я в такой! Чего ко мне привязался? – Галя безуспешно старалась вникнуть в азы своих взаимоотношений с Василием. – А может, здешние девушки не очень-то его одобряют, и он все врёт, пытаюсь разжечь во мне ревность? Во мне? Ненавижу!»

Галя попыталась урезонить «воздыхателя», пригрозив, что пойдет в комитет комсомола, чтобы повлияли, оградил. Василий расхохотался ей в лицо:

– Много на себя берешь. Я направлю их в поликлинику. Кто после этого поверит, что ты не живешь со мной? Мне ничего не стоит об этом объявить на весь курс.

Сказал, как ножом пырнул. Все предусмотрел. От этих слов все внутри Гали похолодело. Потом она взвилась, как отпущенная сжатая пружина... и вновь опала. А он, довольный, напустил на себя мрачную веселость... и будто зашевелилось в нем что-то противно-мерзкое, гадкое, скользкое, липкое...

Ночами, после сидения над конспектами, Галя еще долго не могла уснуть, перемалывая в голове хлам прошедшего вечера, пытаясь, прежде всего, понять себя. «Что сковывает и удерживает меня рядом с Василием? Стыд? Боюсь презрения сокурсников? Может, того, что мне страшно будет признаться в своей дурости перед тем, кого полюблю по-настоящему? А вдруг он не поймет, не поверит, заподозрит еще во многих грехах, как утверждает Василий? Такой человек мне тоже не нужен. Всю жизнь будет долбить за одну ошибку... как мой отчим. Господи, зачем ты позволил этому гаду разрушить мою жизнь! Почему не защитил? Я же не заслужила такого жестокого наказания. Теперь я никогда не буду счастливой. Я не смогу позволить себе быть простой, искренней открытой. Не сумею до конца распахнуть свою душу. Я навсегда останусь зажатой, подавленной. Не смыть мне налипшую грязь с души, не искупить грех глупости. Перед кем? Перед собой или будущим мужем?

Почему я должна отвечать за поступок, вернее за преступление Василия? Я же не навязывалась ему. Наоборот, избегала, – стучало в голову Гали. – Где справедливость? Кто мне поможет? Тут каждый барахтается в одиночку... А я-то считала, что имею достаточно здравого смысла... Пропала из-за ничтожества», – с усталой злобой думала она. Эта мысль причиняла ей острую боль, убивала, оттесняла другие, беспорядочно осаждавшие, которые тоже сверлили, обжигали и неотступно преследовали.

«Жизнь моя отравлена. Беда лишила ее всякого смысла, обесценила. Занавес опустился. Без любви и хорошей семьи я ее себе не представляю. А какие перспективы могут быть рядом с этим животным? Доведись мне знать про таких, я бы его за версту обегала. Незавидное мое положение. Я кукла в руках Василия. Только что не сплю с ним. Я ноль. Как от него избавиться? Говорят, Бог посылает человеку столько испытаний, сколько он может вынести. Вряд ли он их дозирует. Лучше бы ума людям добавлял. Моя тетя сдвинулась на почве измен мужа, а соседка приобрела страшную болезнь. Выживет ли?.. Ощущение трагедии сильно меняет человека... А что меня ждет? Прошу Василия: «Откажись, отрекись, отстань от меня. Навязался на мою голову! Чудовище! Презираю тебя!» А он на своем стоит, да еще и смеется.

И перед мамой стыдно. Бабушка говорила о Василии: «Не пьет, не курит». А мама с усмешкой добавляла: «Толком нигде не работает, лодырь». И мне остается дополнить картину: «Ни чести, ни совести, ни достоинства не имеет».

Галя вспомнила двоюродного брата, вернувшегося после армии с искалеченной психикой, после того как на корабле его постоянно насиловал офицер, как самого слабого в команде, бил головой об стену кок за то, что слишком умный, интеллигентный, в университете до призыва учился. Брат боролся, выжить хотел... Мы оба невезучие? В школе учителя утверждали: «Счастье возможно, трудности преодолимы, надо уверенно идти за своей путеводной звездой». Лозунги? Мечты добилась, а счастья нет. Вот такой расклад у меня получился. Сколько ни разгребай авгиевы конюшни беспросветных пустых разговоров-раздоров Василия, конца им не будет. Их бесконечная нить то разматывается, то наматывается, то закручивается и запутывается, но все равно приводит в тупик. По кругу ходит... Что изводить себя напрасно? Не могу я от него избавиться. Присосался, как паук, не выпускает из своих цепких лап. Сам не учится и мне не дает. А почему он не хочет готовиться вместе со мной к занятиям? Зачем тогда поступал? Какую цель преследовал? Видно и в любви он такой же: добился своего и больше ему ничего не нужно. Обстоятельства загнали меня в угол? Мне из него как можно скорее нужно выбраться. Иначе может быть поздно.

Мне тоскливо, неуютно часами выстаивать в коридоре под неодобрительными взглядами однокурсниц. Я ощущаю собственную никчемность, теряю прежнюю веселость и жизнестойкость. А Василий ни в грош не ставит мое мнение, воду в ступе толчет и доволен. К чему мне эти нелепые пререкания, это топтание на месте? Мы не ходим на культурные мероприятия. Может, он по своей ограниченности и скудости прошлой деревенской жизни не способен предложить мне ничего интересного и, приходя ко мне, заводит одну и ту же пластинку? И я, не

желая заинтересовывать его собой, тоже не хочу водить его на концерты и выставки, которых здесь бесчисленное множество, и обсуждать их с ним.

Я устаю от Василия и устраиваю себе притворные перемирия, будто бы соглашаюсь с его мнением по некоторым вопросам, только бы он поскорее ушел. Смертельно надоел! Не уходит, хоть плюй ему в глаза. Ветры чужой печали не достигают его сердца. Садист какой-то. Хоть вешайся... Он испытывает удовольствие, удерживая меня? Темная лошадка... Как бельмо на моем глазу. Тошнит от его пошлых деревенских шуток, мне неприятен его грубый гортанный смех. Поражает равнодушие, граничащее с жестокостью. И тут же говорит о любви... Идиотизм! А я из-за него в своей замороженной жизни покорно пропускаю между пальцев драгоценное для учебы время, часы хорошего общения. Я пытаюсь проникать в читальный зал. Он караулит и не пускает. Не драться же с ним на людях. Я открываю лекции в коридоре, сидя на подоконнике. Он рядом бухтит, не дает сосредоточиться. «Кто ты такой, чтобы за меня решать, чем мне заниматься?» – в бессильной злобе шепчу я.

Как-то потребовала от Василия высказаться достаточно определенно, мол, зачем ко мне ходит, какие виды имеет на будущее? Так назвал мои требования объясниться вздорными, и, как всегда, понес ахинею о любви. Театр абсурдов! Дурочкой меня выставил. Будто я напрашиваюсь... к нему. Я схожу с ума... Он намеренно держит меня в напряжении. Не могу расценить его поведение иначе, как издевательство. С тупым ослиным упрямством преследует меня. Не любовь его гонит ко мне, а что-то вроде собственнического инстинкта. Все его слова – глупый скетч, игра. Чихать мне на его фокусы.

А может, им руководит тайное желание причинить мне страдание? Насолить хочет? Но за что? За то, что не люблю, не поддаюсь. Он хочет меня использовать, и мое упрямство его только подхлестывает, раззадоривает? Он не понимает, что его намерения – сущий бред? Не удастся ему сделать меня своей подстилкой! Если что, я сумею защититься. Ножичек всегда со мной. Ему подмять меня важнее учебы в университете?

Беспомощность перед Василием меня унижает, а ему она нравится? Я по-житейски глупая? Я теряюсь в догадках: Василий имеет на свой и мой счет давно вполне сложившиеся планы или сам еще витает в облаках? Это его стиль жизни или он просто кантуется? Он всю жизнь надеется прожить с нелюбящим его человеком в нитье и брани, полагая, что теперь я от него никуда не денусь? И это его устраивает? Чего он ждет от жизни? Откуда он списал подобный сценарий? В его семье так было?

Почему он никогда не испытывает ни раскаяния, ни гнева, когда мои слова звучат резко? Василий сам толком не знает, чего хочет? Он не стремится понять, не задумывается, не затрудняет себя... мол, чего загадывать? Жизнь сама выведет. А, может, знает, но не желает прикладывать усилий, чтобы чего-то добиться? Для семейной жизни не созрел? И, похоже, никогда не созреет. Ни благодарности в нем, ни чувства долга. Какой-то он ни в чем не сформированный...

Я пытаюсь нащупать слабые места Василия, чтобы при удобном случае уколоть, зацепить, обидеть. Но не нахожу. Он глух к проявлению чувств. Ни мать, ни бабушка его не волнуют. Не замечала я в нем и проявлений мучительной ревности. Тогда почему же он неусыпно следит за мной, а острого недовольства собой не замечает? Вязкий, прилипчивый, хуже смолы.

Как-то пересилила себя и спросила:

– Комок жгучей боли и стыда не подступал к твоему горлу, когда ты делал свое подлое дело?

Удивился вопросу. Плечами пожал. Другой раз возмутилась:

– Когда же, наконец, сгорит черная кора коросты на твоей душе, и она оголится, и станет чувствительной?

Опять удивился и ответил, как мне показалось, искренне: «Я хороший, я идеальный». О себе у него одни фантазии? Когда у подростков «заскоки» – это нормально, но у взрослого?..

У него нет четкого понимания нравственности, порядочности. Он – странное порождение эгоизма, возвращенного на почве неправильной любви стариков? У него относительно себя полностью отсутствует критическое мышление?

Почему я в группе ни с кем не общаюсь? Почему отгородилась? Потребность перестраховаться, обеспечить себе безопасность в мире, который по чистой случайности обошелся со мной так жестоко? Да мне просто стыдно! Приехала учиться, а стала безропотной слушательницей несусветной чуши односельчанина. А почему он сужает собственные горизонты, не общаясь с однокурсниками? Мелькнула неожиданная мысль: «Василия не принимают в свой круг городские студенты! Ему тоскливо в большом городе без старых дружков, обожавших его, не с кем даже поговорить, вот он и приходит ко мне, чтобы скомпенсировать утрату. Только велика ли радость обоим от такого общения? И, тем не менее, когда я, воздев руки к небу, в изнеможении кричу ему: «Уйди! Нарисуй себе на стене человека и выступай перед ним хоть до потери пульса!» – он всем своим видом выражает покорное вымученное страдание, напрашивается на жалость, плачет, что никто его не любит, даже мать. Здоровый детина, а туда же. Но мне становится его жалко.

Не сразу я поняла, что он неплохо играет роль, стремясь разжалобить меня. Ему скучно, а я должна его терпеть? И за какие грехи мне это наказание? Бабушка говорила, что никто не знает, кому и за что Господь его назначает... Ловко придумано. Боже мой! Долбит, талдычит одно и то же... будто начисто забыл, о чем вчера толковал. Оскомину набил... И это вместо того, чтобы заниматься! Может, у него какое-то шизофреническое отклонение?... Черта лысого в ступе ему не хватает... Раскрыл передо мной всю «широту» своей тупой тухлой душонки, а дальше-то что?

О моей учебе он не думает как, между прочим, и о своей. У меня закралось подозрение, что он совсем не имеет тяги к знаниям. Ему не нравится учиться. Было желание заявить о себе. Поступил, доказал, что достоин, – и все. Считает, что вполне себе прилично смотрится на фоне деревенских дружков? Думает, что теперь сам черт ему не брат? Но это же глупо. Все силы и желания на исходе? Характера на большее не хватает? К ежедневному, кропотливому труду не приучен. И в школе, и в колхозе аврал ему был более привычный. Но здесь наскоком вершин не достигнешь. Раз сумел поступить, значит, умный. Просто лодырь? Этим все объясняется? Почему Василий впитывает только плохое? Потому что оно легче прививается? Трудиться не надо?

Из-за Василия я с трудом успеваю выполнять только задания, не терпящие отлагательства. О пятерках и думать не приходится. Хотя бы не вылететь из вуза. А с его лица не сходит выражение счастливой беззаботности и ничем не подкрепленной уверенности. Но я все равно не оставляю намерения хорошо сдать сессию за счет ночных бдений.

В школе Василию легко давались все предметы. В классе он слыл любимчиком. Девчонки были от него без ума. Никто не замечал, что он лодырь и пустой фантазер. Даже директор школы предполагал, что из него может выйти неплохой человек. Он поддерживал его в стремлении учиться в вузе, дал хорошую характеристику. А я уже тогда очень сомневалась в этих оптимистических прогнозах.

Дни идут, а я все слушаю и слушаю ничего незначащие слова Василия. Разговоры его протекают в том же русле – ни о чем. Злит дикая нелепость моей ситуации. У меня ли не находится достаточных слов для убеждения или у него не хватает ума понять меня?... Пытаюсь молчать. Настырно заводит... Я день ото дня тупею... Еще я никак не могу перебороть самоунижение, вызванное безвинным, но реальным грехопадением. Оно давит на меня, не выпускает из острых когтей, делает безвольной.

Я слабачка, а Василий непрошибаемый. Я бешусь, распаляюсь, а он миролюбиво заявляет, что пустяшная перепалка полезна, и с досаждающим упорством в сотый раз повторяет

одно и то же, только переставляет абзацы своих «выступлений». Он, дразнясь, с удовольствием переиначивает мои слова, выворачивает их как ему заблагорассудится и тем сводит на нет любую мою попытку его прогнать. «Куда сегодня будем склонять вектор нашего разговора? Может, сразу сломаем и выбросим его с двадцать третьего этажа?» – зло, сквозь зубы говорю я Василию, а сама думаю: «Попробовал поиграть со мной в кошки мышки, получилось, понравилось. Вошел во вкус. Навязался ты на мою шею, как камень для утопленника. Я же не живу, а противно существую! Мне все пять лет так мучиться? Кто бы избавил меня от тебя, проклятущего! Без того чтобы не опозориться, мне самой это сделать не удастся. Но это же ужасно! Может, и правда с двадцать третьего... Но мама, бабушка и мои мечты... Я совсем уже...

Не могу сказать, что эти «беседы» для меня проходили совсем уж даром. Моя способность спорить оттачивалась благодаря «опытному» учителю. Во всяком случае, я научилась парировать, загонять его в угол. Но положительных результатов это не приносило. Он не признавал моих побед. И решительности они мне не прибавляли. К тому же слишком дорого по времени обходилось мне это «обучение». Во всех моих словах Василий выискивал будто бы скрытый смысл, высматривал лазейки для дальнейших нападений и обвинений и тут же немедленно пользовался нечаянно предоставленной возможностью продолжить спор. Если я замолкала в надежде прекратить издевательства, он с воодушевлением и удовольствием продолжал говорить сам, повторяя стократ озвученное. Василий не только поддерживал разговор, но и направлял его в нужное ему русло, а я только защищалась, и наши грубые перепалки не прекращались, а даже учащались по мере того, как я училась отстаивать свое мнение и право на свободу. Он был то изощренно, то примитивно беспощаден...

Девушки в комнате не понимали меня, но молча сочувствовали. В группе все словно сговорились не замечать моих отношений с Василием. И на курсе мне не досаждали сплетнями. Во всяком случае, щадили. Все занимались делом – серьезно, с огромной самоотдачей учились. И только одна девушка один на один сказала мне, и то как бы между прочим, мельком обегая мое лицо своими черными грустными глазами, словно боясь обидеть:

– По очереди ко всем девушкам пристает. Мы его быстро раскусили – непорядочный. Гони его, он же без руля и ветрил. Ты замкнулась, стала неуверенной. В твоих движениях и даже в голосе сквозит зависимость. Жалко мне тебя, ни за что пропадаешь. Возьми свою судьбу в свои руки.

– Я не ищу его общества. Хотя бы всерьез переметнулся к кому-нибудь и отстал от меня. Уж тысячу раз говорила ему, что пора сойти с дистанции. Не понимает. Я бы многое отдала, чтобы кто-нибудь немедленно препроводил его отсюда куда-нибудь подальше, километров, этак, за тысячу, – только и ответила, вздохнув от безысходности.

Это в счастье мы бываем уверенными, а в несчастье...

Василий пришел счастливый. Преподавательница пригласила к себе на чай! Два часа с ним беседовала! Гордился, петушился. Я обрадовалась, ну, думаю, наконец-то освобожусь «от ига». «Лови случай», – посоветовала. Но знакомство на том и закончилось. Умная женщина сразу поняла, что он невоспитанный, самовлюбленный болван, не дурак, но лодырь темный, и толку от него в жизни не будет. А его это не задело. С него как с гуся вода. Он продолжал хвалиться самым фактом внимания к нему, не упоминая о последствиях. И вывода для себя никакого не сделал.

Я все больше убеждаюсь, что Василий не представляет, как собирается жить дальше, и не желает всерьез задумываться даже о ближайшем будущем. Мелькнула тоскливая мысль: «Он понял, что не потянет университетскую программу, и нарочно мешает мне заниматься, чтобы и я вылетела из вуза». Не хочется в это верить.

«Констатирую неплохие умственные данные и полное нежелание и неумение пользоваться ими. И это в твои-то двадцать два! Из-за лени ты выбиваешься из общего русла стремлений студентов учиться и утекаешь в ручеек пустых фантазий», – возмущалась я.

И вдруг Василий стал всерьез мечтать о том, как заработать легкие деньги: нарисовать, напечатать, выплавить фальшивки. Он вспоминал рассказы О. Генри о мошенниках, – мне тоже нравились в них резкие неожиданные концовки, – восхищался знаменитыми ворами, вскрывающими сложнейшие электронные замки сейфов. А я заметила ему, что для того, чтобы стать вором такого высокого класса тоже нужно много знать, что ему и эта «карьера» не светит по причине его патологической лени. Я удивлялась усеченным представлениям Василия о реальной жизни. Я могла бы его понять, будь он «вольный волк, бунтарь по жизни». Но ведь нет же! Даже от десятилетних мальчишек в детстве я не слышала столь примитивных рассуждений! Меня ужасали мечты Василия и, хотя я понимала, что в силу своей бездеятельности он никогда их не осуществит, все равно пыталась доказать ему глупость и порочность подобных «предприятий», утверждала, что такие мечты как правило заводят в гиблое болото. Его глупые слова я могла бы не принимать всерьез, если бы не понимала, что подобная инфантильность по большей части заканчивается бедой. Пустые мечтания сильного, здорового мужчины, вызывали у меня брезгливое отвращение. Но, памятуя школьную формулу, что «неисправимых нет», и чувствуя ответственность за падение товарища, я всеми силами пыталась противостоять его нелепостям. Я возмущалась: «Часами попусту языком молотишь, а подрабатывать не хочешь. Выпрашивать у бабушки трешки проще? Не стыдно? Здоровый бугай! На что ты способен? Выпить в компании, позубоскалить с девчонками и всё? Здесь все серьезно учатся. Никто не хочет с тобой хороводиться. Тебе скучно. Я – то единственное, что связывает тебя с деревенским прошлым, вот ты ко мне как репей и прицепился». Но Василий не реагировал на критику. Видно, не так просто излечить человека от недуга лени.

И случилось непоправимое. Загорелось Василию попасть на университетский бал с шикарным буфетом, поесть черной икры, потанцевать и повоображать перед девушками. И «увел» он у одного зажиточного студента стипендию, да еще прихватил немного денег из тех, что получил при распространении платных, праздничных входных билетов. (Боже мой, до чего опустился!) Его поймали с поличным, посадили в кутузку где-то на окраине города. Не знаю, что творилось на курсе, мне стыдно было появляться на занятиях. Но в течение недели меня с Василием вселили в отдельную комнату, а его взяли на поруки.

Он ничего не объясняя, заманил меня в эту комнату и уже там рассказал, что писал в комитет комсомола, плакался, что голодает, но деньги взял для любимой девушки, чтобы поправить ее здоровье после больницы. Умолял не выдавать, спасти, чтобы его с позором не выгнали из университета. Попад в щекотливую ситуацию, я сначала раскричалась, принялась лупить Василия сумкой с книгами, потребовала выпустить из комнаты, потом, поняв, что ему поверили, разревелась и, отгородившись стульями, измученная обидой, заснула с мыслью, что он дешево отделался за счет моего позора. Это была тревожная ночь. Не могу о ней вспоминать без содрогания. Я боялась насилия со стороны Василия.

Последняя подлость Василия оказалась сильнейшим стрессом и закончилась для меня болезнью. Я была не в состоянии заниматься. Мне требовался отдых и лечение. Камень моей удачи опять покатился под гору и повлек за собой другие проблемы. Фатальное невезение! Да, не так я представляла венец моей учебы...

И тут меня вызвала для беседы Дама потока – так у нас называли куратора, ведающую всеми вопросами нашего курса. Я ее впервые видела. Что о ней могу сказать? «Дама, приятная во всех отношениях». Произошел серьезный разговор. Женщина сумела расположить меня к себе, и я выложила ей всю свою печальную историю. Рассказала о позоре, о страхах, выросших до невероятных размеров и разрушивших мое представление о счастье, о том, как запугивая, Василий не давал мне заниматься. Объяснила, что хотела только одного – учиться в

университете. Повела о том, что сначала даже думала схитрить, объясниться в любви Василию, чтобы женился, а потом развестись. Но поняла, что он потребует жить с ним, а развода не даст. А какая это была бы жизнь? Ад, кошмар, лучше уж сразу в петлю...

Я сказала куратору: «Почему парень имеет право на ошибку, а девушка – нет? Это же несправедливо. И разве можно сравнить вину Василия с моей неосмотрительностью? Три месяца мне потребовалось на то, чтобы преодолеть все страхи, решиться на открытый позор и тем самым развязаться с настырным обожателем. Я уже сказала Василию: «Раз уж на то пошло, можешь рассказывать кому угодно про то, что случилось со мной. Только не утай и свою подлую роль во всем этом. Все равно ты не дашь никому из парней приблизиться ко мне, так пусть хоть не пытаются. Я буду думать только об учебе. А по окончании университета я все равно с тобой развяжусь, уеду по распределению в другой город».

Он растерялся от такой моей смелости и не смог ничего ответить. А тут случилась эта гадкая история с деньгами... И он воспользовался моим «разрешением». Теперь вот и с моим здоровьем сбой вышел. Я уже выяснила, что на первом курсе академический отпуск в нашем вузе не дают. Беда одна не приходит. Мне придется покинуть университет».

Долго и о многом мы беседовали с Дамой. Потом куратор сказала:

– Ты могла бы прийти ко мне еще в сентябре. Я бы подсказала тебе, как жить дальше, нашла бы способ защититься от преследований.

– Стыдно было, я себе боялась признаться в том, что со мной произошло. Условности строгой деревенской морали... Да еще и в больнице побывала... Что может быть хуже и позорней... Своей дремучестью я повергаю вас в изумление? Мне только что исполнилось семнадцать. Я многого еще не знала и не понимала. А Василий ни на шаг от себя не отпускал, давил на меня, страхи разжигал, мол, в деревне все узнают. Я позором как наркозом была зомбирована, но, жалея маму и бабушку, хотела спасти их от страданий.

А тут еще Василий обвинил меня в распутстве. Вы представляете! Я была потрясена, раздавлена, уничтожена оговором и невозможностью оправдаться. Я готова была покончить с собой. Вспомнилась где-то услышанная провокационная фраза: «Кто не решается убить себя, тот не осмелится и жить»... Мне стало казаться, что в недрах моего подсознания есть такая склонность... От всего этого у меня развился комплекс неполноценности. Василий сломал меня своей скаженной непорядочностью. Весь мир для меня перевернулся. В ад попала моя запятнанная насилием чистая душа, а на земле осталось распятое обесчещенное униженное тело.

– Неправильно расставленные приоритеты, излишняя эмоциональность... Все одно к одному, – заметила Дама. – Надо суметь покончить с проблемами, а не с жизнью. Дурное дело не хитрое... И твоя подруга Лариса заболела. Не рассчитала свои силы. Постеснялась материальную помощь попросить. А теперь у нее от голода и переутомления обострение незамеченной ранее болезни щитовидной железы, проблемы со зрением. Читать не может. Но заключение врачей не приговор, вылечится. И твое горе не на всю жизнь. Умные вы девочки, но слишком робкие. Я знаю и про отчима, и про детдом... Оттуда растут корни ваших бед.

– Я уже нашла в себе силы порвать со своей мечтой и опуститься на ступеньку ниже ради нормальной жизни без Василия.

– Не искушай проведение. Василий – не весь мир, а только одна сто пятидесятимиллионная его доля, и далеко не лучшая, – усмехнулась Дама. – Целомудрие начинается с души, а не с тела. Попала в капкан собственных глупых страхов? Поменяй «департамент». Многих девчонок сгубило прямолинейное понимание девичьей чести. Была у меня студентка, переживавшая из-за врожденного девичьего дефекта, все просила медицинскую справку ей выдать. Другая, неправильно применяя гигиенические средства, сама себе случайно навредила. Видно мама ей, десятилетней, толком ничего не объяснила. И что же им теперь с моста в ледяную воду бросаться?

– Они тоже считали, что любовь – это то единственное, ради чего стоило жить и умереть? – спросила я.

– Нет, комплекс «порченной» не позволял им даже попытаться найти себе достойного партнера. Я против распушенности, но и жизнь свою губить из-за одной ошибки глупо. Они думали как дети: «Оступились – и все, до свидания! Жизнь пропала. Осталось ждать грозной расправы». Глупышки. Я объясняю девушкам: «Если кто полюбит вас по-настоящему, никакие условности их не остановят. Люди женятся, расходятся. Это жизнь. Несите себя с достоинством. Не позволяйте унижать. А молва?.. Она схлынет. Дела определяют человека», – успокаивала меня примерами из своей педагогической практики куратор.

– Они, как и я, будто на другой планете жили, потому что тоже деревенские?

– Нет, городские. Запомни, любой человек имеет право на ошибку. Другое дело, что каждый должен стремиться избегать их совершать. Не у всех и не сразу это получается. Ошибки – не преступления, ими человек наносит вред только себе. Он сам себя ими наказывает и так учится. И ты, насколько я тебя поняла, хорошо это осознала. Все у тебя будет хорошо. А с Василием я поговорю. Оградим тебя от его влияния. Мне твои однокурсники характеризовали его как никчемного. Прошедшее уже не в нашей власти. Думай о будущем».

Боже мой! Как же мне не хотелось терять прекрасную мечту – университет с удивительными, гениальными педагогами! Быть на переднем крае науки и вдруг... Я еще до болезни поняла, что из нас двоих остаться должен кто-то один. Василий не уступил, а я никак не могла нагнать смелости оставить вуз, ради учебы в нем терпела Василия. Но обстоятельства все решили за меня. Одним днем я сорвалась и тайно, спешно уехала из города. Я все еще боялась преследований Василия. В деревне я не появилась, пока не перевелась в другой университет.

Потеря мечты обернулась для меня еще одним стрессом. Мне все еще казалось, что все рухнуло, что все для меня закончилось... Пытаясь вернуть себя в нормальное русло, я иронизировала: «Травма несовместимая с жизнью? Дуреха! Бывает опасней, но приятней». (Наша студенческая шутка.) По телу пошли волдыри, которые долго не проходили. Нервы. Нашлись добрые люди, помогли... Но моя душа все еще «сидела в черном чулане» переживаний. Я подрабатывала, существовала на гроши, думала, решала... Жила от надежды до отчаяния... Для меня этот год был временем невосполнимых трагических потерь и приобретения жестокого жизненного опыта. Как потом оказалось, он готовил меня к другим, многочисленным, не менее трудным ситуациям».

«Вот что я видела сама, и о чем поведал мне Галин дневник, – сказала мне Василина. – В тот раз судьба позаботилась о глупой наивной девчонке. Она развела ее с Василием по разным городам, и они больше не встречались.

А Василий, как рассказывала ей мама, сессию провалил, что не удивительно, и был отчислен. Несколько лет носился по разным вузам страны, пытался хоть где-то зацепиться, но опускался все ниже и ниже. Потом поехал «на дармовые хлеба» к матери, которая его не растила. Он видел ее в детстве от силы раза три. Отчим недолго терпел великовозрастного бездельника, все время тратившего, по его же словам, на попытки «обиходить ту или иную глупышку». Потом слух по деревне пронесся, что прибрала Василия к рукам какая-то немолодая, властная, бездетная женщина, которая даже не пустила его на похороны бабушки, воспитывавшей его с пеленок. Василию в ту пору было уже чуть-чуть за сорок. И там от него немного было радости. Перекасти поле. Что еще о нем можно сказать? Природные данные у него были неплохие, да только жалели его старики – сиротка, без отца, без матери. Нахлебника вырастили. А ведь любили... Это надо же было умудриться в деревне взрастить такое дерьмо! Жестокое люди «образуются» не только в неблагополучных семьях, но и там, где их очень любят и слишком балуют?»

«И вчера Василий явился к нам с явными признаками фриivolности в поведении и неумеренности в жизни. Собственно, что его всегда и отличало. Не изменился, не перерос свою дурь. Его второе пришествие... – Кира поежилась, переживая свою ошибку с приглашением Василия.

А рассказ Гали о себе был предельно краток:

«Судьба моя не была легкой и гладкой. Окончила вуз, работала много и упорно. Вниз по ступенькам не опускалась. Недолго потопчусь на одной и выше стремлюсь. Разочарования в жизни год от года только прибавлялись. Отношу себя к невезучим. Но, как и у всех наших подруг, у меня дети, внуки и чувство не напрасно прожитых лет».

Не станет же она всем рассказывать, сколько попреков она выслушала и перетерпела за сорок лет совместной жизни от ревнивого мужа, так и не простившего ей ошибки юности. Он считал себя вправе в отместку «завернуть куда захочется», проявлять свой злой и вздорный характер, наказывать, коварно унижать, издеваться и чувствовать себя выше, честнее жены, один раз совершившей оплошность. Кто бы знал, сколько нервов стоил ей жестокий, бездумный или осмысленный и целенаправленный поступок Василия!

Не сумела Галя себя перевоспитать, так и не научилась защищаться. А Аркадий этим пользовался. Почему она выбрала себе такого мужа? Говорят, что существует тип неуверенных в себе женщин-жертв. Жестокие мужчины чувствуют их на расстоянии и заманивают в свои сети. Я бы разошлась с таким мужем, вернее, я бы за такого не вышла замуж, – подумала Кира. – Галина назвала дочь Жанной. Жанна Аркадьевна! Такое сочетание имени и отчества ассоциируется в моем сознании только со словами «неповторимая», «непревзойденная»! Для меня оно сопоставимо и употребимо лишь в связи с именами великих русских актрис... Может, оно прибавляет ее дочери уверенности? Обязательно завтра узнаю у Гали, как сложилась ее судьба.

Страница из одного Галиного письма вдруг всплыла в памяти Киры.

«Помню, выглянула в окно. Мой муж шел в компании студенток чужого факультета. Одна, самая некрасивая, заигрывала с ним, а он отвечал ей смущенной улыбкой. Я поняла, что все ее подруги сейчас разбегутся, тактично оставив их наедине.

Горящей стрелой промчалась обидная мысль: «Была бы красавица, умница, а то ведь примитивная обезьяна, самая последняя на их курсе! На кого меня променял!» Вся логика полетела вверх тормашками. Никакие доводы рассудка не в состоянии перебороть обиду в минуту ее накала.

В следующий миг перехватило дыхание, странно заклокотало в горле. Прыгающее, дрожащее сердце распирало грудь, казалось, вот-вот лопнут ребра. Вокруг меня заколыхалось голубовато-белое рыхлое пространство, похожее на водную стихию в период бури. Потом глаза мне застлала плотная белая пелена. Из груди вырвался грозный сдавленный крик. Я готова была на всё... Это была уже не я... Не знаю, сколько это продолжалось. Я содрогнулась... Наверное, сознание вернулось. Меня все еще трясло. Взгляд упал на руки. Крепко сцепленные пальцы побелели... Возбуждение прошло. Остались раздражение, злость, обида и смертельная усталость.

Меня потрясло это непонятное, неожиданное открытие, странная, абсолютно бессознательная реакция моего организма, неизведанная способность. Подсознание сработало? Я вроде бы не ревнивая и то... У меня просто обида. А мой ревнивый муж... В таком состоянии убивают?.. Я совсем не знаю, как могу повести себя в пограничной ситуации? Я ревновала? К кому? К этой?.. Смешно! И все же... что же это со мной было?

Сколько же в нас, в людях, нераскрытых тайн! Интересно! Некоторое время я осмысливала свои ощущения. Я готова была провести на себе эксперименты, чтобы уточнить и разъяснить себе этот странный феномен. Только вряд ли намеренно взвинчивая себя, я смогла

бы достичь столь высокой степени глубинного толчка в мозг, в эту многовековую кладовую памяти. Только истинные, естественные бурные эмоции способны подвергнуть организм такой сильной встряске, последствия которой могут быть непредсказуемы, экстравагантны, а иногда и опасны».

Потом Кира давние Ларисины рассказы вспомнила.

«Что-то случилось с глазами. При чтении я видела перед собой только круглое желтое пятно, которое при малейшем напряжении глаз для фокусировки, чернело. Я больше не могла читать. Уже на следующий день мне выделили четырех старшекурсниц, чтобы помочь подготовиться к сессии. Я до слез была потрясена такой заботой, но попросила девушек не терять со мной время даром. На слух можно выучить историю, но не математику. Я сама, без врача догадалась, что это результат постоянного недоедания и переутомления. Жила ведь на одну стипендию. А Москва – не деревня, подвала с картошкой нет рядом. За все платить надо. О том, что можно попросить материальную помощь, понятия не имела. И в группе такой вопрос не поднимался. Со мной учились дети деканов, ректоров, ученых. Я в нашей группе была одна из села. К тому же иждивенка. Пришлось покинуть Москву. Тогда это решение казалось катастрофой всей жизни, шагом в бездну. Не сговариваясь с Галей, мы оказались в твоём университете».

«Подружка из моей бывшей комнаты через год сообщила мне, что на втором курсе к ним зашел представитель студенческого профкома, назвал мою фамилию и сообщил, что мне для укрепления здоровья деканатом выделяется ежемесячное пособие. А мы ему дружно заявили, что ты уже заболела и выбыла из наших рядов».

Как видишь, даже в нашем вузе буквоедство и бумажная волокита не изжиты. А приди эта помощь вовремя... После этого письма я долго ревела. Моя одноклассница Лена тоже скромно питалась, но ее организм, видно, был покрепче моего, он все выдержал.

Только через год мое зрение восстановилось, но поступать в Москву я больше не решилась. С моими документами меня пригласили сразу в несколько вузов. Я удивилась, но представитель из Одессы объяснил мне: «Дураки в МГУ не поступают. И если у студента что-то не заладилось в Москве, это не умаляет его способностей». Но я, Кира, выбрала твой университет и не пожалела».

*

Кира посмотрела на часы и попыталась настроиться на сон. Но почему-то себя в пятнадцать лет вспомнила, как после детдома училась в училище по специальности «швея», как произошел тот болезненный случай...

«Приметила я одну уже не очень молодую пару, часто ходившую мимо ворот нашего общежития. Она – красивая, яркая, но всегда грустная или даже печальная. Мне казалось, что она по жизни колористически предрасположена к черному цвету. Но не к страшному, а к теплему цвету чернозема, который бывает после весеннего дождя. А муж ее какой-то блеклый, безликий, но странно самодовольный. Как-то они остановились у нашей колонки воды в бутылку налить, а я рядом, в двух шагах от нее стояла. Вдруг мужчина сказал жене что-то грубо-оскорбительное. Я всех слов не расслышала, но поняла, что он зло упрекнул жену за ошибку юности, упомянув имя какого-то знаменитого ловеласа. На лице жены появилось выражение мучительной боли. В ответ она тоскливо прошептала «не надо», ссутулилась и автоматически коснулась того места, где у нее, очевидно, сильно заныло сердце. А муж стоял счастливый и гордый тем, что способен унижить и оскорбить эту красавицу. Он наслаждался властью над ней! Еще бы! Слаще власти ничего нет! Пусть даже над одним человеком.

Я взбесилась. Не помня себя, вырвала из ограждения палисадника штукетину и кинулась на мужчину с криком: «Даже с человека, совершившего тяжкое преступление, но отсидевшего свой срок в тюрьме, снимается вина! А вы, женщина, почему столько лет терпите подлеца? Он

же хуже бандита! Сроки вашей вины давно оплачены несчастливой жизнью с этой сволочью, а его вина перед вами растет с каждым годом».

Женщина, видно впервые задумавшись о своем неправомерном терпении, посмотрела на меня удивленно, благодарно и растеряно. А я, включив свое детдомовское безрассудство и фантазию, заорала на мужчину, что было сил: «Еще раз узнаю про ваше поведение, сама, лично, избыю вас до полусмерти и концов не найдете... Чистенький он! Еще не известно, чем вы там, в вагоне, с блондинкой занимаетесь!» Мужчина всегда ходил в форме железнодорожника. На этом я и сыграла. Гадко поступила, не имея доказательств. Но я была в запале. Я на самом деле готова была его измолотить не только словами, но и палкой.

Мужчина не ожидал такого напора от незнакомой вздорной девчонки, а может, и на самом деле имел грешки. Только он визгливо закричал: «Я доберусь до тебя!» и торопливо засеменил от колонки. А я, продолжая размахивать деревянным оружием, рассмеялась ему вслед, мол, ищите ветра в поле, только найдете беду на свою голову. Если бы он погнался за мной, я бы не побоялась врезать ему, потому что считала себя правой. Мы, детдомовские, за несправедливо обиженных всегда горой стояли, не отходили в сторону от чужой беды. Сами защищали друг друга. Мы не из тех, что рождались с серебряной ложкой во рту... Я могла бы и ребят натравить на этого гада. Это теперь, вспоминая себя юной, я с усмешкой думаю: «Какое было дикое стихийное проявление чувств! Я будто динамитом была начинена».

Мера терпения

Кире не хотелось спать. Воспоминания не убаюкали ее. Она «прогулялась» на кухню, попила воды, постояла у окна, задумчиво глядя на заснеженный парк. Он-то и привел ее мысли к совсем недавнему происшествию в лесу.

Я с внучкой возвращалась из гостей. Мы ехали через лес. Женщина-шофер, совершая крутой поворот, поставила машину поперек колеи так, что она передним бампером, как утка носом, уткнулась в высокую обочину. А после некоторых непонятных мне манипуляций «специалист по маневрам» умудрилась надежно посадить машину на гребнях колеи обоими бамперами. Думаю, если нарочно захотеть, то вряд ли получилось бы выполнить этот цирковой трюк столь быстро и удачно! Задние колеса при включенном двигателе со скрежетом проворачивались на одном месте, а передние только тупо вздрагивали. Внучка не вникала в то, чем занимались взрослые, и с удовольствием играла с Барби, а я пыталась помочь водителю в этой непростой ситуации.

– Валерия, топор у вас есть? Я сбегая вон к тем кустам, веток нарублю.

– Нет топора. В гараже где-то, – с безразличным лицом, буркнула та.

Я принялась ломать ветки руками и сапогами выкапывать из-под снега сушняк. Повезло, полусгнивших березовых обломков было много. Но они мало что решили. Передние колеса закрутились при надрывном стоне двигателя, но выбраться из ловушки это все равно не помогло.

– «Жигуль» лег на пузо, – «обрадовала» меня Валерия и, встав на колени, перочинным ножом принялась ковырять мерзлую землю.

– Вы весь бугор ножом хотите срезать? – спросила я, не понимая действий водителя. – Дайте мне лопату, – с готовностью юного пионера, снова бросилась я на помощь.

– В гараже осталась, – не поднимая головы, ответила Валерия.

– Как же так, вы же знали, что не по городу будем кататься! – возмутилась я.

В ответ я получила унылое молчание. Мне было неловко смотреть на неумелые движения женщины. Я отвернулась, горестно размышляя о ближайшей перспективе заночевать в лесу.

– А почему вы не попросите начальника купить вам туристический коврик, чтобы во время ремонта машины не мерзнуть на земле в любую погоду? Я успела оценить это прекрасное

изобретение, когда на рыбалку ездила с мужем. Великолепный теплоизоляционный материал! Приедем, я подскажу руководству, чтобы всех шоферов ими обеспечили.

Валерия промолчала.

Полтора часа возни у машины не дали результата. Я еще больше заволновалась. Небо быстро серело. Мобильник в лесу не брал. Смотреть на бесплодные мучения женщины не было сил.

– Как вы думаете, до трассы далеко? – спросила я Валерию.

– Совсем рядом, километра два, не больше, – заинтересованно ответила она.

Ничего не сказав внучке, увлеченной игрой, я отправилась за помощью. На энтузиазме дошла быстро. Даже не ожидала от себя такого подвига при своем теперешнем состоянии здоровья. Видно ответственность за малышку придавала сил.

Мобильный телефон и тут не брал. Машин на шоссе было много, но никто не останавливался. В воскресный вечер люди торопились домой. На ветру пробирало до костей. Стрелка барометра моего настроения клонилась к нулю. Вдруг грузовик притормозил. Я – к нему. Шофер, узнав о беде, грустно сказал:

– Извините, опаздываю, думал, что нам по пути. И газанул.

Но, видно, мой примороженный вид тронул его. Он вернулся, и ничего не говоря, загрозил сторону указанного направления. Я только успела крикнуть:

– А трос у вас есть? – И припустила, вслед за машиной.

Пока я мытарилась на трассе, Валерия, намаявшись, присела на березовый пенек, торчавший из снега, и задумалась. Опасность заночевать в лесу заставила и ее шевелить мозгами, что ей, похоже, было не особенно свойственно. Она мучительно перебирала в голове все, что ей приходилось слышать от шоферов о подобной ситуации. Память не подвела. «Домкрат!» – осенило ее.

Не прошло и пятнадцати минут, как машина, развернутая в нужном направлении, стояла рядом с колеей. Но радость оказалась преждевременной. То ли «перетруился» «жигуленок», то ли еще что-то случилось с ним в части двигателя, но прополз он метров десять и устало, безжизненно залег на ослепительно белом полотне снега. Там и застал его водитель грузовика, у которого тоже не оказалось троса. Помянув чью-то мать, шофер потоптался на месте, жалевшим взглядом посмотрел на машину, на замученную женщину и умчался по своим делам.

А я с тяжелым сердцем вернулась на «пост». Чтобы меня в пятнистом «обмундировании» не приняли за мужчину, я поверх шапки натянула яркий шарф.

Все-таки судьба меня помиловала. Остановилась легковушка, и пожилая семейная пара клятвенно пообещала помочь с трактором.

– Я бригадир полеводческой бригады, у меня свои трактора, – успокоил меня отец семейства, не увидев радости в моих глазах.

– Не изверги мы, не бросим ребенка в холодной машине на всю ночь, – сочувственно сказала старшая из женской половины семьи. Их внучата спали на заднем сидении.

Я утерла благодарную слезу.

– Я сам за вами приеду. Какой же я буду мужчина, если женщин брошу в беде! – улыбнулся в усы бригадир.

– Я заплачу, – пробормотала я онемевшими от холода губами.

Старик укоризненно взглянул на меня и обиженно ответил:

– Я из тех, что родились еще до войны. У нас не принято... не нынешние.

Я покайнно опустила голову.

– Садитесь в машину, потеснимся, – позвала меня женщина.

– Спасибо, пойду к внучке, вдруг она без меня плакать начнет.

– Вам виднее, – одобрил мой выбор мужчина, и уехал.

Я верила и не верила в везение, но простые добрые лица стариков успокоили меня.

Когда трактор подъехал к месту «аварии», наш «жигуленок», виляя, фыркая, чихая и выписывая на снегу живописный рисунок, снова попытался перебраться на дорогу, проложенную грузовой машиной. Но вскоре сердито пророкотав, засипел и испустил дух, закопавшись в непролазном сугробе.

– Хватит пируэты выделывать, мотор загубишь. Ишь как газует, будто из последних сил надрыгается. Смотри, огрызается еще, – залиvisto и басовито захохотал тракторист, некоторое время наблюдавший представление.

– Крепи мой трос к своей развалюхе, – скомандовал он Валерии. Та безоговорочно подчинилась.

Пока выбирались на трассу, совсем стемнело. Я решила – раз судьба так распорядилась – заночевать в ближайшем от трассы селе у родителей Марии, подружки студенческих лет.

«Дай бог, чтобы они не сменили места жительства», – подумала я, – ведь дома колхозника или гостиницы в их селе может не быть».

И будто услышав мои мысли, тракторист успокоил:

– Гостиницы нет, если не отыщите подругу, я вас к себе на постой отвезу. В любую хату не постучишься в ночи, не старое доброе время. Недоверчивый стал народ. Не волнуйтесь. С дитем на улице не останетесь. А утром мой механик посмотрит вашу машину.

В первом доме, куда постучал наш спаситель, знали Машу и указали ее дом. И вот мы в теплой, светлой комнате. Я предполагала увидеть родителей Марии, а встретилась с самой подругой, которая, уйдя на пенсию, оставила квартиру в городе сыну, а сама переселилась к старикам. Валерия, отужинав, сразу уснула на диване в зале. Внучка тихонько посапывала на раскладушке. От ее огромных ресниц падали на порозовевшие от тепла щеки длинные густые тени. Мы с Марией пили чай на кухне и с удовольствием празднично болтали. Не виделись тридцать пять лет. Только поздравительные открытки слать не забывали друг другу да иногда созванивались.

– Боже мой, боже правый! Ты ли это? – обрадовалась Маша, – Если бы не назвала свою девичью фамилию, не узнала бы!

– Так изменилась?

– Нет, я пыталась найти твое лицо среди моих знакомых последнего десятилетия. Почему ничего не ешь?

– На ночь не рекомендуется, – улыбнулась я.

– Если тебе через час не выходить на подиум, ешь, что хочешь, – рассмеялась Мария.

– Расскажи, как жила эти годы. Наши ночные бдения в общаге помнишь? До утра секретничали, слезами обливали друг друга. Небось, и сейчас слез накопилось, хоть купайся в них? – грустно спросила я, задав таким образом тон и настрой разговора.

Мое усталое, печальное лицо располагало к откровенности. И Маша принялась делиться обидами, переполнявшими ее сердце. Наверное, женщины всегда проявляют большую готовность к пониманию и участию, к доверительным отношениям и облегчающим душевным беседам, снимающим нервное напряжение.

– Не говори! – начала она, глубоко вздохнув. – По жизни столько боли собирала и перемалывала, что я иногда жалела, что не верующая. Не всегда бывал рядом душевный человек, чтобы поговорить, а копить обиды так тяжело! Устаю я со стариками. Трудно с ними. Они хорошие, но привыкли по-своему жить и от меня требуют их правила соблюдать. Я много лет самостоятельно живу, свой уклад жизни выстроила, а они не хотят смириться с тем, что я уже не та послушная девочка, которую они отпустили в семнадцать лет в город учиться. И заботы о своей семье стали тяготить, утомляюсь, раздражаюсь. По молодости без шума семьи не могла жить, тоска заедала, когда дети уезжали на время, а сейчас иногда хочется одной хоть немного побыть в тишине. Не получается. Только ночи мои, да и то не все. Бессонница стала мучить.

Перелистываю и прокручиваю в голове свою жизнь, печали на себя нагоняю, истину ищу. А она всегда где-то рядом... но неуловима, – усмехнулась Мария.

– При нашей последней встрече нам поговорить не удалось. Ты хлопотала на кухне, суп-харчо готовила, наши мужья «горячительным» занимались, но у меня сложилось впечатление, что у тебя все ладком. Муженек твой был внимателен к тебе и весел с гостями, – вспомнила я.

– На людях он всегда внимательный ко мне, это у него привычно-показное. Да и я никогда ни перед кем своих проблем не выставляла. Мое и есть мое. Хорошим бы поделиться.

– Все выкладывай, не таись. – Я обняла подругу.

– Помнишь, раньше и грусть, и радость – все пополам. А теперь они под пудовым замком. Радоваться разучилась. Бывало: хохотать – так на полную катушку, печалиться – так слезы дождем. А сейчас и слезы редки. Если только от депрессии без свидетелей в голос волком выть начинаю, – вздохнула Мария. – Пойдем в спальню.

Она, как в юности, свернулась на кушетке калачиком, натянула одеяло на голову капюшоном и зашептала про свою жизнь. Ниточкой боли потянулись, медленно разматываясь, далекие воспоминания.

– Не было у меня рядом подруги, не с кем было посоветоваться, некому поплакаться. Я, когда замуж вышла, стеснялась обсуждать свои дела с коллегами, считала их слишком личными, принадлежащими только нашей семье. А проблемы мои, по сути дела, начались еще до замужества, когда я познакомилась со своей будущей свекровью. Она неожиданно нагрянула, как снег на голову свалилась. Только я к этому событию отнеслась легкомысленно. В молодости все кажется легко преодолимым. А тебя уже не было рядом.

Миша говорил мне, что его отец крупный специалист в области химии, а мать домохозяйка. Но когда я увидела эту высокую, как мне показалось, старуху, носатую, тощую, в деревенском платке, обмотанном вокруг шеи, в сером потрепанном, неопрятном пиджаке, дерюжной юбке, в простых приспущенных чулках и в пыльных черных ботинках, я несколько растерялась. Моя мать в деревне жила, но на работу ходила прилично одетая, а в город, в гости наряжалась в самое лучшее, что имела. А эта странная женщина выглядела как нищенка. Лицо грубое, неприветливое, но с выражением какого-то непонятного презрительного гонора. Кого угодно ожидала увидеть, только не это «видение». Мишина мать стояла у окна, прямая, будто кол проглотила, и оценивающе смотрела, как я чищу картошку, чтобы покормить ее ужином. Моя, если бы захотела узнать, какова ее будущая невестка, сама взялась бы за нож и в хлопотливой домашней обстановке, выяснила бы то же самое, что и эта разохшаяся деревянная мумия.

«Что за маскарад? – удивилась я. – Миша мне врал? Не может быть! Она нарочно так вырядилась или их семья на самом деле так бедна и некультурна? Тогда зачем Миша выдумал себе значительного отца? Обманывать у него в порядке вещей? Весу себе добавлял? Я дружу с ним потому, что он мне интересен. Положение его родителей меня не интересует. Я его за язык не тянула, сам о них разговор завел. Я же скромно сказала, что воспитывалась в семье врачей».

Меня неприятно задел этот, вроде бы маленький обман. То была его первая, замеченная мной ложь. Но я быстро простила ему это юношеское, неоправданное, бессмысленное, с моей точки зрения, бахвальство, потому что многих городских ребят отличало стремление выделиться, хотя бы чем-нибудь подчеркнуть свое превосходство. Мне были непонятны их выпячивания родительских заслуг, но я с юмором наблюдала их жалкие попытки возвыситься, вознестись, произвести впечатление. А Мишины слова восприняла с обидой, потому что у меня с ним были связаны серьезные мысли о будущем, и мне хотелось, чтобы наши отношения были чисты и не омрачались даже таким, может быть естественным для молодых людей, мелким враньем. «Зачем хвалился заслугами отца? Мне важно какой ты сам, на что ты способен», – сердито размышляла я над поведением жениха, энергично орудуя ножом, под колючим пристальным взглядом его матери.

К этому же периоду относился еще один факт, удививший меня. Миша учился в группе отличников, ты же помнишь, он, как и муж твоей сестры, экономист. У меня было очень высокое мнение о студентах его группы. И вот как-то я заболела, пропустила лекцию и не поняла одну теорему по математическому анализу. Естественно, обратилась к нему. Но он не сумел мне ее растолковать, раздраженно утверждал, что я плохо его слушаю, и потому ничего не понимаю. Я настойчиво требовала объяснения, а он упрямо нес ахинею. Я разозлилась и ушла. У меня создалось впечатление, что он сам глубоко не вник в теорию вопроса. Но тогда я не могла всерьез поверить своей догадке и списала это недоразумение на отсутствие у Миши педагогических данных. Позже я пришла к нему с единственной задачей, которую мне не удалось решить из целого списка, заданных к зачету. Он тоже не справился и даже не захотел узнать ее решение ни у товарищей, ни на кафедре. Меня это очень обидело. Я в лепешку расшиблась бы для него. К тому же мне, как человеку невезучему, именно эта задача попала на контрольной, и я впервые не получила зачет-автомат, что, конечно, разозлило меня и несколько усилило недовольство женихом. И, тем не менее, в суете забот я быстро забыла и этот мелкий факт. А зря. Он многое высвечивал в характере Миши.

Ну так вот, его мать стояла подбоченившись у окна и в упор разглядывала меня самым наглым образом. «Может, я не права, но по моим понятиям воспитанной ее не назовешь», – хмуро думала я, но виду не подавала.

Занятая своими грустными мыслями, я не замечала необычайного оживления на кухне. Девчонки стайками входили и выходили, тихонько, будто мышки сновали у плиты.

Днем позже я услышала от подруги их единодушное мнение о моей будущей свекрови:

«Не повезло тебе. Стерва та еще! Запомни наши слова».

«Стояла твоя свекруха на кухне – ну прямо-таки царица Савская, только в обносках», – расхохоталась мне в спину одна из старшекурсниц.

«Не перегибайте палку, девчонки. Бедность не порок. Нельзя над этим смеяться. Мы с вами тоже не Ротшильды. Да и вместе мы жить не собираемся», – наигранно весело отвечала я, понимая, что они во многом правы.

«А еще лучше, если вы будете жить с ней в разных городах, – подсказала замужняя Татьяна. – Ты хоть поняла, что Мишка тебе смотрины устроил?»

«Как не понять. Только Миша совсем другой. Он хороший», – защитила я жениха.

«Жизнь покажет, – вздохнула замужняя Люба. – Не будь слишком доверчивой».

«Стояла как памятник, как монумент! Разыгрывала из себя гранд-даму, вершительницу судеб! Так и вижу ее указующий перст. Диктаторша чертова, – холодно и неприязненно заметила моя соседка по комнате. – Мишкина мамаша, прежде чем к тебе подняться, с вахтершей долго беседовала. А та, ты же ее знаешь, расскажет все, что было и не было. И совет, и перекроит информацию в угоду своему воображению. Кстати сказать, опасайся ее, она уже не одну девчонку подвела. Подружки попросили меня спуститься на первый этаж. Я остановилась «почитать» приказы на доске объявлений, что висит около вахты, и услышала, как та докладывала, будто ты каждую ночь в мужское общежитие бегаешь, а зачем – не уточнила. Не рассказала, что Мишка с друзьями до трех ночи в карты играет, а ты ходишь разгонять их компанию, чтобы он не пропускал занятия. Мальчишки как дети малые! Зашторят окна и думают, что никто не знает про их проделки. А по теням на шторах как на экране всему женскому общежитию видно, что очередную «пулю» расписывают. Имей в виду: твоя свекруха наверняка вообразила, что ты ее мальчику спать не даешь, учиться мешаешь. Берегись сплетниц. Слухи совсем не должны быть правдивыми, чтобы пошатнуть чью-то репутацию. От перевранной информации или от ее недостатка не одна семья развалилась».

Потом приезжал отец Миши. Он сразу мне понравился. Маленький, полноватый, нескладный и такой грустный! Он вовсе не был похож на большого начальника в области

химии. Костюм на нем сидел мешком, брюки без стрелок. Шнурки на ботинках в узелках, рубашка несвежая. Побеседовали. Он благословил нас и уехал. Я поняла, что присылали его совсем не затем, поэтому была благодарна ему за его честное, и, наверное, мужественное решение. Не поддался он давлению женщин своей семьи, свое решение высказал. Я зауважала его, поняв ситуацию в его семье. Но, похоже, не часто он выражал и отстаивал свое мнение, только в крайних, критических ситуациях. В нашем случае была именно такая, и он сумел остаться в ней самостоятельным и порядочным.

В ту встречу меня удивило, что мой вежливый, галантный молодой человек грубил отцу. Сначала они разговаривали на повышенных тонах, потом стали кричать друг на друга. Я чувствовала, что у отца не хватает сил и слов выдерживать яростный напор сына, который не защищался, а нападал. Я так и не поняла, что они хотели доказать друг другу этим неприятным спором, но мне было жалко отца Миши, его неудачных попыток осадить сына и я, бегая вокруг круглого стола, уговаривала Мишу вести себя спокойнее, деликатнее. А он не обращал внимания на мои посылы и только один раз отмахнулся: «Не влезай, это наши с ним заморочки». Меня обидело такое невнимание, и я со слезами на глазах выкрикнула: «Так нельзя разговаривать со старшими», и выбежала из Мишиной комнаты.

По тому, как уверенно и резко вел себя Миша, я поняла, что это их обычная форма общения. И я впервые подумала, что совсем не знаю своего парня. Но на следующий день, видя, как отец и сын мирно завтракают, я успокоилась, решив, что мои предположения необоснованные. Даже порицала себя за предвзятость.

Перед замужеством были и мистические подсказки, указывающие на то, что, возможно, мой выбор неправильный. В ночь знакомства в походе у меня украли одеяло, за которое я долго не могла расплатиться, не имея другого дохода, кроме стипендии. И когда первый раз мы пришли в загс подавать заявление, он оказался закрытым. Судьба подбрасывала на моем пути камешки-подсказки, по которым я должна была ступать, а я их пропускала, перескакивала. Теперь никогда не узнаю, как моя жизнь повернулась бы, пойдя я не в поход, а в театр по предложению другого претендента на руку и сердце. У некоторых людей есть внутреннее ощущение судьбы, но это угадывание присуще не многим.

– Тебе не хватало знамения, – проехала я по суеверию подруги. Она не обиделась.

– Подали мы заявление через месяц. Этот день мне казался особенным. Но ничем примечательным он не ознаменовался: ни цветов, ни маленького праздничного стола, ни ласковых Мишиных слов. Буднично как-то прошел, будто просто в кассу сходили, чтобы заплатить один рубль семьдесят копеек. Потом Миша уехал домой, а я принялась узнавать, где купить кольца, свадебное платье и фату. Денег мне и мать, и дедушка прислали. На двух невест хватило бы. Я летала на крыльях, представляя нас с Мишей прекрасной парой, такой, какую видела на свадебной открытке. Я с нетерпением ждала, когда, наконец, мы вместе сходим в салон для новобрачных. Талон из загса давал возможность трижды посетить этот самый красивый на свете магазин.

Но когда Миша вернулся от родителей, то позвал меня в свою комнату в общежитии и достал из чемодана пакет.

«Это тебе от моей семьи. Примерь», – отведя взгляд в сторону, сказал он.

Я обрадовалась: «Значит, смирились с женитьбой сына». Разворачиваю бумагу, а там – чужой ношенный белый костюм и два дешевых позолоченных колечка.

«Он, конечно, не «от-кутю», – замялся Миша.

Я опешила. Видя мою реакцию, Миша стал объяснять мне, что родителей нельзя обижать.

«Я мечтала о настоящем платье и у меня есть деньги на кольца нам обоим. Зачем ты вынуждаешь меня начинать нашу совместную жизнь с чужих обносков? Мы можем позволить себе настоящий праздник, – расплакалась я. – С этих колец позолота сползет через месяц, и

мы не сможем их носить. Мне хочется, чтобы они служили символом нашей любви всю жизнь. О чем говорят твои кольца? О том, что мы нищие, или что наших чувств надолго не хватит?»

«У Ленина и Крупской тоже не было золотых колец», – возразил Миша.

«Тогда колец не носили, они лежали в шкатулках как символы. Да я и не уверена, что они были счастливы», – не сдавалась я.

«Разве вещи важны для тех, кто любит?» – рассердился Миша.

«Не важны, конечно. Но свадьба бывает раз в жизни, и она должна быть красивой, чтобы запомнилась на всю жизнь. Это же праздник», – упорно сопротивлялась я.

«Ты хочешь начать нашу семейную жизнь, обидев моих родителей? Они тебе от души подарили», – внушал мне Миша.

«А меня можно обижать? Я не нищая, чтобы идти под венец... вот в этом. Зачем они навязывают то, что мне заведомо не понравится? Если у них не будет возможности тебе помогать, ты пойдешь по выходным работать как другие ребята. И я уже привыкла подрабатывать. Проживем», – горячилась я.

У Миши был такой убитый вид, что мне стало его жалко. Я молча примерила костюм. Сразу стало понятно, что он для полной женщины невысокого роста.

«Сестрин?» – спросила я.

«Да».

«Но у нас совершенно разные фигуры».

«Ты сумеешь подогнать костюм под себя».

«Я-то смогу, но радости от этого не испытаю».

«Сделай это для меня, во имя нашей любви. Очень прошу», – со слезами в голосе попросил Миша.

И я уступила, потому что любила.

«Может, они так бедны, что мое шикарное платье будет им укором? Может, на самом деле разумнее будет мои деньги потратить нам на еду? – тоскливо думала я тогда. – Зачем я пытаюсь оправдать Мишу и себя? Я же понимаю, что деньги незаметно просочатся меж пальцев, будто их и не было, а памятного подарка от моих родителей не останется. Это не честно. Себе-то Миша все-таки сшил новый костюм. Но в его старом, еще школьном, уже и на занятия стыдно ходить. В новом он потом, по окончании вуза, пойдет на работу, а мое белое платье больше никуда не наденешь. Оно будет висеть в шкафу, и напоминать Мише о моей расточительности и неуважении к его родителям», – грустно размышляла я.

В общем, недовольна я была собой. Долго находилась в «растрепанных» чувствах, но еще не понимала, что эта уступка Мишиной семье была первым шагом к моему закабалению.

– И твоя жизнь стала представлять сплошную цепь уступок, неприятных открытий и попыток оправдать поведение мужа? – спросила я Марию.

– По себе меряешь? – горько усмехнулась она, оценив меру моего предвидения, как личный опыт. – Боюсь услышать от тебя печальную исповедь схожую с моей.

– У Эммы и Гали те же «уши», только с небольшими вариациями, – увильнула я в сторону наших общих подруг. – Рассказывай дальше. Неужели хоть на время счастье не засияло? Так хочется быть неправой. Это тот редкий случай, когда ошибке можно радоваться.

– Уже через неделю после свадьбы я заметила перемену в Мише. За два года, пока мы дружили, не было случая, чтобы он отказал мне в моей просьбе. В кино – пожалуйста, в бадминтон играть – с удовольствием, гулять по проспекту – с радостью. А тут о чем бы я ни попросила, ему то некогда, то сил нет. Но всё это были мелочи. Первый удар по моей любви и отношению к Мише был нанесен еще в студенческом замужестве. По молодости, по глупости мы оплошали. Приехала свекровь и категорично потребовала отправляться мне в больницу: «Твой ребенок помешает моему сыну закончить учебу!» – жестко сказала она.

Понимаешь, «твой»! Будто ее сын не отец ему. Я поняла, что она откажется помогать нянчить малыша, пока я буду учиться. А может, и вообще не примет меня к себе с ребенком даже на время. А Миша не настоит. Оставаться жить в комнате с «пискуном» я не могла себе позволить. Опыт такой уже наблюдала в соседней комнате. Девчонки роптали, особенно в сессию. Не в радость станет мне жизнь: я буду виновата во всех бедах, которые свалятся на нашу голову. А моя мама тогда уже была больна. Поплакала я, и решилась. Боялась, что потом может не быть детей, но понадеялась на свой здоровый организм. И произошло прискорбное событие, на которое наслоилося еще многое другое, о чем я ведать не ведала. Именно тогда я впервые поняла, что оказалась в прозаическом мире взрослых. Юность как-то разом оборвалась. Чистая радость любви, окутывающая меня, быстро потухла. Осталась испуганная, растерянная, обиженная девочка-женщина.

Муж не приехал забирать меня из больницы, добиралась сама. Мне было стыдно перед соседками по палате, будто я никому не нужная потаскушка какая-то. И только очутившись на улице, в толпе спешащих, незнакомых, равнодушных людей, я почувствовала некоторое облегчение. Истерзанная физически и еще больше морально, я брела до общежития пешком, потому что не было у меня ни копейки даже на трамвай. Не просить же милостыню? Боже мой, сколько горестных мыслей прошло у меня в голове за три больничных дня и еще больше за эту длинную дорогу! Я чувствовала себя униженной, оскорбленной, оплеванной нелепостью и жестокостью происшедшего со мной, от своей умопомрачительной обиды, от беспомощности. Мне хотелось, чтобы на моем пути встретилась река или огромное скалистое ущелье.

Устала идти пешком. Кружилась голова. Вошла в трамвай. Зайцем ехать не решилась. А вдруг контролеры. Позору не оберешься. Было жутко стыдно, но показала водителю выписку от врача и попросила разрешения проехать бесплатно, объяснив, что родственники почему-то не смогли за мной приехать. Водитель, не заглянув в бумаги, кивнул – проходи. Я увидела в грязном зеркале окна, что проводил он меня долгим изучающе-сочувствующим взглядом, мол, красивая, а невезучая.

А Миша просто проспал. Но когда он прибежал в общежитие и увидел меня, безразличную и безжизненную, в нем проснулась совесть. Он помчался на рынок, купил самой лучшей клубники, и, стоя на коленях у моей кровати, кормил меня и просил прощение. У меня не было сил ни говорить, ни есть. Я думала: «Похоже, искренне сожалеет. Будильник не поставил? В карты всю ночь играл? Все-таки он безвольный. Смогу ли отвалить его дружков? А вдруг чье-то влияние окажется сильнее? Но ведь должен же он со временем повзрослеть и поумнеть?»

А Митя сразу попытался уговорить меня закрыть дверь на шпингалет. «Врач сказала, что целый месяц нельзя. Там же свежая рана. Мне больно», – умоляла я. «Потерпи», – настаивал Миша. Он чуть не плакал. Он был настойчив и напорист. «Миша не понимает моей боли? Он так жесток? Он напоминает мне капризного ребенка. Удовольствие должны испытывать оба, иначе это насилие. Он слишком молод, чтобы вникнуть женские проблемы? Он научится сочувствовать?» – думала я, заливаясь слезами.

Долго еще потом, когда он подходил ко мне с ласками, у меня начиналась истерика. И я с горечью размышляла: «Мгновения «райского» наслаждения? Стоят ли они мук ада? Не уверена». Со временем боль обиды утихла. Жизнь вошла в свое русло. Я вновь училась радоваться жизни.

*

Распределили Мишу в Киев. И вдруг, вместо того, чтобы ехать по направлению, он сообщает мне, что перераспределен в родной город, и что с завода ему уже пришел вызов. Так спокойно сказал, точно не видел в этом ничего предосудительного. Для меня это известие стало полной неожиданностью. Это было предательство. Я пыталась выяснить, как и почему в нем произошла подобная метаморфоза, но так и не смогла ничего добиться. Так вышло и все. Заводу нужны молодые специалисты. Чтобы успокоить меня, Миша показал документ, в

котором утверждалось, что он, как молодой специалист, через год получит квартиру, а мне, как жене, гарантировано устройство на работу. Я поверила, но неприятный осадок обмана остался надолго. Миша оправдывался:

«Я хотел как лучше».

«Меня не интересуют твои сиюминутные желания, мне важны твои реальные намерения и возможности. Для кого делал лучше? Ты спросил мое мнение? Действуешь за моей спиной, ставишь меня перед фактом и считаешь это нормальным? Мы должны все вопросы решать вместе. Мы – семья! – сердилась я. – Родители не должны без нашей просьбы вмешиваться в наши дела».

«Мы будем жить в общежитии. С этим у нас проблем не будет. Я выяснял», – клятвенно пообещал мне муж.

– А на самом деле дальше обещаний дело у него не пошло», – грустной усмешкой отреагировала я на рассказ подруги.

– Миша уехал домой. И этот год, пока мы жили в разных городах, окончательно изменил моего мужа. А может, он становился прежним, просто два года роль играл, пока добивался меня, «отваживая» других кавалеров. Если играл, то получалось у него хорошо. А теперь он снова без грима.

При наших редких встречах в течение этого года я обратила внимание на то, что домом его души стала мать. Она вытеснила меня чуть ли не полностью. Я никак не могла избавиться от этого ощущения, но объясняла себе это чувство долговременной разлукой. Но одно я поняла точно: несомненно, в этой семье всем заправляет мать.

В разлуке Миша постоянно требовал от меня слов любви. Может, он еще цеплялся за свою любовь, пытался защитить, поддержать ее моими словами. А меня это смущало. Я не привыкла разменивать чувства на слова, боялась их обесценить.

Помнится, за полгода до нашей свадьбы мы ездили к моим родителям. Мне понравилось, что Миша галантно попросил у матери моей руки. А к себе домой почему-то не повез, но я успокоила себя тем, что его отец нас уже благословил. Тогда я не предполагала, что пять лет мне придется жить в одной квартире с его зловредной мамой и деспотичной бабушкой, незамужними сестрами и тетками пенсионного возраста. Теперь я считаю, что он намеренно не хотел знакомить меня с обстановкой в семье. Боялся, что я почувствую, какой он человек на самом деле и передумаю выходить за него замуж.

И вот я закончила вуз и окончательно переехала в город, где жила семья мужа. Встретили меня настороженно, не пылали радушием и гостеприимством.

– И Миша не выполнил ни одного своего обещания? – внимательно глядя в глаза Маше, – спросила я.

– Отвечу как на духу – ни одного. Откуда такое предвидение?

– Теперь-то мы умные, а тогда... Наивные были, глупые. Станешь отрицать?

– Нет, конечно. А как ты думаешь, мой муж предвидел, как сложится наша семейная жизнь?

– Мне кажется, он глубоко не вникал в эту тему. А если и задумывался, то лишь о том, как бы ему было поменьше забот да хлопот, – рассмеялась я.

– Ты права. В общежитие Миша не пошел. Мама ему запретила, сказала, если уйдешь, ты мне не сын. Никакой логики не было в ее заявлении, но он не ослушался. И тем точно ушат холодной воды на меня вылил. Такого я никак не ожидала. Это было просто глупо! Много позже Миша сознался, что его снедал яд соперничества. Он боялся стать подкаблучником, и считал, что без опоры на маму, не удержит в нашей семье первенства. Без нее, как выяснилось, он всегда чувствовал себя неуверенно. Оттого-то у него было семь пятниц на неделе. Мать корректировала его поведение и его обещания. Во мне он поддержки не искал, желая всегда выглядеть уверенным и самостоятельным.

А я не собиралась бороться за лидерство. Не в моем характере командовать, я была за равноправие. Но равенство сторон предполагает уважение и взаимопомощь, а Мише, как оказалось, хотелось полной свободы, которой он добивался, прикидываясь, как и его мама, больным и немощным. Коллега пыталась мне втолковать, что мой муж – мнимый больной, но я не верила, потому что не представляла, что можно ежедневно, ежеминутно врать. Получалось, что ложь – это тоже вопрос его личного комфорта.

Маша вздохнула, взгляд ее затуманился, но она продолжила:

– Безрадостное впечатление сложилось у меня от Мишиной семьи. Ни приветливости, ни трогательности, ни нежности между ними. И окунулась я в их омут... Не припомню недели без скандалов и ругани. От них у меня закладывало уши и ныло сердце. Правда, первое время меня не трогали. Сами «развлекались». И я не провоцировала. Провокации ставят обе стороны на грань войны, а мне надо было соблюсти свои интересы, а не воевать.

Удивляло и то, что всегда готовый упорядочить – даже без их на то желания – мир других людей, Миша не хотел, а может быть, просто был не в состоянии управлять своим собственным. Он зло обвинял других людей в неудачах, насмехался над ними, а сам имел те же проблемы, но не желал, чтобы кто-то указывал ему на это и тем более просил что-то изменить. Он не терпел, чтобы ему диктовали. По крайней мере, внешне это выглядело именно так. Я не узнавала своего Мишу.

Иногда по ночам он рассеянно выслушивал меня, не особенно подвергая мои мысли анализу, и не пытаясь приспособить их к собственной жизни, а потом просто забывал всё, о чем я ему говорила. Я чувствовала это кожей, обижалась, но преодолевала в себе недовольство во имя нашего светлого будущего, которое надеялась выстроить, положительно влияя на Мишу, когда мы станем жить отдельно. Я считала, что вины его в ссорах нет. Во-первых, он не здоров, во-вторых, он таким образом привык защищаться от нападок родственников.

Я жалела и оправдывала Мишу и не вступала в их семейные пререкания, понимая, насколько тяжелыми, могут оказаться последствия моей несдержанности в этой ненормальной семье, и только с некоторой тревогой следила за выражением лица мужа, ища его поддержки своему поведению. Приступы безудержного раздражения моих новых родственников, не облагороженные разумом и совестью, были для меня очень непривлекательны и неприятны. Краска стыда за них заливала мне лицо. Но я боялась, что мои простые, логические, иногда чуть ироничные замечания, которые я многократно прокручивала в своей голове во время их ссор, могут показаться этим людям дерзкими, неуместными, очень обидными, но, главное, – чего я больше всего страшилась – ложно истолкованными. Я не раз замечала, какими жесткими сразу становились глаза этих людей, не терпящих признания собственной невежественности. А мне они казались именно такими.

Я предполагала, что с детства Мишу разрывали на части противоположные силы в семье, а значит, и противоречивые чувства, которые, в конце концов, и определили его характер. Именно поэтому он пребывает в постоянном разладе с собой. А теперь ему особенно трудно, потому что он находится между двух огней – между мной и своей прежней семьей. Я считала, что Миша пытается, но не может найти такого компромисса, чтобы не обидеть маму и не оттолкнуть от себя жену. Я понимала, что в запутанном лабиринте жизни трудно найти себе идеально подходящую пару, надо учиться приспосабливаться, уступать, но, не имея опыта, старалась хотя бы не навредить.

Неумение ладить с такими людьми изматывало меня, а они этому радовались. Но, живя невероятно странной и какой-то сомнительной, не совсем реальной жизнью, я вспоминала милые подробности нашей студенческой любви, и это поддерживало меня, вселяя надежду на наше достойное будущее. Я поняла, что у Миши слабые нервы по причине его трудного детства, но решила для себя, что он умный и поэтому достоин моей любви. Я думала: «Буду ему хорошей, заботливой женой, а мелочи жизни мы вместе сумеем преодолеть. Главное, поско-

рее покинуть это сумасшедшее семейство, у которого, как у глупых юнцов, слишком высокий порог высокомерия и агрессии». Только через много лет я осознала, что поведение моего мужа – череда «блистательных» элементарная распушенность эгоиста.

Потом я сплетни о себе у колонки услышала. Будто ничего не делаю, сплю целыми днями.

«Когда же я сплю днем, если работаю? Да и мои домашние дела никто не отменял», – удивилась я нелогичным обвинениям. А я так старалась в надежде, что меня оценят и полюбят! Хотела понравиться этой злой семейке. И что получила?

«Говорят, твои родители деньги с тебя взяли за приданое», – доложила мне лучшая подруга моей свекрови.

«Откуда такие фантазии? В вашем городе так принято? У меня на родине приданое дарят. Иначе какой в нем смысл? Проще здесь все купить», – не принимала я обвинений теперь уже в адрес моей семьи.

Ну и так далее... Судя по всему оговоры для соседок были делом привычным. Я не стала придавать значения их болтовне, потому что невозможно было доказать, кто из них сочиняет эти сплетни. Не устраивать же очную ставку? К тому же я заметила, что моей свекрови и ее подругам доставляет особое удовольствие сообщать друг другу именно плохие сведения. Им было все равно: свои или чужие, правдивые или ложные. Эту привычку соседок я связывала с наличием у них свободного времени: от безделья маялись. Все они были домохозяйками или пенсионерками. И в нашей квартире я постоянно за спиной слышала гаденькие шепотки, чувствовала злые сверлящие взгляды. Тогда и поняла, что сплетни – не только наполнение их жизни, но и суть характеров.

– Может, тебе все это казалось? – засомневалась я.

– Иногда, как в детстве, я проверяла свои ощущения: выходя из комнаты, неожиданно для родственниц оглядывалась и видела направленные на меня ехидные взгляды и склоненные друг к дружке головы кумушек, рассказывающих какие-то гадости.

– Не так страшно, когда в тебя летят комья грязи, страшно и противно видеть в толпе их бросающих знакомые лица, – сказала я, вспомнив неприятные моменты из своей жизни.

– Жили мы в бараке, в двух малюсеньких, холодных комнатухах с черными от сырости стенами. Но меня это не смущало. Я не притязательна. Морально было трудно. Я старалась до прихода мужа, больше находиться вне дома. Таскала воду из колонки, ходила в магазин, возилась в их маленьком садике, колола дрова. Как-то выкорчевывала засохшую яблоню. Гляжу, а соседки как галки весь штaketник вокруг садика «обсели» и на меня глядят, как на чудо заморское.

«Кто тебя этому учил?» – спросили.

Объяснила, что несколько лет в деревне жила. А когда я строгала доски для книжной полки, соорудив во дворе за сараем небольшой верстак, они долго стояли с открытыми рта. Потом одна, наконец, вымолвила:

«И где он откопал такую жену?»

«Странные вы какие-то, – удивилась я. – Если у вас, например, крыльцо сгниет, вы разве его не почините?»

«Нет, в ЖЕК подадим заявку», – ответила мне соседка.

Потом я стала замечать, что по субботам, когда я приходила с работы, муж встречал меня холодно, цеплялся из-за мелочей и чаще всего необоснованно. Все ему было не так. Я поняла, что «накачивают» его родственники всяческой ложью. Еще обратила внимание на то, что придя с работы, муж уже не подходит ко мне, пока не расскажет матери обо всем, что происходило на работе, а со мной молчит, ничем не делится. Меня это обижало, а Миша только отмахивался: «Привычка».

Мое место работы располагалось недалеко от дома, и я возвращалась домой раньше мужа. Мне надо было до его прихода успеть многое сделать. И вот тут-то на меня как злое воронье

с руганью набрасывались Мишины родственники. А свекровь после этих разборок просила меня не нагружать ее сына «мелочами», не рассказывать ему о наших размолвках и обидах. Она говорила:

«Жалей его, он у нас слабенький. Он у нас в доме единственный мужчина».

И получалось, что Миша о моих проблемах не знал, а мать по-своему преподносила ему происходящее в доме. Я любила Мишу и поначалу верила свекрови. Не сразу мне дошло, что она нас разъединяет, хочет, чтобы он только ее одну любил, ей одной верил. Я и свекровь жалела, объясняя скандалы в семье ее нездоровьем. Страдала, но не решалась сказать ей, когда считала, что она не права, только мучительно пропускала через себя все услышанное.

Первое время я не могла разобраться во всех хитросплетениях сюжетов споров родственников, не понимала, из-за чего у них разгорался сыр-бор. Я не умела развести спорщиков по сторонам и благоразумно молчала, предпочитая выжидательную позицию, хотя в сердце нарастало глухое раздражение. Я не считала себя вправе давать советы старшим, только прислушивалась и присматривалась. Думала, что в случае необходимости, если Миша не справится, я смогу вмешаться и доказать абсолютную бесполезность и полную безосновательность их споров. Вспомнился один случай. Я было открыла рот, чтобы возразить свекрови, но потом раздумала и чуть улыбнулась мужу, словно ища его похвалы. Этот краткий миг нашего общения доставил ему удовольствие. «Она меня послушалась!» – подумал он. «Мы смотрим на эти вещи одинаково», – ошибочно порадовалась я.

Родственники злились, ругались. Сметались все границы понимания, преподносилась псевдоинформация, слова передергивались, смысл их искажался. Они далеко уходили от реальности, что сильно осложняло примирение. Но, похоже, ссоры эти приносили им облегчение. Можно подумать, что так в их семье заведено. «Они, таким образом, встряхивают эмоции, щекочут нервы, устраивают себе разрядку, нарушая однообразие жизни? А более веселого развлечения нельзя было придумать?» – размышляла я, продолжая заниматься домашними делами и поглядывая на бабушку, которая была нечувствительной к происходящему в ее семье. – Может, она умеет отключаться? Не подпитывается же она энергией ссор и дразг, как утверждала одна моя знакомая. В это я не могла поверить. Но зачем причинять страдания другим просто так, без надобности, без повода? Не могла я придумать для их поведения какую-нибудь убедительную причину. А они были нелепые и примитивные...

Среди неописуемого шума, в котором один был не в состоянии перекричать другого и тем более всех остальных, мое молчание казалось мне зловещим укором, не прекращающимся ссорам и взаимным упрекам. Как-то вспомнилась фраза: «Ничто так не сближает людей, как наличие общего врага». Против кого или чего они ссорятся и объединяются? Зачем промывают друг другу мозги? Что хотят доказать? Скандал у них мог разразиться буквально из ничего. Они умело нагнетали истерическое напряжение, забираясь в голосовом поединке все выше и выше.

Иногда я пыталась остановить Мишу взглядом, который должен был заставить его умерить свой пыл, соизмерить свои силы и впредь быть настороже: не ловиться в капканы раздражающей нелогичности родни. Но он не хотел замечать моего виртуального вмешательства. Тогда я спросила: «Твои родственники не знают, что такое любить и уважать? Они все меряют только на деньги? Так объясни им, что любовь – это когда кто-то для тебя важнее, чем он сам, когда думаешь не о себе, а о том кто напротив. Если люди любят друг друга, многое в их взаимоотношениях упрощается. Они легче прощают, уступают, не замечают мелочей». Мой вопрос озадачил Мишу. И мне, наконец, дошло, что каждый из них любит только себя.

Я ненавидела эти вздорные, постыдные ссоры. Моя душа рвалась к красивому, светлому, а попадала в черную яму лжи, двуличия, и мне казалось, что колесо моей жизни катится под гору. В такие часы мне уже не верилось, что наше счастье возможно. Сжигающее душу смятение неудержимо нарастало. Наверное, я выглядела загнанно, беспомощно, но ничего не могла

с собой поделатъ. «Они и святого доведут до ручки, – горевала я. – Время жизни в семье мужа как годы заключения: один к трем».

В тот первый год совместного проживания я поняла, сколько во мне слабости, неуверенности, нерешительности, какой-то внутренней робости. «Я напрочь лишена способности противостоять злу? Я смиренно признала их силу, их первенство в моей жизни? Я для них пигалица, ничтожество? Я не такая как они, поэтому вся семья мужа дружно объединилась против меня в холодном неприятии?» – предполагала я.

«В семьях не бывает, чтобы без сучка и задоринки. Ты привыкнешь к ним», – убеждал меня Миша.

«Но если эти сучки ежедневные? А если я не хочу привыкать? Я замуж выходила, чтобы жить в этом аду? Для тебя такая жизнь привычна и приятна? Ты же обещал...» – горько возражала я, вспоминая счастливое лицо свекрови, когда Миша впервые повысил на меня голос. Я по наивности подумала тогда: «Чего больше в ее улыбке – глупости или фальши?» А она искренне радовалась!

Я не могла разобраться в себе, что уж говорить об остальных. Наверное, поэтому первое время была склонна искать несообразности в себе и в своем восприятии их жизни. Я анализировала причины своих слабостей, выискивала в себе недостатки. Я удивлялась самой себе: «Откуда эта бесконечная «сложность» и «неисчерпаемость» проявлений моего существования, неспособность к решительным действиям, откуда молчаливая покорная растерянность?» Интуитивно я понимала, что добрыми делами и честностью мне не справиться с этим семейством, а иначе я жить не умела. Я знала, что с разными людьми человек должен вести себя неодинаково, но у меня не получалось расстаться с тактом, добротой и мягкостью. Они во мне были неистребимы.

– Как в Мише пороки, – усмехнулась я. – У меня есть подруга. Она тоже не сразу распознала семейку своего мужа. Мы же, выходя замуж, как правило, не знакомимся с бытом своих будущих родственников, знаем только его парадную сторону. Как котов в мешке их себе в нагрузку получаем. Так вот, ее благоверный как, бывало, разживется бутылкой, так в доме дым коромыслом. Дружки со всей улицы сбегались, да еще командовали ею, мол, огурчиков тащи баба, яичницу жарь. И все с глупыми ухмылками, пошлыми шуточками и жестами. Возмутительно с ней обращались. А она из интеллигентной семьи. Долго терпела. А как-то схватила огромный дрын и давай их охаживать и матом поливать. Выставила всех самым грубым образом. Вмиг отвадила.

– Я не допускала непарламентских выражений. Язык не поворачивался произносить гадкие слова.

– С подобными людьми надо говорить на их языке, иначе не поймут. Алинка тоже не умела и не хотела. Достали. Пришлось ради семьи один раз переступить через себя. Прости, я отвлеклась, продолжай.

– Бремя всех этих ненужных эмоций выводило меня из себя, я жутко уставала, но настраивала себя: «Уж год я как-нибудь потерплю. Стрессы, заканчивающиеся победой не вредны».

Когда моя жизнь зависела только от меня, все было просто и ясно, я всегда побеждала. Я отлично кончила школу, университет. Имела неплохие спортивные успехи. Я считала себя уверенным человеком с точным расчетом целей и средств. А в чужой семье оказалась неспособной даже отвести от себя незаслуженные обвинения, потому что меня не слушали, игнорировали. На меня наседали, а Миша не защищал. Я давала сбить себя с толку, направляла свои мысли в сторону оправдания мужа. Мне хотелось видеть в нем союзника. Как бы не так! Сподобится он! Я, видно, ждала от него слишком многого.

– Если есть повод поиздеваться над более слабым, почему бы не воспользоваться им, – ехидно хмыкнула я в адрес обидчиков Маши. – Да... не встретила ты понимания. Расклад сил

«на геополитической карте» Мишиной семьи был не в твою пользу. И центром, «мировым жандармом» в их «схватках» являлась его мамаша. И что делили?

– Мои опасения стали быстро оправдываться. Жизнь подбрасывала все новые и новые неприятные сюрпризы. Не укладывалось в моей голове странное поведение Мишиной мамы, не вязалось оно с моим понятием о семейной жизни. Я меньше всего хотела бы мешать ей жить, но она сама не отпускала нас. Я не могла взять в толк – почему, а Миша не хотел мне объяснять. В общем, надолго я заблудилась в лабиринтах их семейных передраг. Нейтральная позиция не спасала.

– В жизни всегда больше вопросов, чем ответов, – вздохнула я.

– С моей точки зрения я вела себя с ними правильно и не представляла, к чему во мне можно было цепляться. Оказывается, можно просто оговаривать, лепить из лжи какой угодно образ за моей спиной, тщательно подготавливать и настраивать всех на неуважительное отношение. Я была наивна, прямолинейна, честна и откровенна в своих делах и мыслях. А открытый человек – отличная мишень. Зависть и злоба порождают беспамятство на чужие, добрые дела. Свекровь бесило мое трудолюбие, моя искренность. Она ненавидела все хорошее во мне, оно было укором ей и ее семье. Моя честность была им как яркий свет для больных глаз или громкий стук при головной боли. Свекровь умудрялась вменить мне в вину даже мою заботливость. Я удивлялась ее грубости, резкости, неумению находить простой выход, стремлению делать «из мухи слона».

Я рассказывала свекрови, что за всю жизнь не слышала, чтобы в моей семье кто-либо повысил голос, неуважительно о ком-то высказался, потому что считалось, что люди должны радовать друг друга. И если с соседом случалась беда, отринув все мелкие обиды, которые когда-то претерпели от него, не считаясь ни с чем, помогали, выручали. Я надеялась, что она поймет меня. Просила объяснить причины их ссор, ведь серьезных поводов к ним я не видела. Но мое недоумение и сочувствие к проблемам в их жизни тоже бесило свекровь. Она не отвечала, а только мстительно улыбалась. Я угадывала низость окружающей меня семьи, но не руководствовалась этим в своем к ним отношении. Не умела и не хотела. Я желала помочь им выбраться из капкана собственных заблуждений. А свекровь лишь исхитрялась и ловчила, чтобы посильнее меня ужалить. И если она убеждалась, что ее ядовитые стрелы попали в цель, в глазах ее поблескивала злобно-радостная внимательность.

Я считала, что любовь и забота в семье должны быть чем-то само собой разумеющимся, а их отсутствие – странным, нелепым отклонением от нормы. Здесь же все обстояло совсем иначе: каждый искал себе выгоду в этом неизбежном совместном проживании. Совершая по отношению друг к другу дурные поступки, родственники будто бы старались что-то внутри себя то ли обезболить, то ли усмирить. При этом в их глазах светилось бесстыдное торжество победы.

А Миша стал их копировать даже по отношению ко мне. Мои короткие, спокойные, обобщенные фразы только распаляли его. Он кричал до тех пор, пока я не разволнуюсь, и не начну обвинять его в бессердечии и нелогичности. Уйти я не могла. Я занималась домашними делами, а он долбил, долбил... «Все они одного поля ягода», – поняла я.

У Миши на все мои слова был один ответ: «Только идиот всегда прав». На что я объясняла ему, что если я хоть на одну десятую процента сомневаюсь в своем мнении, то замолкаю. Но когда я абсолютно уверена в своей правоте, то отстаиваю свою позицию и, естественно, выигрываю. И идиотизм тут вовсе не причем. Но мои доводы он не принимал, даже не пытаясь опровергнуть, и только иронизировал: «У тебя на все есть объяснение, даже на то, на что у тебя не спрашивают».

Это теперь я понимаю, что Миша был непорядочным, а тогда я считала, что он не может остановиться, потому что больной, нервный, а лежачего не бьют. Мне было обидно, но я все прощала ему, и после их затяжных изматывающих ссор достаточно быстро отходила, хотя на

душе было горько и гадко. Я многократно пыталась разобраться и в причинах наших с ним ссор, чтобы они не повторялись. Но муж не желал выяснять, и получалось, что для него они не существовали. Боль обид была только у меня и, значит, по его выходило, что это я капризная. Он хотел жить легко и просто, оставляя последствия разборок тому, кого они трогали – мне, а ссоры тем, кому они были нужны – ему и матери. Ссоры, начатые его родней, он забывал мгновенно (Я не злопамятный!), а мои мелкие замечания или упреки помнил долго.

– Глупые намеки и необоснованные упреки – семейные пороки, – усмехнулась я.

– Ты когда-то советовала мне: «Больше хвали мужа». Но мать до того захвалила сына, что он ушел от реального восприятия самого себя. У него абсолютно отсутствовало критическое и ироническое отношение к своим достоинствам и недостаткам. Это уже граничило с глупостью! Ты не представляешь, как он с ума сходил от радости, когда мать называла его неотразимым красавчиком, восторженно воспевая его прелести. У меня глаза на лоб подскакивали от удивления, когда перед зеркалом муж, меняя позы, исходил слюнями и млел. Мой брат несравненно красивее, но моя мать не позволяла говорить на эту тему, чтобы не испортить его характер, чтобы у него были другие приоритеты, чтобы он не растерялся в жизни и не расплескал свои главные таланты. А как Миша расхваливал свои успехи! Каким бы он был, если бы занял высокий пост? Это и есть звездная болезнь? Самовлюбленность, не способствовала его пониманию того, что многие люди умней, удачливее, интеллигентнее и порядочнее в конце концов... Насчет порядочности помолчу. Не стоит поднимать эту тему, душу рвать.

Постоянно внушая сыну, что он больной, мать воспитала в нем неуверенность, в том числе и в мужских качествах. Она направляла его по пути ревности и приводила к мысли заранее мстить жене за возможные прегрешения на почве физической неудовлетворенности. Этим она убивала двух зайцев одновременно: мстила невестке и добивалась, чтобы сын любил только ее – готовую, защищая его, отдать за него свою жизнь.

Позже я поняла, что это были только слова, на деле его мать радела только о себе. Моя подруга, только раз побывав у меня в гостях, заметила: «Римская волчица», защищая свое потомства, может всех убить, а твоя свекровь ради себя готова кого угодно уничтожить. Вот подлое чертово семя! Из их окна даже солнце кажется неживым».

Было много странных, необъяснимых с моей точки зрения моментов в поведении семьи мужа, но я старалась не задерживать на них своего внимания. Даже вспомнив, пыталась не придавать им значения, изгоняя, стирая их из своей памяти, игнорируя, хотя полностью никогда не удавалось этого сделать.

– Ты не могла нравиться этой семье, потому что слишком отличалась от них. Они понимали, что делали плохо и нарочно изводили тебя. Такие люди грубостью прикрываются от таких наивных умников и праведников как ты, специально хамят, подавляя чужую индивидуальность, говорят слова, противоречащие здравому смыслу, чтобы обидеть, разозлить, вывести из равновесия, а потом тебя же обвинить в плохом поведении. К сожалению, наглые всегда получают больше, чем умные. Такова проза жизни, – рассудительно заметила я.

– Я тоже далеко небезупречна, но я поступаю правильно, даже когда меня никто не видит. Характер такой. Мне трудно жить, пока не расставлю все акценты, все точки над «и». Но в этой семье у меня ничего не получалось. Свекровь превратно трактовала мой характер, искала подтексты в моих словах, ожидала пакостей, и тем возвышалась в своих глазах, выказывая мне свое презрение. А тут еще соседка ее подзуживала: «Что-то слишком уж твоя невестка правильная. Не следует слишком уповать на ее доброту. Помяни мое слово – преподнесет она тебе сюрприз, гадость какую-нибудь сделает. Она себя еще покажет!» После этих слов, наверное, у свекрови еще большее недоверие ко мне закрадывалось.

Так открылась мне трагическая подоплека жизни в большой чужой семье. «Наука и техника шагают вперед семимильными шагами», а люди, как и прежде, часто злые и мелочные. И проблемы у них те же, что и много сотен лет назад... Получается, что законы, по которым

развиваются отношения в семье, остаются по сути дела те же? Почему свекровь раздражает то, что должно трогать, радовать, располагать к себе?» – недоумевала я, пытаюсь осмыслить побудительные мотивы ее поведения.

Примечательно, что бесполезные, непродуктивные скандалы развивались у них по одному и тому же сценарию. Семью лихорадило. Каждый из них не хотел сознаться, что неправ, что ошибался. И начиналась игра, состоящая в том, чтобы любым способом – криком до хрипоты, язвительностью, давлением на самолюбие и ложью – доказать другим свою невиновность, выбелить себя. Малейшее недовольство разрасталось как на дрожжах в яростное раздражение и требовало выхода. Они раздували самые пустяковые события, многократно усиливая их, без всяких на то оснований, придавая им максимум значительности, одновременно гася даже отзвуки самых хороших дел, сводя их на нет, чтобы никто не обратил на них внимания, а подчас и вовсе опорочивая их. Они постоянно видели какие-то заговоры там, где их и быть не могло. Возникал камнепад бестолковых страстей. Добавь к этому то, что каждый сам взвинчивал себя до прямых нападков, а винил во всем собеседника. Они доходили в своих обвинениях до абсурда, но все равно считали подобное поведение в порядке вещей. Каждый упивался раздражением другого.

Миша хоть и проявлял в спорах чудеса находчивости, но погасить их не мог. Он часто и сам не умел вовремя остановиться. Иногда, при всей своей категоричности, его слова вносили в их спор неопределенность. Это надо же было так уметь! И он наслаждался произведенным эффектом. Вот, мол, какой я умный! Случалось, что напротив становился колючим, грубостью сводил на нет любые аргументы оппонента, позволял себе нехорошо иронизировать, говорил с родней резко, громко, убежденно, как с ровесниками. Не воздерживался от гадких упреков, даже когда дело выеденного яйца не стоило, и с самым невинным видом говорил чудовищные, противоестественные, шокирующие меня вещи. Миша не умел и не хотел разбираться в частностях, не делал доброжелательных оценок. «Он с детства привык воевать подобным методом? Годами вырабатывал эту тактику боя или только теперь перенял ее у матери? Отцу его тоже крепко доставалось в этой «милрой» семейке. Работал из последних сил. До доньшка израсходовался. Не зря рано ушел из жизни, – думала я, и каждый раз наивно успокаивала себя высокопарной фразой: «Избранники Богов уходят молодыми».

Мать с готовностью взвинчивалась, поддакивая сыну. Она искала в нем верного союзника в борьбе против остальных, и, конечно, находила. Он как коршун бросался на любого, кто будто бы пытался ее обидеть. А эта мама сама кого захочет с удовольствием обидит. И разворачивалась очередная баталия. Жестоко ссорились. У каждого была своя правда и каждый бескомпромиссно ее отстаивал. «Странные, несуразные люди. Вместо того, чтобы поговорить по душам, копят обиды, накручивают себя, а потом желчь изливают друг на друга. Одно цепляется за другое и уже не остановить шквала незаслуженных, необоснованных упреков и не вспомнить с чего начиналась ссора», – думала я тоскливо.

Мать считала, что «разминки» между близкими людьми не задевают душу, только снимают раздражение и усталость. «Так почему же ближе к ночи все они начинают пить лекарство? Кому и зачем нужны эти скандалы? И почему они с каждой минутой становятся все громче, оскорбления разят все страшнее. Родственники не сдерживают свой гнев, быстро срываются на крик, бранные слова и вопли сменяют друг друга. И не похоже, чтобы их раздражение хоть немного смягчалось или стихало», – размышляла я. Мне казалось, спорам не будет конца, хотелось любым способом их остановить. Но благоразумие требовало от меня терпеть. Я не видела другого способа прекратить их «выступления», кроме как дожидаться, когда его участники сами выдохнутся.

«Как же измучили Машу ссоры, если до сих пор, вспоминая их, она из души выплескивает столько боли!» – молча сочувствовала я подруге.

– В ссорах его мать то поддерживала сына, то поддакивала дочкам или сестрам, и невозможно было понять, на чьей она стороне. Двурушничество какое-то! И Миша, защищая кого-нибудь из семьи, находил у других уязвимые места. Он шел напролом, бил прямой наводкой, делал выпад за выпадом, пока не брал верх. Как говорят, носом землю рыл, чтобы доказать свою, якобы, правоту. Ему нравилось побеждать! И за ним это стало водиться все чаще и чаще, даже в разговорах со мной. А я просила об одном: «Не выстреливай грубостями, сначала подумай, стоит ли это делать?»

«Ты готов себя выставить каким угодно гадким, только ради того, чтобы за тобой осталась, пусть даже неумное и нечестное, но последнее слово? – удивлялась я. – Плохой характер побеждает в тебе разум?» Этими жесткими словами я пыталась остановить нелогичные тирады мужа.

«У любящих людей в ссорах тоже случается злость и раздражение, но это не перечеркивает их отношения друг к другу», – утверждал Миша.

«Если этот ад не каждый день и если после ссор наступает взаимопонимание и удовлетворение. А у нас их нет. Я живу в ситуации постоянного нервного напряжения. Ежедневные цейтноты и микрострессы губят мое здоровье, – возражала я. – Тебя это не волнует?»

– Да, многое я отдала бы, чтобы увидеть, как Мишка разговаривает со своим начальником. Может, он там агнец божий? От Инны я слышала, что умение получать удовольствие от разногласий – ключ к семейному счастью. Только споры – одно, а ссоры – это совсем другое. Ее бы в твою гоп-компанию! Она была бы там на высоте, – прошла я по нашей сокурнице.

А Мария продолжила рассказ:

– Я доказывала Мише свою точку зрения, но он, согласившись со мной, прекращал разговор лишь за тем, чтобы завтра опять-таки вернуться к своему мнению, вернее, к мнению матери. Свое, как я поняла много позже, он так и не научился вырабатывать. Мне хотелось поговорить с мужем, держась за руки, как в студенческие годы. Я так уставала от постоянных бурь и мелких пошлых страстей его беспокойного семейства! Я считала, что худой мир всегда лучше доброй ссоры. «Если можно не воевать, нужно не воевать», – один из принципов христианской жизни. И не надоедает им соседей развлекать?» – удивлялась я. В чем я находила отдушину? Что было той защитной стеной, за которую я пряталась, старалась выжить морально и духовно? Только надежда на лучшее будущее.

Я говорила мужу: «Я отказываюсь углубляться в суть ваших ссор, меня уже не волнует, кто из вас прав, кто виноват. Я хочу ограничиться рассуждениями, необходимыми для того, чтобы доказать твоей семье, что наше с ними дальнейшее совместное проживание невозможно, что наиболее справедливым по отношению к нам было бы признать за нами право выбирать. Один не воздержан, потому что молод и неопытен, другие – потому что стары и болезненны. Напрашивается единственно разумный вывод, приводящий к разрешению всех проблем сразу – жить нам в общежитии. Но Миша не хотел уходить от матери. Его все устраивало. А на мои просьбы он насмешливо отвечал: «Ну как же, у тебя же все заранее запланировано и рассчитано на ближайшие десять лет!»

Я не понимала мужа. Об отдельно проживании мечтает всякая молодая семья. У нас не было возможности спокойно уединиться, мы разучились быть ласковыми, но я еще верила, что если мы будем жить самостоятельно, Миша станет прежним, каким был в университете. «Ведь в нем эта странная, неприятная неуверенность раньше никогда не проявлялась, ее не было в его характере. Он изменится к лучшему! Придет время, и для нас взойдет солнце!» – внушала я себе. Ведь я тогда была права? – спросила меня Маша.

– Что я думаю по этому поводу? Ой ли! Даже при моей манере пытаться все слова и ситуации подвергать положительному анализу, я должна признать, что согласилась бы с тобой, только при одном условии: если бы вы переехали в другой город, пока гнилая обстановка этой семьи не захватила Мишу полностью. Иначе, даже получив отдельную квартиру, он не

избавится от влияния матери и твоя жизнь останется невыносимой. Насолить вам она успеет много... а вот доброты от тебя так и не наберется. Нужна она ей, как в бане пулемет. Подобное, к сожалению, случается в семьях не так уж редко. Такие особи, как твоя свекровь, не понимают, что главная ценность для любого человека – это его жизнь, а единственное чудо, которое хотелось бы ему иметь – это любовь. Для них эти простые истины – словесная шелуха, – категорично ответила я на прямой вопрос подруги.

Маша грустным кивком подтвердила мои слова.

– Я долго молчала, но со временем успокоительные импровизации внутри меня стали терять легкость. Мне самой надоела покорная осторожность глупой овечки. Нескончаемые скандалы и следующие за ними стенания, в конце концов, сломили мое терпение. Я не выдержала и с отважным простодушием молодых лет встряла в их ссору и спокойно выложила все, что о них думаю. Свекровь, слушая меня, самодовольно улыбалась простоте и наивности своей ученой невестки, и насмешливая складка сохранялась в уголках ее губ до тех пор, пока ей вдруг не дошло, что она может лишиться объекта для издевательств. И она встала на дыбы. Помимо тайной борьбы против меня – о которой я долго не догадывалась – она повела еще и открытую.

В кои веки я позволила себе момент откровения и естественно потерпела полную неудачу. Пробный камешек только вызвал проявление взаимного внутреннего ожесточения. А чего я ожидала, на что надеялась? Думала, переверну у них все кверху дном, выплывет правда и все сразу изменится? Целоваться со мной полезут? На кой им моя правда?.. Конечно, разразился дикий скандал, который продолжался три часа крику. Меня будто уронили затылком на холодный бетонный пол и хлестали, хлестали словами, не давая одуматься и подняться. Я потом долго не могла отделаться от чувства вины за свою несдержанность. Перед сном я попыталась с Мишей объяснить. Но он выхватывал из нашего с ним разговора лишь фразы, дополняющие или подтверждающие знания, которыми он уже располагал в беседах с матерью. Миша признавал мои утверждения справедливыми, но только в той степени, в какой они не наносили вреда и подкрепляли достоверность его положений, тех, что крепко сидели в нем, может быть вдолбленные матерью еще в детстве. Он их затвердил и не позволял себе ни на шаг от них отступать. Остальные как бы просеивал сквозь редкое сито маминых мнений. Не задерживались мои главные слова в его голове. Откуда было взяться сложным конструктивным диалогам, терпеливым подробным разъяснениям любого вопроса, если Миша как робот, был четко запрограммирован на определенную форму поведения, отторгающую любую другую, пусть даже очень хорошую и правильную с моей точки зрения? И с ним я должна была соотносить свои действия?

Мать вбила ему в голову, что любая критика в ее адрес – заведомая ложь, а всякое предположение жены надо отвергать и делать по-своему, точнее, по ее. Бывало, я попрошу Мишу что-либо объяснить в его поведении, а он машинально оттарабанит мне что-то в ответ без всякого выражения, не вдумываясь в смысл сказанного, и все. А я потом удивляюсь, почему это он отказывает мне в том, на что я вправе рассчитывать?

Миша не понимал, что ругань в семье шокирует, мучает меня, ведь для него она была нормальной, естественной составляющей родной среды обитания. Он даже шутил, что бранные слова в определенных условиях обретают неожиданную нежность, с чем я категорически не соглашалась. Я видела, что его матери нравится находиться в состоянии постоянного конфликта. Мол, хочу вспылить – вспылю, хочу оболгать – пожалуйста! Я такая! И остальные вольно или невольно втягивались. Порядочный человек, похоже, казался им нелепым уже потому, что пренебрегает бесчисленными, мелкими возможностями сподличать, досадить, поиздеваться.

Элементарная забота об удовлетворении своих гадких желаний толкает их на низкие поступки гораздо чаще, чем я могла бы представить, исходя из общепринятых понятий о мелко непорядочных людях. Наверное, поэтому никакого сочувствия в лице мужа я к себе не обна-

руживала, когда он, не смущаясь, на следующий день заявлял, что я не права, хотя ночью на эту же тему говорил противоположное. Он еще умудрялся обижаться и возмущаться, если я поражалась отсутствию в нем твердых принципов и морального стержня. Доведись мне снова, я бы...

– Прогнула бы выше головы? – усмехнулась я сочувственно.

– Не лишним будет сказать несколько слов и про то, что когда я заводила разговор о том, как издевается надо мной его семья, пока он отсутствует, Миша отворачивался, давая понять бесперспективность дальнейших прений. Не докажешь же ему, что даже любящие родители могут ошибаться не реже, чем безразличные. Я говорила впустую. Он твердо стоял на страже интересов своих родственников, не считался с моим мнением, и даже вменял мне в вину семейные разногласия. Видит бог, я не могла быть генератором их ссор. С чего это вдруг им стало требоваться мое присутствие или одобрение, чтобы начать ругаться? Для этого им любой предлог, не продиктованный здравым смыслом, был хорош.

Я недоумевала: «Почему Миша себя так вознес?» И предположила, что, наверное, с детства часто обижаемый детьми, униженный бедностью, постоянным давлением матери, он привык разговаривать лишь с самим собой, жалея себя, критически не анализируя свои мысли, не противореча себе, что приводило к признанию за собой правоты, непогрешимости своих решений. Это, в свою очередь, приучило игнорировать и не принимать во внимание чужое мнение. А теперь, выучившись и повзрослев, он стал требовать сатисфакции. Но диктат матери так и не смог превозмочь.

Я после ссор долго не могла уснуть, ища пути смягчения ситуации. Мне почему-то вспоминалось раннее военное детство, ночи, полные леденящего страха смерти, доводившего до слез, до крика пробуждения... И теперь я снова чувствовала себя маленькой, беззащитной, одинокой и несчастной в этом чужом городе, в чуждой неприветливой семье. Мне так хотелось тепла и поддержки! Я не понимала, почему семью надо строить на зависимости, унижении, а не на любви.

Я думала: «Почему бы Мише не стремиться вносить в нашу жизнь праздничные моменты? Ведь умел же он быть интересным, когда ухаживал». Это невозможно в этой пасмурной семье? Я имела над Мишей власть, пока была свободная, независимая, пока ему приходилось завоевывать каждый мой взгляд, каждую одобрительную улыбку? Некоторые парни по водосточной трубе поднимались к окну любимой, а потом ни содержать семью, ни помочь жене в доме не умели, потому что «одноразовые». А Миша и по трубе не полез бы. Наверное, поэтому некоторые уверенные в себе разведенные женщины не торопятся второй раз выходить замуж. Они держат желающих их мужчин на расстоянии, чтобы те не переходили на прозу жизни.

Много раз я уговаривала Мишу не прятаться за спину мамы, начать самостоятельную жизнь. Говорила: «Хватит играть в пионерский лагерь. Чтобы мы не ссорились, не вмешивай в наши дела маму». Я пыталась с ним обсуждать наши проблемы, строить планы, просила не говорить о них матери, чтобы она их не разрушила. Он обещал, а на следующий день все ей выкладывал. Она торжествовала: у нее был повод затеять скандал. В ней закипала злоба: «Невестка ей не подчиняется!» Ее душил страх потерять влияние на сына. Она свирепела от его малейшего неповиновения. Едва ли ты, представляешь себе, как мучительны для меня были вечера в этой семье!

К концу «срока» жизни в чуждой семье, меня стало раздражать даже то, на что раньше я не обращала внимания, а надо было. Например, рассказывала я мужу что-то об опере, а он пренебрежительно выслушивал или высокомерно прерывал, мол, ерунда это все. Правда, признавал мою удивительную память, когда я цитировала отрывки из классиков. «Я ценю твои знания в технике, а ты мою эрудицию не признаешь», – обижалась я. «Мои знания полезны, а от твоих какой толк?» – смеялся он. «Но ты же считаешь себя интеллигентным человеком», –

сердилась я, не понимая его позиции. – Как глубина знаний не определяется только суммой знаний – еще требуется воображение, – так и интеллигентность содержит в себе нечто большее, чем набор правил поведения. Больше предпочтений получают такие качества как доброта и порядочность.

А как-то Миша застав меня за решением занимательных задач из журнала «Квант» насмешливо заявил: «Они тебе по силам?» Тут уж я не выдержала: «Мне по силам было поступить в университет, а ты даже боялся пытаться. И студентом тебе не удавалось решать задачи, вызывавшие у меня затруднение. Если ты больше меня знаешь в какой-то одной области, это не перечеркивает моих знаний в другой. Дед мне говорил: «Чтобы тебя не заносило, и чтобы ты не заигралась, чаще вспоминай тех, кто умнее и успешнее тебя. Есть места, где ты не самая главная». Но Мишу мои слова не задевали. Я тогда еще подумала: «Мечтала гордиться мужем, но пока нечем. Это обычный мужской гонор или он нарочно принижает меня, чтобы подчинить?»

– Оказалось, что в нем и то, и другое. Как говорит современная реклама: два в одном, – рассмеялась я. – Твой Миша – зеркальное отражение мужа моей сестры. Один к одному. Но она меньше тебя рефлексит и много жестче ведет себя с семейством своего благоверного.

– И у них в этом отношении все устоялось? – живо поинтересовалась Маша.

– Ну не так, чтобы совсем, но все же... – промямлила я неуверенно.

– А я под градом грубостей своей «очаровательной семейки» умела только тараканов на полу искать.

И вот я забеременела. Я ходила счастливая, я летала! Такого теплого, радостного внутреннего торжества организма я никогда не испытывала. Это было богатое красками, нежнейшее чувство материнства: красивое и настолько восхитительное, что невозможно описать словами. Ни с чем несравнимое, возвышенное, божественное состояние! Я чувствовала себя особенным, самым счастливым человеком на свете. Я узнала, что такое истинное, настоящее женское счастье ожидания появления новой жизни! Оно потаенное, глубокое и в то же время широкое, всеохватное. Оно – колыбель рая!

В этом ощущении – сколько безмерно-прекрасной, еще не полностью осознаваемой и прочувствованной любви! В нем собрана вся красота Земли, вся нежность мироздания! И при всей остроте и высоте этого чувства, оно оставалось мягким, удивительно трепетным, тонким. Я бы сказала – обостренно утонченным.

И что же? Вместо того, чтобы порадоваться за нас, мамаша подслала ко мне Мишу с требованием сделать аборт. Свекровь говорила:

«Ребенок станет пищать, а мы не будем спать».

«Так мы уйдем в общежитие», – радостно предложила я.

«Вы там грязью зарастете!»

«Эти слова не про меня, вы же знаете. Хотите оскорбить? Так я тоже могу, только воспитание не позволяет», – возразила я. Она поняла мой намек.

Тогда свекровь стала орать сыну: «Бросаешь меня! Какой ты сын? Я у тебя подзаборная!» И прочее... Я ей спокойно разъяснила: «Подзаборные – те, кого из дому выгнали, а вы у себя остаетесь и к тому же не одна. Мы уйдем, и вам свободнее станет. Мы здесь буквально на головах друг у друга сидим, а в общежитии у нас с Мишей будет отдельная комната». А она мне в ответ: «Ишь, распахнула дверь для своих мечтаний! Хочешь лучше нас жить?! Не позволю!»

«Зависть, жадность и хитрость – трехглавый змей, который одних лишает мозгов, других – жизни», – подумала я и ответила свекрови:

«Это что-то новенькое в вашем репертуаре! Вы не хотите счастья своему сыну? Но когда-нибудь мы получим квартиру и все равно уйдем от вас. Не лучше ли уже сейчас смириться с неизбежностью и не мотать друг другу нервы?»

А Миша, вместо того, чтобы поддержать меня, стал кричать, мол, мою маму не уважаешь, не жалеешь, нервничать заставляешь. Маму нельзя расстраивать, а меня так можно? Дурдом!

Мне создали такие условия, что я каждый день лила слезы. А свекровь открыто заявляла: «Я лучше знаю, что хорошо для моего сына. Все будет так, как я захочу». Она знала, как этого добиться.

Через месяц ежедневных скандалов у меня появились сильные боли внизу живота. А еще через месяц произошел выкидыш с большой потерей крови. Врач попросил родственников сдать кровь, но все сослались на нездоровье. Полгода я ходила на работу с головокружением. Ты знаешь, оперировавший меня врач жестко требовал рассказать, что я пила, чтобы лишиться ребенка. «Все признаки вмешательства налицо», – утверждал он. Тогда я расплакалась и ответила, что все равно у меня будут дети, пусть даже против воли свекрови. Он все понял и сказал: «Уходите на квартиру» и больше меня не «допрашивал».

– Понимаю, в такой житейской обстановке меркли и гасли лучшие чувства, затаптывались любые нежные движения души – все то, что делает человека добрым и счастливым, – вздохнула я.

– Я не находила выхода подавленным чувствам, и в семейной жизни уже не видела ничего привлекательного. Мы разучились улыбаться, мы безвылазно сидели дома. Если бы мне дали общежитие, я бы и дня не осталась в этом клоповнике, и мужа потихоньку перетянула бы. Миша почувствовал бы, где ему спокойнее и радостнее, понял бы, что мой мир веселее, добрее и справедливей. Не зря говорится, что родственники, как горный пейзаж, хорошо смотрятся издалека. Я знала лучшие времена, а мой муж всю жизнь в этом аду жил. Хоть он и родной Мише, но от этого ему не легче. «Может, как и я, он каждый день на грани срыва, только виду не подает, потому что мужчина», – сочувствовала я мужу.

– Я думаю, свекровь держала сына рядом с собой еще и потому, что вы отдавали ей всю зарплату, и она сама распоряжалась ею. Не правда ли?

– Я как-то об этом не подумала. Благоразумие советовало мне самой вести свой бюджет, но Миша сказал, что в их семье хозяйка – его мать, и мы обязаны отдавать деньги в общий котел. Я подчинилась, надеясь, что долго мы у них не задержимся. К тому же я понимала, что если «кто выше всего ставит покой своих близких, тот должен хотя бы на время отказаться от самого себя».

– И куда это может завести? Надо сочувствовать, снисходить, но не в такой же степени, чтобы нарушать свои принципы, свои жизненные установки.

– Миша не поддерживал меня, а одна я не могла справиться с этой оравой. На словах он готов был, что угодно для меня сделать, а на деле... только привносил психологическое напряжение. К тому же у меня воспитание интеллигентское: уважать старших научили, а защищаться от них – нет. И как тут что-то требовать и отстаивать?.. Знаю, стремление ни во что не вмешиваться – признак слабого духа. Но эту семью можно было поставить на место лишь грубостью, а я не могла обругать, обозвать, повысить голос.

– Не интеллигентность, крепостная душа русской женщины тому виной. Каждый в больших семьях ведет себя так, как ему позволяют родственники, – усмехнулась я. – А ты была слишком доверчива, прямолинейна и добра, вот и засосало тебя их болото.

– Я знала, что надо было иногда хитрить, но не умела. Не могла поперек себя идти. Мне всегда казалось, что добиваться любви хитростью как-то нехорошо. Пробовала. Но чувствовала себя неполноценной, не порядочной, обгаженной... Для меня хитрить, как лгать.

– Идеалистка. Умный, с хитринкой человек получает от врагов больше, чем глупый от друзей. Только понимание этого постулата даже с годами приходит не всем, – заметила я.

– Квартиры я ждала пять лет. За это время мы с Мишей сильно отделились друг от друга. Общаться с людьми – не интегралы брать. В математике все много проще. Там можно рассчитывать, предусмотреть, четко оговорить граничные условия. А человек – существо непредсказу-

емое в разных ситуациях. Всяк под своими углами зрения, многослойно и разнопланово трактует происходящие вокруг события. Ну что мне тебе, математику, объяснять. А в этой семье каждый из своего характера исходил, свое мнение превыше чужого ставил, свою линию гнул и выгоду искал, никому ни в чем не уступая. Отсюда все последствия. Я мыслила жить просто: я в ваши дела не вмешиваюсь, и вы ко мне не приставайте. Не вышло. Не оставляли меня в покое: требовали, надзирали, хамили, оговаривали. Не соскучишься!

А защитить меня было некому. Под покровом внешней респектабельности – таким я знала Мишу в университете – в нем причудливо уживались черты, о которых я прежде не подозревала: слабохарактерность, необязательность, откровенный эгоизм. Как-то совершенно незаметно для себя я попала в его семье, пожалуй, в наиболее интересную группу людей – в разновидность «бедных родственников», хотя, казалось бы, ни по каким параметрам не подходила в эту категорию. Я много знала, многое умела, по крайней мере, больше, чем все вместе взятые женщины Мишиной семьи. Я могла быстро придумать и за пару дней изготовить модную шляпку из подручного материала, починить обувь и любую одежду. Я даже умела прясть. Я все себе сама шила и вязала. И мужские дела мне были привычны. Все, чему я научилась в детстве, мне в жизни пригодилась, потому что всегда жила очень скромно.

Запомнилось мне в ту пору неожиданно возникшее и все усиливающееся чувство собственной неполноценности. Я ничего не стоила в мире этих людей, живших без явных признаков культуры. Позже и моя двоюродная сестра, врач по образованию, тоже попала в такую же ловушку.

Я не понимала, что они ценят в своей жизни, и терялась в общении с ними. Наглость, неизвестно на чем основанное самодовольство и чувство превосходства, ложь, зависть, пренебрежение к другим, на них не похожих – вот что я видела ежедневно. Они умные, а все остальные у них – дураки. Наверное, они под дураками подразумевали тех, кто не умел им противодействовать. Ни зависти, ни ревности, ни жестокости не было в моем характере. Это к концу «срока пребывания» в семье мужа, мне на короткое время пришлось обзавестись отравляющей жизнью ревностью. Да ревность ли то была? Оскорбленное, растоптанное чувство собственного достоинства во мне страдало, когда я поняла, что Миша лишил меня не только своей любви, но и уверенности в себе без всякой вины с моей стороны. Я тогда будто потеряла ту прежнюю себя...

Постепенно я начала догадываться, что издеваться надо мной для свекрови было важнее здоровья сына. Не зная точно, и будучи не уверенной в том, что подобного рода люди существуют, я ругала себя за предвзятость, за глупые фантазии, требовала от себя смирения. А тут еще Мишина старая, упрямая, вздорная, вероломного нрава бабуса постоянно раздражала, мучила подглядываниями и указаниями...

«Ты вчера моего внука чуть с постели не свалила. А если бы он сломал себе позвоночник. С моим знакомым случилось такое...» – бубнила она, смущая меня своим выставлением напоказ наших интимных отношений.

Мы вздрагивали от каждого шороха, скрипа дивана, разучились даже обниматься. Миша уже не целовал меня, уходя на работу. Он боялся ревности матери? Все мои разговоры про общежитие, мои тихие жалобы на его родственников, кончались тем, что муж утверждал, что я ненавижу его маму. Ненависти я не испытывала, но за что ее было любить? Как видишь, крепко мать в кулаке держала своего сына.

Снова пришло лето, Миша, как обычно, уехал в Сочи лечить нервы, а одна из его теток принесла мне шерстяные нитки и журнал на немецком языке, чтобы я связала для Миши лыжную шапочку особого фасона. Она должна складываться и раскрываться как шлем и служить одновременно шапкой и шарфом. Зная вкус Миши, я выразила сомнение по поводу подарка, но отказаться не смогла. Конструкция оказалась сложной, мне проще было связать свитер. Я несколько раз переделывала изделие, вязала все вечера после работы и все выходные, но к

приезду мужа справилась. И что ты думаешь! Когда я торжественно преподнесла ему подарок, он померил его и отшвырнул на диван со словами:

«Ерунда какая-то, не буду это носить!»

Я настолько была ошарашена, что ничего не ответила, только растерянно взглянула на уговорившую меня тетю. Мишу не интересовало, что я с любовью работала, душу вкладывала. Мне было горько его невнимание, его нежелание хотя бы из вежливости смягчить свой отказ. Ну не понравился подарок, так без пренебрежения, мягко объясни, чтобы не чувствовала я себя оскорбленной, найди подходящие случаю слова. Разве это так трудно? Но Миша не хотел понимать моих переживаний. Он считал себя непогрешимым.

– А ты бы объяснила ему, подсказала, – не удержалась я.

– Если я пыталась мягко и спокойно объяснять Мише, в чём он, с моей точки зрения, не прав, или чем он меня обижает, то в нем мгновенно поднимался дух противоречия. Он оцепеневал, и начинал доказывать, какая я плохая, что все не по мне, и что я никого не люблю, в том числе и его, что у меня дурной характер. Я терялась от такой бури необоснованных обвинений, начинала плакать и замыкалась. А он никогда не просил прощения, не жалел меня, ждал, пока я сама успокоюсь. Он вел себя так, словно ничего не произошло, говорил, какой он хороший, не обидчивый, легко все прощает и забывает. (Быстро впитывает и тут же выбрасывает из головы? Способный!) Получалось, что это я его обижала. Я плохая, а он золотко. Я же не позволяла себе беспардонно его критиковать, щадила его самолюбие, берегла здоровье и только просила быть снисходительней, терпимее к мелочам.

Как-то свекровь захотела, чтобы я связала Мише свитер. Я согласилась с условием, что сама выберу фасон, цвет и качество ниток. Они должны быть мягкими, чтобы не раздражали его нежную кожу. Я открыла свою книгу по рукоделию, показала свекрови картинку понравившегося изделия, чертеж к нему и расчет необходимого материала. Но она сделала по своему. Я чуть ни со слезами возмутилась: «В книге написано, что для свитера данного размера необходим один килограмм двести грамм шерстяных ниток». Свекровь заявила, что продавец посоветовала ей взять килограмм. «Вот и пусть она вам вяжет, – рассердилась я. – Если в книге будет написано, что вам на блузку с длинным рукавом требуется два метра двадцать сантиметров ткани, вы же не станете покупать полтора? Сэкономили на сыне? Мне лыжный свитер вязать с короткими рукавами или сделать не доходящим до талии? Может, вас безрукавка устроит? В таком случае я не отвечаю за то, что получится. Вспомните притчу про семь шапок».

Заняла я у соседки денег, чтобы докупить ниток, но они в магазине закончились. Пометалась по городу. Бесполезно. Ну и связала куций свитер. Сначала его примерил наш невысокий сосед. Он ему был впору, сидел как на картинке – залюбуешься. А Миша в нем выглядел подростком-переростком. При мне мамаша ничего не сказала, но потом внушило Мише, что я не умею вязать и зря деньги перевела. И конечно, он поверил матери. И следующий свитер из грубой овечьей шерсти Миша не стал носить, потому что он «кусался», что я и предсказывала.

Я старалась все в доме делать так, чтобы не к чему было придраться, потому что знала: не преминут воспользоваться моей малейшей ошибкой или оплошностью, чтобы напоминать о ней при каждом удобном случае. Так и это их бесило. Они все равно искали к чему бы прицепиться, пусть даже необоснованно. И так им нехорошо, и этак плохо. Не угодишь. Мне казалось, что и Миша не способен осмыслить частности, тонкости домашнего быта, тем более, что не старался в них вникать, не хотел затруднять себя «мелочами». «Так почему же они его раздражают? – терялась я в догадках.

– Да потому, что мама его «накачивала», – фыркнула я.

– И все же мне все равно хотелось делать Мише приятное. Это была моя потребность. Как то решила испечь сметанный торт. Миша очень любил сладкое. Боже мой, с каким удовольствием я его готовила! Я никому не доверила ни одной операции. Свекровь пыталась заставить меня вместо масла положить маргарин, уменьшить число яиц. Но я не послушала ее,

потому что решила сделать настоящий, полноценный торт. Мое старание даром не пропало. Торт вышел на удивление вкусным, нежным, пышным и, может, оттого, что был с пылу, с жару, мне показалось, что такого вкусного я еще не ела никогда в жизни. Муж попробовал и фыркнул:

«Моя мама лучше готовит!» – и отставил блюдо.

Мать, конечно, торжествовала и ликовала. Ее незыблемый авторитет не пошатнулся и даже не дрогнул! Мое же сердце упало. Я молча ушла в магазин. Никто не сказал мне доброго слова, не поддержал, не успокоил. Мне больше не хотелось заниматься кулинарией. Позже я объяснила мужу, что его мама прекрасно печет песочное печенье. Оно нравится всем и мне тоже, но мы же не сравниваем гречневую кашу с манной.

Сколько еще обидного было за пять лет жизни в семье Миши!.. Вспоминать не хочется. Ты, наверное, думаешь: «Это такие пустяки! Зачем обижаться?» Но путь к главной цели у каждого человека идет по дороге, наполненной всякими пустяками. В короткой человеческой жизни нет мелочей, каждый день, каждый шаг важен и ценен. Нехитрые бытовые радости тоже нужны. Но когда тебя злые и досадные мелочи тюкают ежедневно, да еще по сто раз за день, то количество начинает переходить в качество. Они имеют свойство накапливаться и выходить на первый план, затирая лучшее, более высокое... Это так банально.

Есть огромное по времени прошлое, есть неосвоенное будущее. А настоящее – это всего лишь короткий интервал между ними, и мне хотелось, по возможности, сделать для своей семьи каждый его миг счастливым. Вот и занималась тонким «рукоделием», пытаясь вывязать красивое полотно взаимоотношений с мужем и с его семьей, стараясь вовремя подхватывать упущенные петли... А семья Миши продолжала решать свои проблемы по-итальянски, криком непонятно что доказывая друг другу... Как я могла их излечить, если мой собственный мозг уже занялся тоской, и щемящее чувство неудовлетворенности не покидало меня ни на один день?

Понимаешь, Кира, я ждала от Миши моральной поддержки, добрых слов, нежности, хотела, чтобы он откликнулся на мою заботу о нем, но я все больше убеждалась, что муж совершенно не понимает простых истин. Он не задумывается над ними, считает их ерундой. Он не желает понимать, что жизнь состоит из моментов, которые могут радовать или ранить близких. Собственно, он никогда не прислушивался к себе, не рефлексировал. День прошел – и ладно. И меня не слышал.

Вот тебе простой пример. Пришла я из магазина. Муж сразу забухтел: «Зачем принесла черный хлеб? Где ты такие дурацкие булки откопала?» «Другого хлеба не было. Может, не завезли или разобрали. А эти булки я купила, потому что в хлебнице совсем пусто, – ответила я обиженно. – Сам подумай, неужели я взяла бы эти, если бы рядом лежали твои любимые? А как бы ты поступил? С пустой сумкой вернулся? Ты же не можешь без булок завтракать. И вообще... я бы уважительно спросила, заранее оправдывая твой выбор, а ты с упреком, будто я в чем-то виновата».

Меня обижает его манера во всем, даже в мелочах винить меня.

– Обычная манера. Моя подруга вышла замуж за моряка. Ради семьи он оставил море и нашел работу в порту. Ревнивым был, не хотел жену надолго одну оставлять. Но тут начались капризы: «Почему к обеду нет мяса? Я мужчина!» «Если ты мужчина, так зарабатывай. Здоровый мужик, а сидишь на семидесяти рублях, как вахтер-пенсионер. У тебя двое сыновей растут. Чему ты их учишь?» – возражала ему жена. Так он еще и пить «с горя» начал, и винить ее во всем стал. Жена ему плохая! «Ты сам принимал решение, я тебя не неволила. Хоть сейчас иди в море или на суше ищи достойную работу. Понравилось бездельничать и жить на всем готовом?» – сердилась жена. Она все испробовала, чтобы мужа от бутылки отвадить, даже в церковь пошла к батюшке за советом. Видно, понадобилось добрать... не только людского, но и чего-то свыше... Преклонила голову пред иконой, а ее вдруг будто закрутило-завертело в вихре... Она потом ничего не помнила из того, что с ней тогда происходило. Одно поняла:

расставаться ей с мужем надо. Но не решилась, не поверила в промысел божий. Он ведь отец мальчикам. Лет десять нервы мотал семье, пока дети сами не поняли, что такой отец им не нужен. Стыдиться, сторониться его стали. И только тогда она развелась.

– Когда событие, протяженное во времени...

– Бывший муж преследовал, грозил, требовал часть квартиры, подаренной мамой еще в ее девичество... Когда вода выше головы, то уже неважно на сколько, – с усмешкой заключила Мария.

Сизифов труд – объяснять Мише то, что не заложила в нем семья еще в детстве. «Он, наверное, жил в своей семье, закрываясь от всего, в том числе и от хорошего?» – пыталась я понять и оправдать мужа. «А теперь он боится уронить себя в собственных глазах и, особенно, в глазах матери? Как же он с таким характером ведет себя на работе?» – волновалась я.

Быстро дома сполз с Миши внешний университетский лоск, смылась показная интеллигентность. Насквозь фальшивым оказался. Он перестал притворяться хорошим. Теперь в любом моем действии, в обычных словах, он, как и мать, видел только плохое, искал гадкий подтекст, и мне приходилось тратить много усилий, чтобы спокойно, терпеливо доказывать обратное. Чаще всего не удавалось. Если ссорились родственники мужа, я еще как-то могла терпеть, но когда нес ахинею муж, я, оставаясь без малейшей опоры, падала духом и уже смотрела на себя как на человека, который никогда не сможет выбраться из выгребной ямы. Я видела, что несмотря на мою способность любить, на умение делать добро, счастья не получалось. А мне казалось, что я заслуживала его. Были моменты, когда мне не хотелось жить. Я думала, что если не смогу переиначить свое теперешнее положение, не найду другого выхода, то терпение мое не безгранично... Конечно, это было глупо. Но как ни странно, эта мысль напоминала мне о необходимости бороться за свое счастье.

Как-то раз ехала я в трамвае с работы. Мой начальник случайно оказался рядом и шутиливо обратился ко мне:

«Что-то вы одна так поздно гуляете? Почему муж не встречает вас?»

«Он в Сочи лечится», – ответила я.

Начальник рассмеялся:

«В Сочи, дорогая, не лечиться, развлекаться ездят».

Но, увидев, что его слова задели и расстроили меня, успокоил:

«Пошутил я, не сердитесь».

И вдруг он вышел на остановке вместе со мной.

«Не нравитесь вы мне последнее время», – сказал он, внимательно глядя мне в глаза.

Я опустила голову. И почему-то захотелось мне выложить ему все, что наболело:

«Дела мои обстоят не лучшим образом...»

Он слушал внимательно, как-то даже грустно. Может, уже не раз слышал или видел подобное. Потом сказал уверенно и твердо:

«Выбирайте один из двух путей: или рожайте детей, или занимайтесь наукой. О себе, о своем будущем думайте, а не о семье мужа. Неразрешимых проблем не бывает. Бежать от тупой обыденности нужно в науку или искусство. Вы же не готовы довольствоваться имеющимся? Пока вы молоды, не упускайте своих широких возможностей. А глупости из головы выбросьте, это малодушие. Вы умная, сильная, красивая. Излишняя мягкость вас губит. Во всем надо иметь чувство меры, даже в доброте».

«Хороший вы человек!» – добавил он, и быстрым шагом направился к трамвайной остановке.

Я была удивлена и обрадована поддержкой этого человека, первой в этом городе. Я послушала его, с радостью ухватила за его идею, и даже припомнила свою студенческую мечту продолжить заниматься наукой. Уже на следующее утро я пришла в ректорат с заявлением,

чтобы получить направления на сдачу экзаменов в аспирантуру. И сразу, будто с души камень сняла. Нет, жизнь в семье оставалась прежней, но изменилась я и мое отношение к ее мелким пакостям. Они уже не так задевали. У меня была новая серьезная цель. Я почувствовала себя человеком! «А горите вы все синим пламенем!» – весело думала я, потому что едва эта мысль четко сформировалась у меня в голове, я уже не могла и не хотела думать о ссорах. Кира, тебе, наверное, чуть проще жилось? Свекровь у тебя – простая, деревенская женщина, а муж уже в студенческие годы был деловой и самостоятельный.

– Других проблем хватало. Расскажу потом. Продолжай, – нехотя ответила я подруге. Сегодня мне не хотелось говорить о своей семье.

Но по тону и по той заминке, которая последовала после вопроса, Мария поняла, что не все и не всегда было гладко и в моей жизни, что тяжело мне, не настроившись, поднимать пласты прошлых лет. И она продолжила исповедоваться, ничего не утаивая.

– Ну так вот, поняв, что мне не перешибить нравы этого семейства, и что в таких условиях мне лучше спрятаться в скорлупу и поставить перед собой другие задачи, я начала серьезно готовиться в аспирантуру. Сначала сдала на «отлично» философию. Затем взялась за немецкий язык. Мне даже показалось, что от меня отстали. Конечно, бурные спектакли продолжались с обычной цикличностью. Матери надо было как-то разряжаться, и она по-прежнему устраивала сцены из-за каждой ерунды. Видно, без подобных «ритуалов» жизнь ей была не в радость. Покой в семье не про нее. Может, от скуки ее разбирало? Но я уже относилась к ним с некоторой долей иронии.

Я не раз упрашивала Мишу по вечерам уходить из дому на прогулку, чтобы не быть участниками и свидетелем ссор, но он не соглашался, ссылаясь на усталость. А может, ему тоже требовалась разрядка. И вдруг он предложил мне:

«Пойдем, прогуляемся по городу?»

На сердце у меня потеплело. Ну, думаю, лед тронулся! Наконец-то он понял, что нам надо хоть иногда оставаться вдвоем. Ведь совсем личной жизни лишились. Только слышу продолжение его слов:

«Приемник свой новый возьму, «Спидолу», может, кого из знакомых встречу. Так хочется похвалиться!»

Я загрустила. Не меня, приемник Миша «выгулять» решил. И все-таки это была прогулка вместе, наедине. И мне было хорошо, и он был весел. Вернулись. Только переступили порог дома, как сразу почувствовали тишину перед бурей. «Боже мой, что еще случилось? В чем теперь мы виноваты?» – подумала я тоскливо. Начался скандал на три часа. Было уже около часу ночи, а я никак не могла понять суть ругани, почему мы на этот раз оба оказались гадкими? Но когда разъяренная мать швырнула тяжелую медную кружку в приемник, сделав огромную вмятину на любимой игрушке Миши, я поняла, где «собака зарыта».

«Она и к приемнику ревнует?» – недоумевала я. Еще через час я уяснила, что мать не разрешала выносить приемник из дому, а сын не послушался, и она увидела в том мою вину: я ей подлянку устроила. Свекровь считала, что сын обязан подчиняться только ей, что моего согласия ни на что не требуется. Тут уж я подала голос:

«Я была против того, чтобы Миша брал с собой приемник. Мне хотелось, чтобы муж мне уделял внимания, а не игрушке. Это во-первых. А во-вторых: вы хвалитесь своей религиозностью, верой в бога, но не знаете, что в святой книге говорится о том, что, женившись, мужчина должен уйти от родителей, притулиться к жене и жить с ней в добром согласии. В Библии подчеркивается, что статус жены в семье выше статуса обоих родителей. Сын обязан почитать родителей, заботиться о них, но жить должен с женой, свою семью создавать, а не оставаться под маменькиной юбкой, как цыпленок под наседкой. К слову сказать, это невежество с вашей стороны не знать основных религиозных постулатов. Если вы верите в Бога, вы

обязаны выполнять его заветы. И тогда в вашей семье будет мир, покой, взаимопонимание и благоденствие. (Мамаша воспримет мои слова как беспардонные?) Миша взрослый, самостоятельный мужчина и имеет право на свое мнение и свои желания! Все ваши братья создавали свои самостоятельные семьи. Почему же вы не отпускаете своего сына?»

Конечно же, на меня набросились все женщины его семейства. Начались манипуляции чувством вины. И мать, чутко улавливая размолвки между родственниками, продолжала себя разжигать. Потом все пили лекарство... Все как обычно. И я знала, что через неделю, если не раньше, все опять повторится. И это нормальная жизнь? Труха, опилки – как ни назови. Оставаясь во власти волнений, я долго не могла уснуть. Миша ночью стонал и охал, обижался на мать, но на следующий день все встало на прежние места. И он упрекал меня:

«Лезешь тут со своею честностью! И я еще должен тебя защищать? Ты им со своей порядочностью и даром не нужна. Ты для них персона нон грата».

«А для тебя?» – спросила я, но ответа, конечно же, не получила.

Защищать, делать кому-то добро в этой семье считалось глупостью. Они цинично не признавали того, что репутацией порядочного человека можно гордиться. Я часто слышала от них за своей спиной насмешливое: «Ученая, а дура».

– Непередаваемые ощущения! – грустно съязвила я.

– Невозможно переломить судьбу, невыносимо трудно пересиливать себя, непросто терпеть... – дрожащим голосом продолжила Мария. – А о деньгах и говорить не стоит... Мать так вела дела, что мы всегда были ей должны. Я неоднократно говорила ей, что мои расчеты не подтверждают ее расходов. Когда ей крыть было нечем, она, посмотрев на меня презрительно, с чувством превосходства, молча уходила. Как-то отдала я ей долг, а на следующий день попросила двадцать рублей купить Мише брюки. Она нагло ответила, что уже не осталось ни рубля, и не удосужилась объяснить, куда потратила. А Миша не хотел вникать в вопросы бюджета семьи, доверял матери, а мне говорил, чтобы я не перегружала корабль его жизни ненужной информацией.

– Знаешь, Кира, моя любовь к мужу, замешанная на материнском отношении, наверное, была сильнее, надежнее обыкновенной девичьей. Говорят, что от страданий она не гибнет, а напротив, укрепляется, поднимается на необычайную высоту, что, именно в этом и состоит добровольное мученичество любящей женщины: она должна испить горькую чашу страданий, заплатить за нее здоровьем и карьерой. Но вероятность найти человека, достойного такой любви, слишком мала! Я не испытала полноты счастья любви мужчины, но что такое любовь – я знаю. Я любила. Это когда вся кровеносная система подчинена одному – любви...

Теперь многие в любовь не верят, говорят, что она из бабушкиного сундука и пахнет нафталином. Есть любовь. Как же без нее?

– Миша-то обходился любовью к себе.

– Каждому свое... Неудачи не скорректировали мой характер. Мне по-прежнему хочется верить, любить, делать что-то хорошее. И это при том, что доброта теперь в нашем обществе стала синонимом глупости. Нам бы с нашим восприятием чести, долга и любви в девятнадцатый век.

– Там, я думаю, тоже тварей хватало, – хмыкнула я, не разделяя Машиного оптимизма.

– И почему любящим людям трудно друг с другом?

– Вопрос вопросов!

– Мы с Мишей будто жили на разных, не пересекающихся плоскостях. Где его хваленое здравомыслие?

– Он же только себя любил, – жестко напомнила я.

– Я его больше себя любила, вот и дошла до такой жизни, что от недостатка его любви в моей душе постоянно присутствовало ощущение сиротской покинутости. Надолго укорени-

лась во мне ноющая надломленность. Сердце бунтовало молча. Я искала необходимое равновесие, без которого не мыслила нормальной жизни семьи, а что нашла? Я устала то и дело наткаться на неподдающиеся моему разуму препятствия, меня угнетала реальность, созданная и навязанная мне Мишиной семьей. Я не принадлежала ни себе, ни ему. Я растворилась в неприятностях... Знаю, не бывает так, чтобы все было хорошо и на работе, и в личной жизни. А у меня ни там, ни там... – продолжала грустить Мария, – Сама виновата, мое упущение. Не сумела я перед мужем поставить вопрос ребром, поздно хватилась. Надо было предвидеть. Я вела себя в их семье с естественностью ребенка. Не скоро жизнь меня отформатировала. Скажу так: наверное, всем хотелось бы ощущать злобные силы судьбы на безопасном расстоянии, только не каждому это удастся. Я понимаю, что жизнь никого не гладит по головке, но кому-то выпадает и счастливый жребий.

Теперь в моих глазах моя жизнь с Мишей представляет собой непрерывный ряд ошибок. И все из-за мягкости характера и деликатности. В такой семье они бесполезны. Я в семье мужа вела себя скромно, полагая, что тем самым должна пробуждать в его родственниках желание быть снисходительными и ко мне. Уважение должно порождать уважение, так учили меня в детстве, мол, как аукнется, так и откликнется. Но я вызывала в них, исполненных самодовольства, которое они и не пытались скрыть, желание унижить, оскорбить и тем самым возвыситься надо мной более доброй, а значит, с их точки зрения более слабой. Они считали, что не моя интеллигентность, а слабость, страх перед ними – причина моей покорности. А я утверждала, что доброта – удел сильных. Слабые люди позволяют себе быть злыми, гадкими, оправдываясь тем, что не способны себя преодолеть. И только сильные духом могут позволить себе быть щедрыми, снисходительными.

Потом разобралась. Оказывается, бывают люди сильные злым духом – их, конечно, немного – и люди сильные добрым духом, которые не демонстрируют свою силу. Слабые у них вызывают сострадание и желание защитить.

Слабые особи тоже бывают добрыми и злыми. Добрых слабых «припахивают» и сильные злые, и слабые злые, если они хитрые. И я теперь прекрасно отдаю себе отчет в том, что сильные добрым духом могут бороться со злом, а добрым и слабым – я оказалась именно такой – надо бежать от злых как можно скорее и как можно дальше, да так, чтобы подметки горели. Доброта побеждает в кúпе, потому что добрых или хотя бы не творящих зло людей больше.

– Безразличных к добрым не относи, – возмутилась я.

– Вот такая интересная градация у меня получилась, и такие грустные выводы я сделала только после нескольких лет замужества. Наверное, именно этому в первую очередь надо учить детей, а не музыке, балету или физике.

– Теперь мне понятно для кого ты разрабатывала свою классификацию, а то я уже решила, что ты за меня взялась, – усмехнулась я.

– Хотела в одной обойме с мужем прожить. Ради любви к нему отказывалась от себя, от общения с друзьями, а он не стоил того. Ни счастья не обломилось мне в жизни, ни денег.

– Он хотел один радоваться жизни. В нем был непочатый край тщеславия. Зачем ему мелкие, нудные заботы о семье? Легче уйти от проблем. А еще лучше припахать того, кто слабее духом или добрее. С него было достаточно и того, что он два года обхаживал тебя до свадьбы. Остальное поручил твоим заботам.

– Вопиющая несправедливость! Любовь, как оказалось, не гарантирует счастья. В чем мои ошибки?

– Любовь, если она есть... Зачем себя обманывать, оправдывая и оправдываясь? С самого начала тебе придется признать, что ты поведение мужа примеряла на себя без учета мужской психологии и психологии его персонального эгоизма, оттого и не понимала его. Это многое проясняет. Именно поэтому попытка непредвзято разобраться в своей ситуации ни к чему тебя не приводила, – спокойно и уверенно объяснила я.

– Понимаешь, я считала, что различие в людях предполагает взаимное духовное обогащение, которое делает жизнь интереснее, радостней. И меньше всего я могла представить себе, что он... станет изменять.

– Радостней для кого? Вот в чем вопрос, – снова усмехнулась я. – Человек многолик и непредсказуем. Ох уж этот наш женский мир надежды и несбыточного упования! Ох уж это наше пресловутое счастье! Хотим иметь непогрешимых мужей, верим, что нас никоим образом не затронет участь многих несчастных подруг.

– Как-то завела с Мишей разговор о счастливых семьях и верных мужьях. О своей подруге ему рассказала. Та спросила мужа, как ему удастся сохранять верность? А он ответил, что это качество у него генетическое. «И тебя я не буду сторожить. Измена – это как предательство на войне, преступление, не имеющее срока давности. Узнаю хоть по истечении любого времени – сразу развод».

«А я думал, расстрел», – рассмеялся мой Миша.

Я внутренне усмехнулась: «Хорошо шутишь. Дурак думками богатеет».

«Но ведь гадкие люди из зависти могут опорочить жену. Всплывет каскад «интересных» подробностей». На моей памяти такое не раз случалось с моими знакомыми», – сказала я подруге.

«Мой муж не дурак, чтобы наветам верить. Конечно, сначала расследовал бы».

– Провожу реакцию Миши, – серьезно отреагировала я.

– Да, он рассмеялся и сказал, что верных супругов не бывает, мол, для мужчины верность, что для льва клетка. Мамашина школа, – усмехнулась Мария. – Получается, я жила по принципу: «Хочешь быть счастливой? Будь!.. В мечтах».

– Твоя свекровь, возводя напраслину и умышленно обвиняя тебя в мнимых изменах, играла на том, что мужчины видят в измене женщины, прежде всего, ущемление своей мужской чести. Оно для них позорнее самой оскорбительной, казалось бы, неспособности содержать семью, возможности бросить детей, хуже таких слабостей как пьянство и курение. В этом есть что-то примитивно-животное. Не правда ли? Именно поэтому некоторые из них не понимают, что красивый цветок не обязательно срывать, им лучше любоваться издали.

Одни не могут устоять перед женщиной, а другие, не желая сдерживать свои эмоции, убивают. Впрочем, я вовсе не исключаю и другие варианты и комбинации. Но ведь на то мы и люди, чтобы руководить своими чувствами и тормозить отрицательные эмоции. Устоять перед соблазном – достоинство, – сказала я.

– Когда Миша с явным облегчением уезжал в командировки, я радовалась, предполагая, что ему в этой семье также плохо, как и мне, и даже жалела, что иногда выставляла напоказ свою досаду и раздражение, вызванное поведением его родственников.

– Тебе стоило бы научиться видеть и ценить в жизни еще что-то кроме работы и семьи. Любому человеку нужна отдушина.

– Растворяться в муже, не значит терять себя. Вредно на чем-то или на ком-то заикливаться. Это ведет к разрушению личности.

Хобби? Хорошо рассуждать о свободном времени при нормальном муже, которому и в голову не придет хоть намеком, хоть взглядом оскорбить, не помочь, не защитить. Семья для меня была всем, включая хобби. Помимо работы я шила, вязала. Ремонт квартиры был на мне. Сад, город. Не до театров и книг было. Но не думаю, что заботясь о семье, я разрушалась как личность. Скорее, Миша от безделья деградировал, – резко ответила Маша, готовая настаивать на этом до последнего.

– Ты права. А вот мы, женщины, даже постоянно занимающиеся только домашним хозяйством как-то умудряются сохранять форму, – погасила я, начавшееся было разгораться в ней пламя обиды.

– Но быстро теряем себя в тоске, – заметила Маша.

И вот я снова забеременела. Той радости, которую я испытала в первый раз, уже не почувствовала. Я думала о том, какого ребенка я возвращу в такой атмосфере. На меня почему-то напало странное безразличие ко всему, что происходило в семье. И я поняла, что сам организм пришел мне на помощь, стараясь защитить моего малыша от стрессов.

– Миша был рад сыну, с цветами из роддома встречал? – спросила я.

– В день, когда меня забирали в роддом, мать отправила его в дом отдыха. Я умалила Мишу не уезжать, сдать путевку, но он удивленно возразил: «В чем проблема? С тобой остается моя мама».

«В трудную минуту мне нужен муж», – попыталась я втолковать Мише. Но он все равно уехал, перешагнув через мои мольбы. Я, кажется, у Толстого читала, что офицер мог позволить себе отправиться на войну, подождав, пока жена родит.

По недосмотру во время родов у сыночка была повреждена ножка. Проводились операции, в результате которых, он на всю жизнь остался хромым. Теперь-то такие травмы лечат, а тогда...

Мария напрягаясь, побледнела, но продолжила рассказ:

– Моя подруга-врач считала, что сынок у меня родился с недостатком по причине нервной обстановки в семье. Она приводила массу примеров детей, рожденных с дефектами конечностей, болезнями легких и сердца. Еще рассказывала, что когда родители ссорятся, дети в утробе матери даже инфаркты переносят. Позже, с появлением «УЗИ», она неоднократно наблюдала подтверждение своим предположениям. Но наши «светила» не признают эти факты, и число детей с умственными и физическими отклонениями растет. Конечно, еще экология становится причиной таких дефектов и безответственность медперсонала. А наши старики понимали, как важно будущей маме растить внутри себя малыша в покое и в радости.

Я заволновалась:

– Машенька, успокойся, все это в прошлом. Ты сумела достойно перенести все трудности, сына прекрасного вырастила, женила, внук у тебя здоровенький растет. А твой Миша для семьи – бурьян, чертополох.

Я понимала, что она заново переживает свои беды, что они живо, подробно и ярко стоят у нее перед глазами и тисками сжимают сердце.

– Очень скоро, осознав, что сына нельзя вылечить, Миша загулял. А может, и раньше с ним такое случалось, откуда мне знать, когда он свалился в помойку греха и блуда? Это для меня шаг в сторону – расстрел. Я даже выставку не позволяла себе одной посетить, не желая нарушать «протокола» замужней женщины. Моральный закон – у нас в сердце. Он как камертон чутко реагирует на отклонения. А если его там нет... И я для себя всё поняла. Не быть нам вместе. Будут потери, но не будет приобретений. Нечем будет зажигать и подпитывать...

– Быстро Мишка сдулся. И расплзлась ваша жизнь на отдельные гнилые нитки... как старый изношенный свитер. Зло не исчезает. Оно затаивается, но не дремлет, – усмехнулась я грустно. – Не удивлюсь, если узнаю, что далеко не последнюю роль в поведении сына сыграла твоя свекруха.

– Я не хотела замечать очевидные вещи и признавать Мишины недостатки глубокими, укоренившимися. Я не подозревала, что за постоянной недосказанностью, натянутостью наших отношений и приступами внезапной раздражительности мужа скрывается тщательно хранимая им, придуманная его матерью тайна «моих измен». Я относилась причину охлаждения мужа к постоянному неусыпному влиянию матери, которая ни на день не отпускала сына из-под своего контроля, но не представляла уровня ее подлости. Мать уговорила Мишу не рассказывать мне о том, что он знает про мою «неверность», чтобы я не могла опровергнуть ее наветы.

Я считала, что любовь должна быть открытой, но бережной, а Миша – что безрассудной. Я была внимательна и предупредительна к его настроению, тщательно следила, чтобы он не

переутомлялся, боялась наскучить ему бытовыми проблемами, старалась не навязываться со своими просьбами о помощи. Сама все успевала. У мужа по вечерам был телевизор, а у меня кухня и все остальные заботы. Но он все равно легко выходил из себя, вечно был чем-то недоволен, все время что-то доказывал, навязывал.

– У тебя срабатывало чутье любящей женщины, а откуда ему было взять чуткости, если он не умел любить?

– Ты права. Наверное, Миша тогда уже ходил к своей пассии, а я все не придавала значения его задержкам, не предполагала, что ему есть что скрывать, верила, что он много работает, для семьи старается. Ведь по моим понятиям семья – это то, ради чего стоит жить. И жалость к нему, больному, скребла душу. Не могла я и не хотела видеть его другими глазами.

– Ты между правотой и добротой выбирала доброту.

– А он изолгался, научился не выдавать своих чувств, чем усыплял мою бдительность. Моя природа перфекциониста не допускала фальши, лжи и ухищрений. И вдруг... он оговорился, назвал меня другим именем.

– Не оговорился, а проговорился, – зло отреагировала я. – Называй вещи своими именами. Опять жалеешь Мишку? Ты думаешь, он влюбился?

– Как вариант, но не факт. Могут быть и другие причины: деньги, карьера, лесть. Он придумал называть меня «милая». Мне так нравилось! В такие моменты я испытывала к нему особый прилив нежности: «Он меня любит!» В студенческие годы нашей любимой песней была «Милая» в исполнении Сличенко. У многих молодых людей этот певец тогда был на устах.

Мария замолчала. Шершавый комок горечи застрял в ее горле.

– Седые волосы у тебя были от его «шуточек»?

– ...А Миша, гонимый яростью, бесами мести, отчаянием и удушающей злобой, вскормленной и взращенной наветами матери, несся к некрасивой, немолодой, много в жизни повидавшей замужней начальнице. (По должности она – апологет нравственности!) После оговоров он даже не позаботился узнать, по какой такой причине я ему будто бы изменяю. А я терялась в догадках, выискивала причину охлаждения мужа в себе. Но нашла ее уже после развода в лице своей бывшей свекрови, которая внушила сыну, что ребенок не от него.

После рождения сына муж окончательно распоясался, стал руку на меня поднимать.

– Я бы ему в ответ врезала. Мужчины утверждают, что женщины в драке не имеют тормозов, потому что привержены в любом деле идти до конца.

– Милицейская статистика с тобой не согласна, – возразила Мария.

– Это они от страха так говорят, – рассмеялась я.

Мария не приняла моего шутивого настроения:

– Наше законодательство не заботится о женщинах, не защищает их. И те законы, которые есть, не работают. Насилие не пресекается, потому что мужчины защищают мужчин. И в Думе лежат новые, не ратифицированные законы годами. А во многих странах они уже давным-давно есть. Мало у нас женщин во власти.

Сейчас эта проблема стоит особенно остро. По приблизительным подсчетам каждый год мужчины в семьях убивают что-то порядка четырнадцати тысяч женщин. А сколько их бито и покалечено? Половина всех преступлений совершается в семьях в алкогольном опьянении. Но милиция заявления не принимает, мол, нет состава преступления. Говорят: «Когда убьют, тогда и приходите». А кроме физического насилия есть еще и экономическое, психологическое и сексуальное. Таких пострадавших вообще невозможно посчитать.

– А женский «террор»? Ну эту лукавую статистику мы ставим «на сладкое»? – усмехнулась я.

– Когда же с экранов уберут насилие? Я и «Дом-2» давно прикрыла бы, и многие «помо-
ечные» издания. Они пропагандируют свободные связи и безответственность. У нас восемьде-

сят процентов разводов! Мужчины не хотят себя обременять. Они легко расходятся, потому что дети остаются с женами. Прости, наболело.

– Понимаю, назрела необходимость выплеснуть.

– Так вот о себе. Мне некуда было уйти. И Миша решил, что подмял меня, на цепь посадил, что я все стерплю. Он и его семейка мертвой хваткой вцепились в мое горло и не давали дышать.

Через год мы разошлись. Глаза не видят, сердце не болит.

– И в их семье появилась вакансия на место... «девочки для битья».

– Миша не понимал, что жизнь – не только и не столько работа, хотя наши дела – наш памятник. Это, прежде всего, семья, наши дети, внуки и родители.

– Не дождалась квартиры?

– Сил больше не было хоронить себя заживо. Мишу я не удерживала. Такой отец сыну не нужен. Свекровь добила своего: сын опять стал принадлежать только ей. Такая мамаша – катастрофа для любой невестки, потому что она ей не нужна. Я со всех сторон была в проигрыше, и ожидать изменения ситуации к лучшему не имело смысла.

– Злобная свекруха, змея подколодная способствовала твоему скорейшему уходу, не хотела, чтобы ты претендовала на новую квартиру.

– Сначала я сняла угол, потом скиталась по квартирам. В работе придерживалась принципа: ничего не просить, ни от чего не отказываться. Наконец, мне дали комнатку в общежитии с окошком в виде узкой щели. Проблем было не счесть. Ничего, выдержала! – без пафоса и кокетства сказала Мария.

– Полет птицы начинается с гордости, – оценила я рассказ подруги. – Пусть Мишка знает, что не весь мир вращается вокруг него.

– Когда мы расстались, я впервые за долгие пять лет почувствовала свободу. Будто из тюрьмы вышла... Долго копила на однокомнатную квартиру. Теперь сын с семьей в ней живет. А для своих детей пусть сам жилье зарабатывает. Я уверена, он сумеет. Думаешь, моя жизнь банальна? Она много более наполненная, чем у моего бывшего. От жизни я получаю все, кроме...

– Студенткой ты была спокойной, немного нерешительной. Откуда в тебе столько силищи? Какие мощные качества!

– Наверное, они во мне всегда имелись в зачатке, но не было причины проявлять эти черты характера, – усмехнулась Мария.

– С вами все ясно. А вот почему Раумкисы разбежались? Он удивительный человек. Какая-то в нем нестигаемая воля. Лицо каменное, а внутри мягкий, любящий. В нем есть все то, что я ценю в мужчине. А Ксюша не поняла его?

– Он на две семьи жил, – сухо заметила Мария. И вдруг сказала тихо и мечтательно:

– И хорошее было... Мне поход с Мишей на реку припомнился. Это было наше первое совместное лето после окончания вуза. Я еще считалась как бы гостьей в семье мужа. Конечно, меня уже многое шокировало во взаимоотношениях его родственников, но они сразу полностью не раскрывали себя, и я была полна оптимизма... Пришли мы на реку. Была середина лета, а вода все еще не стояла в берегах. На лугу поблескивало много лужиц и маленьких озерков. Мы разулись. Я с огромным удовольствием шлепала босыми ногами по теплой воде и по мокрой шелковистой травке, а Мише не нравилось идти босиком. Трава колола его изнеженные городские ступни. К тому же он немного поранил большой палец правой ноги. Я бы, конечно, на такую царапину у себя внимания не обратила, но Миша расстроился, испугался заражения, стал искать, чем бы забинтовать рану. Я восприняла его жалобы как игру. Отыскала подорожник, примотала его к пальцу носовым платком и на спине перетащила мужа на сухое место. Миша так искренне обрадовался моей заботе, что я поняла: он не шутит, волнуясь за свое здоровье. Меня удивила и рассмешила его щепетильность, но я виду не подавала. Мне

было приятно, что он счастлив моею к нему любовью. Мы долго разглядывали мальков, колеблющихся над травой в искрящейся прозрачной воде лужицы, болтали о пустяках... Такими счастливыми мы больше никогда не были. Нет, ошибаюсь. Один раз мы с маленьким сыном ходили на то же самое место. Правда, Миша был несколько раздраженным, но я все равно была счастлива. То был последний, прекрасный аккорд в нашей семейной жизни... Я отвлеклась?

– Обычное лирическое отступление, – одобряюще улыбнулась я.

– И теперь, когда мои годы почти на исходе, я думаю: «Чем я Небеса прогневила, что они наделили меня горькой судьбой, послав массу испытаний?...»

Мария надолго впала в задумчивость. Но видно свекровь была главным «раздражителем» ее нервной системы, и через много лет не дававшим ей покоя ни днем, ни ночью.

– Много позже я поняла, что посчитать меня хорошей, означало бы для моей свекрови признать себя плохой. Этого она допустить была не готова, иначе могла лишиться любви сына. Ее лозунг – она идеал, а все остальные – никуда не годные. Она хотела безраздельно владеть сыном и использовать его в своих целях на полную катушку, а если не получится, то мстить за это невестке до последнего вздоха. И это называется святой немеркнувшей материнской любовью? Это же дичайший эгоизм! По моим понятиям, ей следовало бы подумать, как остаться необходимой Мише, не сбрасывая со счетов его жену и ребенка, а не мешать молодой семье, не цепляясь за сына, удерживая его всеми самыми подлыми способами.

– Осененная божественным прозрением, ты решила прикоснуться к разгадке земного бытия?

– С юности мы все мечтаем о счастье с любимым и не представляем, что можем получить к нему «в нагрузку», – усмехнулась Мария.

– Эммин муж тоже был зависим от матери, но не в такой степени. У твоего явная патология, – грустно заметила я. – Такая «удача» тебе и не снилась.

Я Валеру с Катей вспомнила. Он говорил: «Наша любовь – дар небес. Мы друг другу тридцать лет дарили счастье. Я никогда не был во власти других женщин, хотя они наперебой предлагали мне и руку, и сердце. Не нуждался я в этом. И Катенька, я знал, была востребована... Я не вдовец. Я по-прежнему женат на моей Дюймовочке, на моей фарфоровой куколке с железным характером. Это она меня «слепила из того, что было»... Еще в молодые годы она связали мне пуловер, и он прошел со мной через все десятилетия нашей жизни. И теперь все еще согревает меня и мое тоскующее сердце».

Мало кто из знакомых мне женщин может похвастать такой судьбой. И Катя говорила, что Валера ни разу не дал ей повода в нем разочароваться. Счастливые! Принято считать, что все в семье зависит от женщины. Нет, от обоих. Вот попадетсЯ дерьмо и...

Маша открыла форточку и возобновила беседу. Ее нынешние слова были продолжением ее давних мыслей.

– ...Миша никогда не стремился загладить вину, не просил прощения, вел себя в соответствии со своим вздорным характером. Неужели трудно произнести хотя бы «прости»? Сказать: «Я больше не буду» было бы ложью. Все мои усилия хоть немного повлиять на него лишь подогревали его гнев, который он тоже никак не хотел признавать. Особенно сильно Миша менялся в присутствии матери. Он становился еще более желчным, надменным. (Хотя куда уж хуже!) Его поведение с трудом поддавалось определению. Миша стремился показать матери, как ценит ее и не уважает меня, и делал это, не задумываясь, абсолютно естественно, словно подобное поведение было у него в крови, как предрасположенность к доброте у ребенка, рожденного в интеллигентной семье. При этом он терял всякое достоинство, проявлял безобразную невоздержанность, предвестницу ярости.

Миша не хотел, чтобы сердце его смягчалось, не замечал в себе ничего отталкивающего. Он – большой ребенок-эгоист. Ему нравилось им быть, чтобы баловали, не ругали, любили,

заботились и терпели. А взамен ничего не давал. А мне всегда хотелось быть во всем хорошей и правильной. Наверное, трудно понять другому человеку чувства, которые тот сам не испытывает. Не пожалеет, не приласкает, всецело поглощен собой. Не пронять его ничем. Миша подавлял меня своим слишком требовательным, придирчивым характером. Он – копия своей матери.

Теперь мне кажется, что Миша и сам толком не знал, зачем цеплялся за мою любовь. Может, она служила ему утешением в тех неудачах – я о них тогда даже не подозревала – в кратковременных связях с женщинами, которых он сам был не в состоянии долго обожать, сгорая как спичка. А я, зайдя в тупик, оправдывала свое долготерпение тем, что живя отдельно от свекрови, я вновь нащупаю, утерянную нами нить любви, когда-то соединившую нас, сумею отыскать ее, глубоко запрятанную в неведомом уголке его сознания. Я упорно продолжала с трогательной наивной преданностью любить человека, не стоящего моих чувств, искать с ним сближение.

– Ты считала, что надо уметь прощать, легко забывать обиды, вот и шла на примирение. Воображала себя понимающей, снисходительной, терпеливой. Героиней! Не скоро ты пришла к окончательному неутешительному выводу.

– Какое счастье желала ему мать? Хотела, чтобы сын каждый день жил в ненависти и злобе?

– Она тебя своими мерками мерила, – усмехнулась я, – а ты ее – своими.

– Она считала, что все женщины подлые. «Все? А вы, и ваши дочки?» – как-то спросила я ее удивленно, в очередной раз услышав ее категоричное заявление. Свекровь ничего не ответила. То ли не нашла, что сказать, то ли не удостоила? А может, она не задумывалась, не равняла себя со всеми, охаянными ею. В нашем с Мишей случае, зная, что недоверие убивает любовь, она действовала целенаправленно: намеренно вытравила любовь сына. Иногда мне кажется, что моя свекровь относится к числу людей, которые любят сочинять гадости, а потом, со временем, начинают искренне верить в то, что они на самом деле происходили.

– Сплетни сочиняют люди, чем-то обделенные, ущербные, – уверенно сказала я.

– Может быть. Но моей свекрови нравилось сплетничать, плести интриги, тут она существовала в своей стихии. Она ей была необходима как питьевая вода, как... кровеносная система. А чем еще она могла занять свой бездействующий мозг? На работу не ходила, читать не любила. Ложь развлекала ее, возвышала, помогала закатывать и поддерживать скандалы в семье. Она все время находилась в постоянном поиске новых идей... – усмехнулась Мария. – Да, много неприятных дней я пережила в этой проклятой семье. Жаль, что не сумела быстро избавиться от иллюзий. Я разворчалась?

*

– Я знаю, что некоторые женщины от обиды на мужей достаточно быстро снисходят до прозаических увлечений, а чтобы мужчины осмеливались подступиться к ним, сами подталкивают их к себе. Они проделывают это так искусно! И прежде чем мужчина поймет, что случилось, – он уже в сетях.

Я не оправдываю твоего Мишу. Вне всякого сомнения, он сам был не против... Но сначала боялся, а тут она... Рассуждая абстрактно, предположу... Возможно, немалую роль в переходе им границы дозволенного сыграла его самовлюбленность, страстное желание играть какую-нибудь важную роль, ощущать себя центром внимания (любовник начальницы!) и заставить других невольно обращать на себя внимание. Может, он мнил себя героем или, во всяком случае, хотел слыть таковым. Искушение само по себе не существует, оно у нас в головах.

– Что правда то правда, не принимала я раньше в расчет эту Мишину особенность, эту неприятную мне черту его характера, хотя, если быть до конца честной, замечала ее. Мне даже пришло в голову бояться его захваливать, чтобы не разрасталась она непомерно. Думала, неуязвимая позиция. Но просчиталась. Доводы одни, а выводы надо было делать разные. А Миша

даже не мог устоять перед искушением заявить во всеуслышание перед близкими друзьями о своей победе. Хотя, конечно, на самом деле это она решала, позволять ему или нет ухаживать за ней. Миша догадывался, чем может для него обернуться увлечение, но не задумывался над этим. Радость встречи с нею не вступала в противоречие с опасением по поводу того, что его тайна будет раскрыта. Может, она даже придавала его играм некоторую юношескую романтичность. Вот он и расслабился, начал слишком доверять «судьбе», что и погубило его.

Начальнице не составило большого труда добиться его расположения, представив дело так, будто это он в нее влюбился. Миша даже не заметил как она крепко забрала его в свои цепкие ручки. Наглой, алчной, хитрой бабенке на крючок попался. Чем присушила, чем перешибла мою притягательность, как выражался муж в студенческие годы? Наверное, тем, что не претендовала на его руку и сердце. Представляешь, когда Миша, будучи не уверенным в себе после их первого свидания, долго боялся показаться ей на глаза, она сама ему позвонила, мол, разве тебе не понравилось... со мной? Ну, кто же ответит в такой ситуации «нет», тем более, если зависит от этой женщины. Она сама убедила его встретиться с ней снова и использовала по полной программе. И зачастил он к ней... С тех пор мне стали доставаться его нервные бзики и холодная ирония, а ей радости.

Он обрек меня на страдание... Говорил одно, делал другое, проявлял неуступчивость там, где разумнее быть покладистым и наоборот... Когда я его уличила во лжи, то сначала надеялась, что он возмутится на мои слова, попытается оправдаться, рассеять мои подозрения. Но он не стал выкручиваться, а обвинил меня во лжи и глупых фантазиях. Как я потом поняла, это начальница, имея огромный опыт в подобных делах, научила его обороняться методом нападения. Он находил мои доводы несостоятельными и я, виновато, смущенно и искательно улыбалась, веря и не веря, замолкала. А когда я приперла его фактом их встречи при мне, он развязно заявил, мол, не могу не согласиться с тобой. И это был убийственный, рассчитанный удар по всей моей жизненной позиции, по порядочности и вере.

Ты думаешь, Миша был раздавлен своей виной? Пытался как-то оправдать свои любовные похождения? Пустил покаянную слезу? Нисколько. Напротив, вел себя нагло, как будто за ним стояла справедливость и праведность. Видно, связь с другой женщиной представлялась ему кульминацией всех его тщеславных устремлений и счастливых ожиданий. Она придавала ему уверенность. На другие чувства он не был способен. «Каждому творческому человеку хочется пробовать работать с различным «материалом». Дефицит чего-то – денег, чувств – всегда стимул, – проезжалась я по мужу, когда мне бывало особенно тошно. – К тому же общаясь с другой женщиной, ты даешь выход всем своим комплексам и обидам». Вынуждена признать, что эта связь чрезвычайно льстила его самолюбию. Я считала Мишу скромным, порядочным, а он встретил ту женщину и сразу сделался морально неустойчивым.

– Твой муж жил в мире чудес. Полагаю, он находил себя красивым и остроумным, что с моей точки зрения далеко не так, и с удовольствием предоставлял партнерше насладиться собой. Наверное, и в дальнейшем он не пренебрегал ничем, из того, что предлагали ему обстоятельства. Мой коллега в этой связи шутил, что каждая следующая женщина оказывалась хуже предыдущей, и что это правило сохраняется и в случае мужчин. Может быть, зная это, ты отказывалась от подобных способов расцветить свою жизнь и гордилась своей нравственностью?»

– Миша мог в силу своего слабого характера зависеть от кого угодно, только не от своей жены. Мама сумела его перепрограммировать от моего влияния. Будто к бабке сводила. Она с детства внушила ему патологическую любовь к себе, и, по сути дела, он не воспринимал других женщин всерьез. Они должны были или украшать его жизнь, или пахать на него, как я. Он же умел только влюбляться и был не в состоянии соответствовать моему высокому о нем мнению, – горько добавила Маша. – Есть мужчины жадные и до работы, и до наслаждений. А Миша к работе относился с прохладцей. Он только для себя не был жаден и обладал широкими взглядами, а для своей семьи во всем – очень даже прижимист, скуп даже на добрые слова.

Любовь для него заканчивалась там, где начиналась семья. Он не умел ее проявлять, будучи несвободным. Может быть, скудное детство глубоко в нем засело и не давало ему шанса стать щедрым? Но умный человек со временем должен развиваться, меняться в положительную сторону, не позволять душе лениться.

– А если лень черта характера?..

Мужчины в большинстве случаев существа непостоянные. По крайней мере, они себя так видят. Мало кому из них удастся сохранить твердость и неприступность. Одни открыто гордятся своим непостоянством, другие помалкивают, таятся. Но и те, и другие не любят порядочных, даже презирают их, мол, слабаки, жен боятся. Таков менталитет наших мужчин с невысоким уровнем культуры.

Но самое неприятное то, что они и в нас подозревают выдуманную ими порочность.

– По своему образу и подобию... Да еще не признают за нами ума, мол, «тело твое есть высший разум». Нищие вызубрили и взяли на вооружение. «Эротикой пронизана вся природа». Умники! А человеческой духовной красоты любви не заметили? Как попугаи с удовольствием повторяют шутку Людмилы Гурченко о том, что любовь одна, только предметы меняются. И тут же утверждают что, наш женский идеализм мешает нам наслаждаться телесной любовью. Какая непоследовательность!

– Отчасти они правы. Зжатость – от неправильного воспитания в семье, – заметила я.

– Любовь к мужчине не столько счастье, сколько несчастье. Много ли было у меня истинно приятных эротических моментов любви?.. Если только в самом начале... да и то... в основном это было яркое желание делать мужу приятное.

Я никогда не касалась Мишиных взаимоотношений с людьми на работе, оставляя за собой право на подобное вторжение лишь в собственной семье, как нечто личное, не предназначенное для дерзких взоров посторонних. Только в ней я позволяла говорить мужу о его поведении. Я, конечно, советовала ему быть с коллегами сдержаннее, чтобы не испортить себе карьеру, но дальше слов дело у меня не шло. Но стоило мне только один раз побывать в его лаборатории, я все сразу почувствовала и поняла без чужих подсказок. Там, в самой атмосфере разливался насыщенный дух его измен. Невооруженным глазом я видела это по тому, как относятся к нему сотрудники. Никто не говорил об этом, но все равно это проявлялось в отдельных жестах, взглядах, улыбочках, в том, как они презрительно или злорадно кривили губы, опускали глаза. Никто к Мише не был положительно расположен. И я уже не тешила себя надеждой, что смогу вернуть себе мужа.

Надо отдать Мише должное: в каком-то уголке своей души, может быть даже немного терзаемой происходящим, он чувствовал, что ему никогда не следует встречаться с женщинами в доме, где проживают его жена и ребенок. И не писанный закон ночевать дома соблюдал. Мне от других такое приходилось слышать!.. Но я не хотела вслушиваться в чужие трагедии. А может, Миша на такое не осмеливался, чтобы не нарываться на скандал? По натуре-то он труслив. Он не хотел разводиться, я его устраивала во всех смыслах.

Я совершенно случайно узнала об изменах мужа и только тогда поняла, где пропадал он, прикрываясь проблемами на работе. Был жуткий стресс... Не одна я такая глупая. У моей знакомой муж целый год «ездил» в командировки на соседнюю улицу. Один раз она заболела и ушла с работы пораньше. Вот тут-то и обнаружила муженька в ста метрах от своего дома. И открылись ее глаза. А она-то с такой любовью рубашки ему наглаживала, чемодан готовила в дальнюю дорогу! Развелась, чтобы не было черных дней – семь в неделю. И хотя ее больше не грела собственная любовь, стародавние шрамы обиды на сердце до сих пор не затянулись. Она как-то сказала мне: «Что бы я пожелала таким вот гуленам? СПИД подцепить. Жестоко? Да. Но я хочу, чтобы они сами себя наказывали». Мне иногда кажется, что такое вокруг нас твориться... сплошь и рядом. Я уже сомневаюсь, есть ли в мире порядочность и счастье. Как-то

стала сравнивать судьбы подруг со своей и поразились тем, как они схожи... Может, конечно, невезучие притягивает к себе таких же невезучих и несчастливых?

– Ты понимала, что Миша сам от тебя никогда не уйдет, не отвяжется? – Я переменила тему разговора.

– Понимала, только с положительной подоплекой. Верила в его любовь.

– И ты не боролась за свою любовь?

– Бывают моменты когда перестаешь бороться, руки опускаешь... Мишин роман с этой женщиной набирал обороты, а я должна права качать? Он будет шастать на сторону, а я ему в своей любви клясться, боясь, что бросит? Не дождется! Не стоил он моих слез. Боже мой, какая я была дура! Ведь было время, когда он, ухаживая за мной, даже не надеялся. Не сразу наши отношения приобрели более очерченную форму... У меня был абсолютный слух на правду. Я умела одним взглядом поставить на место неугодного обожателя, а тут... влипла как муха в расплавленную смолу. Я безошибочно улавливала фальшь, но не верила своему сердцу, считала, наверное, как математик, что голова надежнее. Но Мишино поведение не выдерживало никакой логики и это меня сбивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.